

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

15 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 15 (618) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Уильям Гарвей* (1578–1657), английский медик и анатом.

Уильям Гарвей родился в городке Фолкстон на берегу Ла-Манша, в графстве Кент. Отец его, Томас Гарвей, кентский йомен, занимался торговлей и нажил значительное состояние.

В 1588 году Уильям Гарвей поступил в Королевскую школу в Кентербери, где изучал латынь, а позднее был принят в колледж Гонвилл-энд-Киз Кембриджского университета. Эти годы он посвятил изучению «дисциплин, полезных для врача» — классических языков (латыни и древнегреческого), риторики, философии и математики, а также чтению и обсуждению произведений Гиппократов, Галена и других древних авторов. В 1597 году Гарвей получил звание бакалавра, и покинул Кембридж: по обычаю выпускников того времени, он отправился в пятилетнее путешествие и посетил Падую.

В 1600 году он занимал выборную должность «старосты» — представителя английских студентов в Падуанском университете. Анатомические исследования там процветали благодаря Джироламо Фабрицио д'Аквапенденте, который возглавлял вначале кафедру хирургии, а затем кафедры анатомии и эмбриологии. Фабрицио был учеником и последователем Габриеле Фаллопия. Среди падуанских учителей Гарвея был также Джулио Кассерио.

В 1602 году Гарвей завершил образование, получил степень доктора медицины и вернулся в Лондон, где спустя несколько лет стал действительным членом Коллегии врачей. А в 1609 году Гарвея официально зачислили врачом в штат больницы св. Варфоломея. Кроме того, он работал в Коллегии врачей и проводил собственные экспериментальные исследования.

В 1613 году Гарвей был избран смотрителем Коллегии врачей, а два года спустя стал лектором Ламлианских чтений, учрежденных лордом Ламли с целью повышения уровня медицинского образования в Лондоне. На Ламлианских чтениях лектору полагалось читать часовую лекцию два раза в неделю в течение всего года, чтобы за шесть лет студенты прошли полный курс анатомии, хирургии и медицины. Гарвей исполнял эту обязанность в течение 41 года. Параллельно он читал лекции по анатомии в Коллегии; рукопись его заметок к лекциям от 16, 17 и 18 апреля 1616 года под названием «Конспекты к лекциям по общей анатомии» хранится в Британском музее.

Труд Гарвея «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных» был опубликован в 1628 году во Франкфурте. В нем ученый впервые сформулировал свою теорию кровообращения и привел экспериментальные доказательства в ее пользу. Измерив величину систолического объема, частоту сокращений сердца и общее количество крови в теле овцы, Гарвей доказал, что за 2 минуты вся кровь должна пройти через сердце, а в течение 30 минут через него проходит количество крови, равное весу животного. Отсюда следовало, что, вопреки

утверждениям Галена о поступлении к сердцу все новых и новых потоков крови от вырабатывающих ее органов, кровь возвращается к сердцу по замкнутому циклу. Замкнутость же цикла обеспечивают мельчайшие капилляры, соединяющие артерии и вены. Гарвеем сами капилляры при этом открыты не были, их существование установил позже Марчелло Мальпиги.

Открытие Гарвея было встречено шквалом критики ученых, придерживавшихся взглядов Аристотеля и Галена о том, что кровь образуется в печени из пищи и движется по венам, слепо заканчиваясь в органах. Тем не менее, открытие кровообращения Гарвеем многие ученые признали еще при его жизни.

В начале 1631 года Гарвей стал лейб-медиком короля Карла I. Заинтересовавшись исследованиями Гарвея, Карл предоставил в его распоряжение королевские охотничьи угодья в Виндзоре и Хэмптон-Корте для проведения экспериментов.

После сражения при Эджхилле в 1642 году во время Английской революции Гарвей последовал за королем в Оксфорд. Здесь он возобновил врачебную практику и продолжил наблюдения и эксперименты. Вскоре король назначил Гарвея деканом Мертон-колледжа, а когда Оксфорд был осажден и взят сторонниками Кромвеля, Гарвей вновь вернулся в Лондон.

В 1646 году Гарвей издал в Кембридже два анатомических очерка «Исследования кровообращения», а в 1651 году вышел его второй фундаментальный труд — «Исследования о зарождении животных». В нем обобщались результаты многолетних исследований ученого, касающихся эмбрионального развития беспозвоночных и позвоночных животных, была сформулирована теория эпигенеза. Гарвей утверждал, что яйцо есть общее первоначало всех животных и все живое происходит из яйца. Исследования Гарвея по эмбриологии послужили мощным стимулом к развитию теоретического и практического акушерства.

С 1654 года до своей кончины Гарвей жил в доме своего брата в Лондоне и в предместье Рохамптон. Он доживал свой век, окруженный славой и почетом. Лондонская медицинская коллегия поставила в зале заседаний его статую, а в 1654 году избрала его своим президентом; но он отклонил это почетное звание, ссылаясь на старость и нездоровье.

Утром 30 июня 1657 года Уильям Гарвей заметил, что не владеет языком, и, чувствуя приближение смерти, послал за родными, раздал им на память свои вещи, а к вечеру того же дня скончался на 80-м году жизни.

В 1970 году имя Гарвея присвоено Международным астрономическим союзом одному из кратеров на обратной стороне Луны.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Азарх Д. Ю.**
Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам.....65
- Алиев Р. А., Атаманский Д. Р., Килюшин Г. С.**
К вопросу о субъективной стороне незаконного предпринимательства (статья 171 УК РФ)68
- Артеменко А. В.**
Порядок назначения на должность и освобождения от должности в органах Федеральной службы судебных приставов71
- Атаманчук М. А.**
Коллизии применения института давности и квалификации длящихся и продолжаемых ятрогенных преступлений74
- Барановская А. А.**
Проблемы исполнения страховщиком обязанности по осуществлению страховой выплаты в договорах страхования средств автотранспорта и гражданской ответственности их владельцев.....77
- Барановская А. А.**
Проблемы определения существенных условий договоров страхования средств автотранспорта и гражданской ответственности их владельцев.....80
- Басова А. А., Волкова Е. В., Гневашева Е. М.**
Проблемы применения электронных доказательств в уголовном судопроизводстве России82
- Бачиева А. А.**
Защита интересов кредиторов при банкротстве физических лиц в арбитражной практике85
- Борисова С. С.**
Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском уголовном праве.....87
- Бороздина К. А.**
Сравнительная характеристика договоров социального и коммерческого найма89
- Будняцкий М. М.**
Организационные основы спортивного правосудия93
- Воронова Т. В.**
Тактические аспекты назначения судебно-медицинской экспертизы по определению тяжести вреда здоровью95
- Гладышев А. И.**
Правовые проблемы признания смарт-контрактов в кредитных отношениях96
- Гринев В. В.**
Основные направления информационного и организационного обеспечения деятельности Законодательной Думы Томской области: состояние и перспективы.....98
- Гришина Д. Ю.**
Независимость судей в уголовном судопроизводстве 101
- Иванова К. Ю.**
К вопросу о роли суда в реализации принципа состязательности уголовного судопроизводства 104
- Калмыкова А. А.**
Право на защиту в уголовном процессе: ретроспективный экскурс..... 106
- Ковтуненко Э. Р.**
К вопросу о субъекте и квалификации преступления, совершенного медицинским работником 108
- Лабецкий Я. С.**
Право человека на бесцифровую среду в контексте цифровых прав 110
- Лапина А. А.**
Судебный штраф: теория и практика правоприменения 113
- Лукьянова О. Д.**
Цифровой рубль в современном гражданском обороте: проблемы внедрения..... 116
- Лыкова Е. О.**
Уголовно-правовая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью 119

Малый А. М.

Анализ проблемных аспектов квалификации
продолжаемых преступлений в судебной
практике 2020–2024 годов и роль
Постановления Пленума ВС РФ № 43
от 12.12.2023 в их разрешении 121

Мартынова В. Ю.

Проблемы, возникающие при вынесении
постановления об отказе в передаче
кассационной жалобы (представления)
для рассмотрения в судебном заседании
суда кассационной инстанции, и пути их
решения 125

Матющенко Д. Д.

Квалификация присвоения находки
в уголовном праве после принятия
постановления Конституционного Суда
Российской Федерации 127

Мерзляков А. А.

Экономические и юридические
гарантии конституционного права граждан
на пенсию 129

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам

Азарх Даниил Юрьевич, студент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматриваются актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам. Анализируются правовые основы и практические аспекты процедуры введения оперативно-розыскной информации в уголовный процесс. Особое внимание уделяется вопросам соблюдения конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий и обеспечения принципа состязательности уголовного процесса. Исследуются критерии допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, включающие относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Рассматривается многоэтапный механизм процессуального оформления оперативно-розыскной информации, анализируются проблемы правового и практического характера, возникающие на каждом этапе. Изучается роль результатов оперативно-розыскной деятельности как источника информации о возможных доказательствах и направлениях для проведения следственных действий. Автор обращается к международному опыту использования результатов негласных методов расследования в уголовном процессе и современным вызовам, связанным с развитием информационных технологий. В заключении делается вывод о необходимости достижения оптимального баланса между эффективностью борьбы с преступностью и обеспечением конституционных прав граждан.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, доказательства, уголовный процесс, допустимость доказательств, процессуальное оформление, конституционные права, следственные действия.

Введение

Нынешняя структура уголовно-процессуального регулирования отличается глубокой интеграцией между процедурными и внепроцедурными механизмами выявления и исследования криминальных деяний. Центральное положение в данной структуре принадлежит вопросу применения материалов оперативно-розыскных мероприятий в роли доказательной базы при рассмотрении уголовных производств, что продолжительное время выступает источником интенсивных теоретических дебатов и прикладных разногласий [1].

Установление виновности лиц, находящихся под подозрением или обвинением, представляет собой фундаментальную задачу следственных органов и дознавательных структур в рамках уголовного расследования. Адекватное определение признаков преступного деяния, комплексный анализ всей совокупности доказательных материалов и их взаимное сопоставление создают основу для вынесения судебного решения и применения уголовно-правовых санкций к лицу, нарушившему уголовное законодательство, согласно нормативно установленной процедуре.

Категорический запрет на применение доказательных материалов, полученных с отступлением от регламентированной процедуры, закрепляется статьей 50 Основного закона Российской Федерации [2]. Проблема отнесения сведений, полученных при реализации оперативно-розыскных действий к доказательствам, на сегодняшний день представляет актуальную проблематику для профессионального обсуждения.

Оперативно-розыскная деятельность и доказывание

Оперативно-розыскная работа составляет особую форму деятельности, реализуемую в открытом и скрытом режимах специализированными подразделениями государственных структур, наделенных соответствующими полномочиями федеральным законодательством, в рамках их компетенции через осуществление оперативно-розыскных операций с целью охраны жизни, здоровья, прав и свобод личности и гражданина, имущества, гарантирования безопасности социума и государства от криминальных воздействий [3].

Оперативно-розыскная деятельность, будучи специфической формой государственной деятельности по вы-

явлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, осуществляется в рамках особого правового режима, существенно отличающегося от режима уголовно-процессуального доказывания. Данная деятельность характеризуется негласностью, конспиративностью и использованием специальных сил, средств и методов, недоступных для применения в рамках обычного уголовного процесса [4].

Фундаментальная проблема заключается в том, что информация, полученная в ходе оперативно-розыскных мероприятий, изначально не обладает процессуальной формой и не может непосредственно использоваться в качестве доказательств. Для придания такой информации доказательственного значения необходимо ее процессуальное оформление в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Одним из принципиальных вызовов выступает гарантирование основополагающих прав личности в процессе осуществления оперативно-розыскных действий и дальнейшего внедрения их итогов в процесс доказательственной деятельности [5]. В связи с тем, что значительная часть оперативно-розыскных операций предполагает сужение основных прав на защиту личной сферы, конфиденциальность корреспонденции, секретность телефонного общения и прочих форм коммуникации, появляется потребность в неукоснительном соблюдении алгоритмов получения судебной санкции на их реализацию.

Особую сложность представляет проблема сохранения конспиративности оперативно-розыскной деятельности при одновременном обеспечении принципа состязательности уголовного процесса. Защита должна иметь возможность ознакомиться с материалами дела и оспорить представленные доказательства, однако раскрытие методов и источников получения оперативно-розыскной информации может нанести серьезный ущерб оперативно-розыскной деятельности и безопасности ее участников.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в рамках статьи 88 регламентирует принципы анализа доказательственных материалов, выделяя четыре ключевые характеристики: релевантность, правомерность, истинность и полноту. Релевантность подразумевает взаимосвязь сведений с фактическими обстоятельствами, существенными для уголовного производства. Правомерность представляет качество, обеспечивающее возможность применения полученных сведений в доказательственных целях, что подразумевает сбор информации в строгом соответствии с процессуальными нормативами. Истинность характеризует соответствие получаемых сведений реальным фактам. Полнота означает, что весь комплекс собранных доказательственных материалов создает основания считать, что обстоятельства, составляющие предмет доказательственной деятельности, исчерпывающе установлены [6].

Статья 89 Уголовно-процессуального законодательства фиксирует ограничение на применение сведений, добытых при осуществлении оперативно-розыскных

действий, в случае их несоответствия определенным параметрам. Параметры правомерности применения итогов оперативно-розыскной работы в доказательственном процессе охватывают соблюдение конституционных основ, правомерность осуществления оперативно-розыскных операций, связанность полученных сведений с исследуемым производством и возможность их верификации процессуальными инструментами. Несоблюдение любого из указанных параметров способно привести к квалификации полученных доказательств как неправомερных [7].

Механизм внедрения итогов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальную сферу определяется статьей 11 Федерального законодательного акта «Об оперативно-розыскной деятельности» и предусматривает их оформление в форме служебного донесения о выявлении признаков криминального деяния или специализированного уведомления о результативности ОРД. В данном контексте материалы, включающие сведения, составляющие государственную тайну, подвергаются рассекретиванию согласно установленной процедуре [8].

Процедура введения результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс представляет собой сложный многоэтапный механизм, включающий в себя оценку допустимости использования полученной информации, определение процессуальной формы ее закрепления и собственно процессуальное оформление. На каждом из этих этапов возникают специфические проблемы правового и практического характера.

Важно отметить, что результаты оперативно-розыскной деятельности выполняют в уголовном процессе особую функцию — они служат источником информации о возможных доказательствах и указывают направления для их процессуального получения. Как справедливо отмечается в научной литературе, результаты ОРД являются своеобразными «глазами и ушами» следствия, позволяющими определить, где и какие следственные действия необходимо произвести для получения допустимых доказательств [9].

Фундаментальным началом применения итогов ОРД выступает их верификация и анализ в равной степени с иными доказательственными элементами. Правомерность подобных итогов требует подтверждения легитимности оснований и соответствия условиям осуществления оперативно-розыскных операций, в то время как их релевантность и истинность устанавливаются посредством реализации следственных и судебных процедур.

Прикладное воплощение применения итогов оперативно-розыскной работы в доказательственной деятельности реализуется через разнообразные процессуальные механизмы. К наиболее типичным относятся предоставление вещественных объектов и документации, добытых при осуществлении оперативно-розыскных операций, осуществление следственных мероприятий на базе оперативно-розыскных сведений, а также привлечение лиц, действующих оперативно-розыскным структурам, в статусе свидетельских лиц.

Предоставление материальных предметов, выявленных или конфискованных при проведении оперативно-розыскных операций, нуждается в их процессуальной легализации путем осуществления соответствующих следственных мероприятий. При этом должна быть обеспечена неразрывная цепочка событий, подтверждающая подлинность и неизменность представляемых объектов [10].

Использование оперативно-розыскной информации для планирования и проведения следственных действий является одним из наиболее эффективных способов реализации результатов такой деятельности. В этом случае оперативно-розыскная информация не становится непосредственно доказательством, но обеспечивает получение доказательств процессуальным путем.

Особые сложности возникают при использовании в качестве свидетелей лиц, оказывавших содействие оперативно-розыскным органам. С одной стороны, показания таких лиц могут содержать важную доказательственную информацию, с другой стороны, их привлечение к участию в судебном процессе может поставить под угрозу их безопасность и нарушить конспиративность оперативно-розыскной деятельности.

Судебная практика демонстрирует неоднозначное отношение к использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании. Суды зачастую проявляют повышенную осторожность при оценке таких доказательств, особенно в случаях, когда имеются сомнения в соблюдении процедуры их получения или оформления [11].

Развитие информационных технологий и появление новых способов совершения преступлений ставят перед правоприменительной практикой новые вызовы в области использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Электронные доказательства, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, требуют

особых подходов к их процессуальному оформлению и исследованию.

Международный опыт показывает различные подходы к решению проблемы использования результатов негласных методов расследования в уголовном процессе. В некоторых правовых системах существует более либеральное отношение к таким доказательствам, в других наблюдается тенденция к ужесточению требований к их допустимости [12].

Заключение

Сведения, добытые при реализации оперативно-розыскных мероприятий, допускают возможность их внедрения в уголовно-процессуальную деятельность в роли доказательственной базы при условии их получения в соответствии с уголовно-процессуальными нормативами и обладания качествами релевантности, правомерности, истинности и полноты.

Исследование нормативного обеспечения и практики внедрения итогов оперативно-розыскной работы в доказательственную сферу демонстрирует, что указанная проблематика представляет многоаспектную систему взаимообусловленных вопросов теоретической и прикладной направленности. Успешное решение этих вопросов требует комплексного подхода, учитывающего как потребности эффективной борьбы с преступностью, так и необходимость обеспечения конституционных прав граждан.

Перспективы развития правового регулирования в данной области связаны с необходимостью достижения оптимального баланса между эффективностью борьбы с преступностью и обеспечением конституционных прав граждан. Это требует дальнейшего совершенствования законодательства, развития судебной практики и повышения профессионального уровня правоприменителей.

Литература:

1. Клоков, С. Н. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс). Курс лекций: учебное пособие / С. Н. Клоков, М. А. Савкина. — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2021. — 273 с.
2. Статья 50 // ГАРАНТ: справочно-правовая система. — URL: <https://base.garant.ru/10103000/52578c3309a272ee8ad686a4e87a118f/> (дата обращения: 24.06.2025).
3. Легостаев, В. П. ОРД как вид правоохранительной деятельности и ее признаки / В. П. Легостаев // Вестник Академии знаний. — 2013. — № 1 (4). — С. 195–199.
4. Непрокин, Е. А. Оперативно-розыскная деятельность, ее основные задачи, соотношение с уголовно-процессуальной деятельностью / Е. А. Непрокин // Молодой ученый. — 2019. — № 37 (275). — С. 44–46. — URL: <https://moluch.ru/archive/275/62360/> (дата обращения: 24.06.2025).
5. Ховавко, С. М. Правовые гарантии соблюдения конституционных прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий / С. М. Ховавко // Общество и право. — 2016. — № 4 (58). — С. 131–136.
6. Рогава, И. Г. Допустимость как свойство доказательств в уголовном судопроизводстве / И. Г. Рогава, Д. В. Яловая // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 2–2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopustimost-kak-svoystvo-dokazatelstv-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 24.06.2025).
7. Назаров, М. В. Изменение положений статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как необходимый этап развития института уголовно-процессуального использования результатов оперативно-розыскной деятельности / М. В. Назаров // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2022. —

- № 4 (50). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-polozheniy-stati-89-ugolovno-protssesualnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-kak-neobhodimyy-etap-razvitiya-instituta> (дата обращения: 24.06.2025).
8. Арчаков, А. З. Порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности / А. З. Арчаков // Молодой ученый. — 2024. — № 42 (541). — С. 76–78. — URL: <https://moluch.ru/archive/541/118348/> (дата обращения: 24.06.2025).
 9. Ларин, К. И. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / К. И. Ларин // Образование и право. — 2021. — № 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-v-dokazyvanii-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti> (дата обращения: 24.06.2025).
 10. Маслов, А. К. Процессуальное оформление следователем предметов, вещей и иных документов, полученных в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности / А. К. Маслов // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2010. — № 1. — С. 109–114.
 11. Новиков, А. М. Проблемы оценки и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания / А. М. Новиков, С. Н. Хорьяков // Актуальные проблемы государства и права. — 2022. — № 23. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-otsenki-i-ispolzovaniya-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-v-protssesse-dokazyvaniya> (дата обращения: 24.06.2025).
 12. Standards of Admissibility for U. S. Intelligence as Evidence in International Criminal Proceedings // Harvard Human Rights Journal. — 2025. — Vol. 38. — P. 1–56.

К вопросу о субъективной стороне незаконного предпринимательства (статья 171 УК РФ)

Алиев Руслан Агилович, студент;
Атаманский Дмитрий Русланович, студент;
Килюшин Геннадий Сергеевич, студент
Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова

Научный руководитель: Топычканов Дмитрий Геннадьевич, преподаватель
Валуйский индустриальный техникум (Белгородская область)

Статья посвящена исследованию субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (незаконное предпринимательство). Автор анализирует дискуссионные вопросы, связанные с определением формы и вида умысла в данном составе преступления. Рассматриваются различные точки зрения, представленные в современной доктрине уголовного права, относительно того, может ли незаконное предпринимательство быть совершено по неосторожности, а также возможен ли в данном составе косвенный умысел. На основе анализа норм уголовного законодательства, судебной практики и научных позиций делается вывод о том, что незаконное предпринимательство является умышленным преступлением. При этом по отношению к извлечению дохода в крупном размере умысел является прямым, а по отношению к причинению крупного ущерба может быть как прямым, так и косвенным. Полученные выводы могут быть использованы для совершенствования правоприменительной практики и дальнейшего развития уголовно-правовой доктрины в сфере экономических преступлений.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, субъективная сторона, форма вины, умысел, прямой умысел, косвенный умысел, крупный ущерб, извлечение дохода в крупном размере, статья 171 УК РФ, уголовная ответственность, экономические преступления, квалификация преступлений.

Данное научное исследование направлено на изучение субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Автором делается акцент на рассмотрении вопроса о форме вины незаконного предпринимательства. Производится анализ различных точек зрения относительно формы состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ.

Среди экономических правонарушений особое место занимает незаконное предпринимательство. С появлением рыночных отношений в Российской Федерации в

1990-х годах и принятием новых законов, разрешающих частную предпринимательскую деятельность, вопрос о наличии уголовного наказания за данную деятельность, осуществляемую незаконно, обострился. Российская Федерация на современном этапе предоставила большой перечень возможностей для осуществления предпринимательской деятельности. Охрана общественных отношений, связанных с законным осуществлением деятельности в Российской Федерации, обеспечивается ст. 171 УК РФ. Полагаем, что указанная норма требует определённых

теоретических усовершенствований, которые найдут отражение в правоприменительной практике и позволят повысить эффективность уголовно-правового запрета как средства государственного регулирования.

Незаконное предпринимательство является одним из наиболее распространенных преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности. В соответствии с ч. 1 ст. 171 УК РФ: «Осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств в случаях, когда такие лицензия, аккредитация в национальной системе аккредитации или аккредитация в сфере технического осмотра транспортных средств обязательны, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, за исключением случаев, предусмотренных статьей 171.3 настоящего Кодекса» [1].

Законодательное определение признаков предпринимательской деятельности в РФ представлено в абз. 3. п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации: «... предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке» [2].

Объектом незаконной предпринимательской деятельности выступают охраняемые уголовным законом интересы в сфере экономической деятельности. В целях верной квалификации деяний по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации, следует определиться с тем, что рассматриваемый состав преступления является неналоговым, поскольку объектом уголовно-правовой охраны не являются налоговые правоотношения. Потому правоприменителю следует особо обращать внимание, что нарушение норм налогового права не охватываются составом преступления, предусмотренным ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В рамках данной научной работы видится целесообразным обратить внимание на форму вины состава преступления, предусмотренного ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации. В рассматриваемом составе преступления нет никаких указаний относительно формы вины. Между тем, в современной доктрине уголовного права можно встретить разные точки зрения по вопросу формы вины в составе преступления, предусмотренном ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации. Например, А. В. Губарева полагает, что «привлечение к уголовной ответственности за совершение экономических преступлений по неосторожности с политической точки зрения является неверным» [3, с. 92]. Мы также разделяем позицию, что действия по осуществлению предпри-

нимательской деятельности без регистрации, без аккредитации и при наличии причинения ущерба исключают возможность неосознанного характера таких действий. Следует выделить, что действия по осуществлению регистрации предпринимательской деятельности или аккредитации в установленных законом случаях являются императивными требованиями, подлежащими исполнению. И, полагаем, что окончательную точку в споре о форме вины рассматриваемого состава преступления ставит положение ч.2 ст. 24 Уголовного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которым, если в соответствующей статье Особенной части прямо указано на неосторожную форму вины, то деяние признается совершенным по неосторожности.

Вопрос о виде умысла в данной норме уголовного права представляется менее однозначным, поэтому кажется целесообразным остановиться на этом вопросе. Если предположить, что незаконный предприниматель действует с прямым умыслом, направленным на причинение крупного ущерба, то в таком случае справедливо говорить о том, что речь идет об ином составе преступления, например, о мошенничестве, когда лицо желает и стремится к причинению крупного ущерба или извлечения дохода в крупном размере, не осуществляя регистрацию предпринимательской деятельности или осуществляя ее без лицензии.

А. В. Силаев считает, что гражданин, осуществляющий незаконное предпринимательство преследует цель извлечения крупного дохода, что свидетельствует о наличии прямого умысла. На примере разграничения мошенничества и незаконного предпринимательства автор пишет: «При осуществлении незаконной предпринимательской деятельности совершаются те действия, которые подпадают под признаки недействительной сделки, а при мошенничестве происходит завладение чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием, в основе которого лежит фиктивная сделка. Целью мошенничества является завладение чужим имуществом, а цель незаконного предпринимательства — получение дохода как результата такой деятельности» [4, с. 100].

По-нашему мнению, если же прямой умысел незаконного предпринимателя направлен лишь на осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии, а умысел в отношении общественно опасных последствий отсутствует, то нет необходимости криминализовать такие последствия, как причинение крупного ущерба или извлечение крупного дохода.

О. В. Проценко в рамках своего научного труда, а именно анализа незаконного предпринимательства и его субъективных признаков приводит доказательства того, данной норме Уголовного кодекса РФ присущ не только прямой, но и косвенный умысел, как форма вины [5, с. 18]. Для подтверждения своей позиции О. В. Проценко указывает на сходство двух видов умысла; обязательностью и для прямого, и для косвенного умысла понимания преступником противоправности и общественной

опасности своей деятельности, а также осознанием возможности или неизбежности наступления общественно вредных последствий. Разграничение же этих двух видов умысла проходит по линии субъективного отношения и характера восприятия: при прямом умысле лицо желает наступления последствий, при косвенном — сознательно их допускает либо относится к ним безразлично.

Аргументированной видится позиция А. В. Коробейникова относительно определения вида умысла: «... когда извлекается доход в крупном размере, трудно говорить о какой-либо иной форме вины, кроме как о прямом умысле, поскольку в этом случае лицо, совершая незаконное предпринимательство, и осознавало общественную опасность своего поведения, и желало наступления соответствующего результата, в противном случае оно просто бы не стало заниматься данной деятельностью» [6, с. 32].

В доктрине конца 20 столетия указывается, что «незаконное предпринимательство, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству, может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом, а вина при незаконном предпринимательстве, сопряженном с извлечением доходов в крупном или особо крупном размере, может выражаться только в форме прямого умысла» [7, с. 40].

Таким образом, представляется, что незаконное предпринимательство является умышленным преступлением как по отношению к общественно-опасным действиям, так и общественно-опасным последствиям. При этом, умысел незаконного предпринимателя по при-

чинению ущерба может быть косвенным, в том случае, когда незаконный предприниматель допускает причинение крупного ущерба в результате осуществления предпринимательской деятельности без лицензии или без аккредитации, когда умысел является неконкретизированным.

Незаконное предпринимательство — умышленное преступление [8, с. 46]. Незаконный предприниматель осознаёт, что осуществляет предпринимательскую деятельность без регистрации или без лицензии, в случаях, когда такая лицензия обязательна, несмотря на это продолжает заниматься такой деятельностью. Вместе с тем, форма умысла виновного лица к общественно-опасным последствиям в виде причинения крупного ущерба или извлечения дохода может быть различной: по отношению к извлечению из незаконной предпринимательской деятельности дохода в крупных размерах налицо осознание субъектом этого и, как правило, желание извлечения такого дохода, а по отношению к причинению крупного ущерба умысел незаконного предпринимателя может быть косвенным, когда он предвидит наступление такого последствия и желает или сознательно допускает его, либо относится к этому безразлично.

Рассмотренные нами вопросы квалификации могут позволить в дальнейшем разрешить проблемы квалификации незаконного предпринимательства, связанные с определением признаков субъективной стороны данного состава преступления, авторские выводы могут быть взяты за основу совершенствования уголовной ответственности за незаконное предпринимательство.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Губарева, А. В. Юридическая ответственность за незаконное предпринимательство // Российское право: образование, практика, наука. — 2019. — № 6 (119). — С. 89–95.
4. Силаев А. В. Проблемы отграничения незаконного предпринимательства от смежных составов преступлений // Вестник Челябинского государственного университета. Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 29(283). — С. 97–101.
5. Проценко С. В. О субъективной стороне и субъекте преступления как элементах состава преступления // Российский следователь. — 2016. — № 14. — С. 18–23.
6. Коробейников Д. В. Незаконное предпринимательство (ст.171 УК РФ): проблемы формы вины // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 33. — С. 26–32.
7. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятия, система, проблемы квалификации и наказания: Монография — Саратов, 2006. — С. 70–71; Савченко А. О. О незаконном предпринимательстве. // Российская юстиция. — 1999. — № 12. — С.40.
8. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 211.; Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство. — М., 2001. — 763 с.

Порядок назначения на должность и освобождения от должности в органах Федеральной службы судебных приставов

Артеменко Александр Викторович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируется правовой механизм назначения на должность и освобождения от должности в органах Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. Рассматриваются квалификационные требования, предъявляемые к кандидатам, особенности заключения служебного контракта, основания прекращения служебных отношений. Отдельное внимание уделяется правовым позициям судов и проблемным аспектам правоприменительной практики. Автором предлагаются направления совершенствования законодательного регулирования кадровых процессов в органах принудительного исполнения.

Ключевые слова: Федеральная служба судебных приставов, назначение на должность, освобождение от должности, служебный контракт, квалификационные требования, предельный возраст поступления на службу.

Правовое регулирование порядка назначения и освобождения от должности в органах Федеральной службы судебных приставов (далее — ФССП России) представляет собой один из ключевых элементов организации государственной службы в данной правоохранительной структуре. От того, насколько чётко и последовательно законодателем определены процедуры отбора кандидатов, заключения служебного контракта и прекращения служебных отношений, напрямую зависит эффективность реализации тех публичных функций, которые возложены на службу судебных приставов.

Для замещения должности на государственной службе в ФССП гражданин должен соответствовать квалификационным требованиям, предусмотренным действующим законодательством. К числу основных квалификационных требований, предъявляемых к кандидатам, относятся требования к уровню профессионального образования, к стажу гражданской службы или работы по специальности, направлению подготовки, а также к знаниям и умениям, необходимым для исполнения должностных обязанностей. Анализ правовых норм позволяет утверждать, что установление дополнительных квалификационных требований законодатель относит к праву руководителя федерального органа принудительного исполнения или уполномоченного руководителя, а не к его обязанности. Такой подход представляется не вполне оправданным, поскольку в отдельных случаях лицо, формально отвечающее основным квалификационным требованиям, может оказаться неспособным надлежащим образом исполнять обязанности ввиду специфического характера деятельности конкретного органа государственной власти. Как справедливо отмечают В. Б. Башуров и И. А. Косицин, в данной ситуации на должность государственной службы может быть принято лицо, отвечающее основным требованиям, но не способное надлежащим образом исполнять обязанности из-за специфики деятельности конкретного органа [4, с. 84]. В этой связи эффективная реализация возложенных на органы ФССП функций и задач невозможна без построения действенной системы формирования кадро-

вого состава, учитывающей особенности правоохранительной службы.

Законодательством о службе в органах принудительного исполнения [2] предусмотрены как общие требования к кандидатам, так и специальные условия, связанные со спецификой правоохранительной деятельности. К числу специальных требований следует отнести, во-первых, наличие российского гражданства, поскольку правом поступать на службу в органы принудительного исполнения наделяются только граждане Российской Федерации. Во-вторых, законодатель устанавливает возрастные ограничения: возможность поступления на службу предоставляется гражданам, достигшим восемнадцатилетнего возраста, при этом максимальный возраст для назначения на должности составляет сорок лет. В-третьих, предъявляются квалификационные требования, предполагающие свободное владение государственным языком Российской Федерации, соответствие определённым личностным и профессиональным характеристикам, а также необходимый уровень физической подготовки и состояния здоровья, позволяющий выполнять должностные обязанности. В-четвёртых, важное значение имеет требование к образовательному уровню: для занятия отдельных должностей необходимо наличие высшего образования по таким направлениям подготовки, как «Юриспруденция», «Экономика и управление», «Психологические науки», «Образование и педагогические науки».

Помимо этого, законодательство предусматривает наличие ограничений для приёма на службу, исключающих возможность трудоустройства лиц, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью, неоднократно привлекавшихся в течение последнего года к административной ответственности за умышленные правонарушения либо имеющих иные проблемы с законом. Особого внимания заслуживает необходимость прохождения психологического тестирования, в рамках которого претенденты на отдельные должности подвергаются психофизиологическому исследованию и тестированию, направленному на изучение их морально-нравственных

и психологических качеств [1; 2]. Как показывает судебная практика, заключение специалиста-психолога о профессиональной непригодности кандидата может служить основанием для отказа в назначении на должность даже при соответствии претендента всем формальным требованиям.

В научной литературе обращается внимание на изменение возрастного ценза для поступления на службу. Как справедливо отмечает М. М. Васягина, требование к возрасту судебного пристава после принятия Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации» было снижено с двадцати одного года до восемнадцати лет [5, с. 45]. Тем не менее требование о наличии высшего образования делает фактически невозможным в обычной ситуации занятие должности судебного пристава лицом, не достигшим двадцати одного года. Однако данное снижение открыло возможности для занятия в ФССП России должностей младшего начальствующего состава, например младшего судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов, лицами, получившими среднее профессиональное образование до достижения ими двадцати одного года [5, с. 46–47].

Предельный возраст поступления на службу в органы принудительного исполнения для замещения должностей установлен в сорок лет. Данное требование неоднократно выступало предметом судебного обжалования. Так, судами было рассмотрено дело гражданина Г., который обратился в суд с иском о признании незаконным решения об отказе в приёме на службу в органы принудительного исполнения. Как установили суды, с заявлением о поступлении на службу истец обратился, когда уже достиг предельного возраста, в связи с чем суды первой и апелляционной инстанций правомерно указали, что гражданин не мог быть принят на службу, и оснований для удовлетворения требований не имелось [7]. Данный пример наглядно иллюстрирует императивный характер установленных возрастных ограничений.

По результатам рассмотрения документов, представленных гражданином для поступления на службу в органы принудительного исполнения, с учётом заключения военно-врачебной комиссии о годности к службе, результатов проверки уровня физической подготовки, проверочных мероприятий и психофизиологических исследований уполномоченным руководителем принимается одно из следующих решений: заключить с гражданином контракт с условием об испытании, допустить гражданина к участию в конкурсе на замещение должности, заключить контракт без условия об испытании либо отказать гражданину в допуске к участию в конкурсе и приёме на службу [2]. Судебная практика подчёркивает, что мероприятия, связанные с рассмотрением документов, проверкой достоверности сообщённых сведений, проверкой уровня физической подготовки и состояния здоровья, осуществляются в целях решения вопроса о соответствии кандидата требованиям к конкретной должности, а со-

блюдение порядка проведения таких мероприятий является обязательным [8].

Поступление на государственную службу в ФССП оформляется служебным контрактом. В соответствии с законодательством правоотношения на службе в органах принудительного исполнения между Российской Федерацией и гражданином возникают и осуществляются на основании контракта, заключённого в соответствии с федеральным законом, и правового акта о назначении на должность [2]. Именно в случае заключения первичного служебного контракта гражданин приобретает новый правовой статус — статус государственного служащего, наделённого публичными полномочиями и одновременно ограниченного в правах в той мере, в какой это необходимо для обеспечения интересов государственной службы.

Особенности служебного контракта обусловлены правовой природой государственно-служебных отношений, характеризующихся публичным характером, в рамках которых реализуются определённые государственные функции, отличные от сферы трудовых отношений. Одно из существенных отличий заключается в публичном характере государственной службы в ФССП, сказывающемся на взаимоотношениях служащего и представителя нанимателя, что проявляется в построении вертикали «власти — подчинения», несмотря на добровольность заключения контракта и наделение служащего соответствующими правами и гарантиями.

В науке административного права не прекращается дискуссия относительно того, кто именно выступает нанимателем по служебному контракту. А. А. Гришковец приходит к выводу, что фактическим нанимателем по служебному контракту является не Российская Федерация, а определённое должностное лицо органа государственной власти [6, с. 56]. По мнению автора, законодатель по необъяснимой причине осуществил подмену понятия «наниматель» термином «представитель нанимателя». Рядом авторов высказывается точка зрения, что непосредственным нанимателем следует признавать государство — Российскую Федерацию. Согласно противоположной точке зрения, приверженцами которой являются в основном представители, оперирующие нормами трудового права, нанимателем по служебному контракту следует признавать не само государство, а конкретный орган государственной власти [9, с. 65]. Представляется, что в основе данной дискуссии лежит более глубокая проблема разграничения публично-правовых и частноправовых начал в регулировании государственно-служебных отношений.

Контракт о прохождении службы в органах принудительного исполнения заключается на основании примерной формы, утверждённой в соответствии с федеральным законом [2]. В приказе о назначении гражданина на должность указывается дата, с которой вступает в силу контракт, если иное не предусмотрено законом. Из вышеуказанных положений законодательства суды приходят

к выводу, что контракт о прохождении службы может быть заключён до издания приказа о назначении на должность, но вступает в силу со дня, определённого правовым актом о назначении.

К числу существенных условий служебного контракта относятся наименование замещаемой должности с указанием подразделения государственного органа, дата начала исполнения должностных обязанностей, права и обязанности сотрудника, должностной регламент, фамилия, имя, отчество руководителя федерального органа принудительного исполнения или уполномоченного руководителя, а также неразглашение сотрудником сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну [2]. Важно отметить, что суды указывают: распределение должностных обязанностей между сотрудниками является правом руководителя федерального органа принудительного исполнения, как и определение объёма и вида работы сотрудника в соответствии с должностными обязанностями, что само по себе не может нарушать прав сотрудника.

Законодательство различает срочный и бессрочный служебный контракт. Характеризующим признаком срочного служебного контракта является его срок. В теории и на практике имеются противоположные точки зрения относительно правовой природы условия о сроке действия служебного контракта. Согласно одной из них, условие о сроке действия служебного контракта следует рассматривать в качестве условия, в совокупности составляющего содержание служебного контракта, в связи с чем данное условие подлежит изменению на основании соответствующего соглашения сторон. Согласно другой позиции, условие служебного контракта о сроке его действия способствует определению вида служебного контракта, что не допускает возможности его изменения соглашением сторон. Представляется, что более обоснованной является вторая позиция, поскольку срочность служебного контракта объективно связана с характером выполняемых функций и не может быть произвольно изменена по воле сторон.

Срочность служебного контракта обуславливается двумя группами факторов: объективными, заключающимися в наличии общих оснований, предусмотренных законом, и субъективными, то есть наличием причин срочности выполняемой работы. Исходя из положений законодательства [2], можно прийти к выводу о том, что заключение срочного служебного контракта является правом, а не обязанностью представителя нанимателя при наличии общих оснований. В этой связи в качестве одной из проблем следует назвать необходимость обоснования заключения именно срочного служебного контракта вместо бессрочного.

Стороны служебного контракта не являются равноправными в реализации закреплённых за ними прав и обязанностей. Гражданин или сотрудник выступает обязанной стороной перед руководителем федерального органа принудительного исполнения или уполномо-

ченным руководителем, который наделён осуществлением властных полномочий. Некоторыми авторами предлагается распространять при заключении служебного контракта положения гражданского законодательства. Однако данная точка зрения представляется необоснованной ввиду существенных различий в содержании служебных и гражданских правоотношений. Гражданским правоотношениям присущ принцип диспозитивности, равноправия сторон, в то время как служебные правоотношения характеризуются элементами власти и подчинения, публичным характером. Поэтому следует признать невозможность субсидиарного применения к служебным отношениям норм гражданского права, а также отнесения служебного контракта к числу гражданско-правовых договоров.

Законодательством предусмотрена возможность установления испытания при приёме на службу [2]. Данное условие должно в обязательном порядке содержаться в служебном контракте и в акте государственного органа о назначении на должность. Срок испытания определён законодателем продолжительностью от двух до шести месяцев, при этом установление конкретного срока полностью отдано на усмотрение представителя нанимателя. Как правило, продолжительность испытательного срока составляет шесть месяцев, но в зависимости от стажа и опыта работы гражданина, занимаемой должности, специфики и условий работы может быть установлен как меньший, так и больший срок испытания. Судебная практика обращает внимание на то обстоятельство, что испытание при приёме на службу устанавливается с целью проверки соответствия служащего замещаемой должности. Цель установления испытания обусловлена необходимостью проверки уровня подготовки сотрудника и его ответственности должности в органах принудительного исполнения, на замещение которой он претендует.

Важно подчеркнуть, что условие об испытании подлежит включению в контракт по соглашению сторон. Если такое условие в контракте отсутствует, это означает, что сторонами оно не согласовано, и сотрудник считается принятым на службу в ФССП без испытания.

Основания для освобождения от должности в органах ФССП законодательно закреплены и включают как общие основания, характерные для всех видов государственной службы, так и специальные, обусловленные спецификой службы в органах принудительного исполнения. К числу общих оснований относятся: расторжение служебного контракта по инициативе сотрудника, по инициативе представителя нанимателя, в связи с истечением срока действия срочного служебного контракта, по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон. Специальные основания связаны с утратой доверия, совершением проступка, порочащего честь сотрудника, нарушением ограничений и запретов, установленных законодательством о государственной службе.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов и предложений по совершенствованию право-

вого регулирования порядка назначения и освобождения от должности в органах ФССП. Во-первых, представляется необходимым законодательно закрепить обязанность уполномоченного руководителя устанавливать дополнительные квалификационные требования к должностям с учётом специфики деятельности конкретного подразделения, а не оставлять этот вопрос на его усмотрение, что согласуется с позицией В. Б. Башурова и И. А. Косицина [4, с. 85]. Во-вторых, целесообразно уточнить правовой статус служебного контракта, исключив возможность субсидиарного применения норм трудового законодательства, которое не в полной мере учитывает публич-

но-правовую природу государственно-служебных отношений, на что обращает внимание Л. А. Чиканова [9, с. 70–71]. В-третьих, назрела необходимость нормативного закрепления критериев, позволяющих разграничить случаи заключения срочного и бессрочного служебного контракта, что позволит избежать произвольного применения данной конструкции представителем нанимателя. Реализация указанных предложений будет способствовать повышению эффективности кадрового обеспечения деятельности Федеральной службы судебных приставов и укреплению законности в сфере государственной службы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 40. — Ст. 5488.
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52. — Ст. 6228.
4. Башуров В. Б., Косицин И. А. Квалификационные требования для замещения должности государственной гражданской службы Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. — 2022. — № 2. — С. 82–86.
5. Васягина М. М. Проблемы правового регулирования требований к кандидатам на должности судебных приставов // Гуманитарные и политико-правовые исследования. — 2021. — № 2. — С. 42–49.
6. Гришкoveц А. А. Правовое регулирование государственной гражданской службы в Российской Федерации. — М.: Норма, 2023. — 320 с.
7. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.04.2025 по делу № 88–7968/2025. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2025 № 88–15315/2025. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Чиканова Л. А. Правовое регулирование служебных отношений на государственной гражданской службе: вопросы теории и практики // Журнал российского права. — 2022. — № 4. — С. 61–73.

Коллизии применения института давности и квалификации длящихся и продолжаемых ятрогенных преступлений

Атаманчук Мария Александровна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В данной статье анализируются коллизии исчисления сроков давности применительно к длящимся и продолжаемым ятрогенным преступлениям. Для неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ) момент прекращения длящегося бездействия фиксируется неоднозначно, что ведет к субъективной оценке. Для продолжаемых преступлений затруднительно доказывание единого умысла врача, без которого невозможен отсчет давности с момента последнего действия. Дополнительную сложность создает разграничение смежных составов (ч. 2 ст. 109, ст. 124, ст. 118 УК РФ) и отграничение от врачебной ошибки. Вероятностные заключения экспертиз и время, затраченное на квалификацию, нередко приводят к истечению сроков давности (2 и 6 лет) до привлечения виновных к ответственности.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, сроки давности, длящиеся преступления, продолжаемые преступления, единый умысел, разграничение составов.

Актуальность темы обусловлена серьезным пробелом в механизме привлечения медицинских работников к уголовной ответственности. На практике сложилась па-

радоксальная ситуация: чем длительнее и сложнее процесс доказывания длящегося или продолжаемого характера врачебного нарушения, тем выше вероятность, что

истекут сроки давности, указанные в ст. 78 УК РФ. В результате формальное истечение времени подменяет собой судебное разбирательство, а принцип неотвратимости наказания фактически обесценивается. Особенно остро данная проблема стоит при квалификации ятрогенных преступлений, где разграничение смежных составов (ч. 2 ст. 109, ст. 124, ст. 118 УК РФ) до сих пор вызывает противоречивые решения даже на уровне региональных судов. Цель настоящей работы — проанализировать коллизии исчисления сроков давности для длящихся и продолжаемых преступлений в медицинской сфере и предложить критерии их разграничения.)

Первой актуальной проблемой является сложность определения момента начала течения срока давности при длящихся и продолжаемых преступлениях, что напрямую влияет на возможность привлечения к ответственности.

Такая особенность обусловлена тем, что данные деяния нередко подпадают под признаки длящихся или продолжаемых преступлений — видов единого сложного преступления, совершаемого в течение длительного времени и квалифицируемого по одной статье УК РФ. В отличие от традиционных составов (например, хранение оружия или получение взятки), где толкование этих категорий в законодательстве и судебной практике достаточно разработано, применительно к медицинской деятельности возникают неустрашимые коллизии. Эти коллизии напрямую влияют на возможность привлечения врача к уголовной ответственности по истечении сроков, указанных в ст. 78 УК РФ.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, содержащиеся в Постановлении № 43 от 12.12.2023, устанавливают различный порядок исчисления сроков давности в зависимости от вида преступного посягательства. [2]

Длющееся преступление. Моментом начала выступает совершение действия или бездействия с признаками состава; деяние характеризуется непрерывностью. Исчисление давности производится с момента фактического прекращения деяния — добровольного (при исполнении обязанности) или принудительного (вследствие мер правоохранительного характера либо событий, влекущих отпадение обязанности). В отношении ятрогенных составов, например, неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ), которое по своей природе является длящимся через бездействие, определение момента окончания оказывается зависимым от субъективных факторов. Варианты прекращения: добровольное начало лечения либо внешнее пресечение (приказ главного врача). На практике точная фиксация момента, когда обязанность действовать была безвозвратно прекращена, затруднительна, особенно при длительном наблюдении за пациентом. [3]

Продолжаемое преступление. Образуется совокупностью тождественных деяний, связанных единством умысла. [4] Срок давности исчисляется с момента последнего действия в этой последовательности. В медицинской деятельности примером признается систематическое введение непригодных препаратов либо множественные

врачебные ошибки, подчиненные общему умыслу на сокрытие первоначального дефекта оказания помощи. Такое поведение подпадает под признаки продолжаемого преступления. Доказательство единого умысла врача в условиях неочевидности и вариативности медицинских методик представляет собой сложную задачу. Без установления данного факта корректное определение момента окончания преступления и исчисление срока давности невозможны. Пленум Верховного Суда РФ особо подчеркивает необходимость точного разграничения длящихся и продолжаемых преступлений с совокупностью преступлений для правильного применения правил о давности.

Неопределённость квалификации длительных врачебных нарушений в качестве длящихся или продолжаемых преступлений, а также сложность доказывания момента окончания деяния и единства умысла, объективно затрудняют своевременное привлечение виновных лиц к ответственности. Учитывая, что сроки давности для преступлений небольшой и средней тяжести (к которым относятся большинство ятрогенных деяний) составляют 2 и 6 лет соответственно, длительный и зачастую трудоёмкий процесс установления длящегося или продолжаемого характера преступления способен привести к формальному признанию деяния окончанным уже после истечения этих сроков. В результате возникает правовая неопределённость, ставящая под сомнение реализацию принципа неотвратимости наказания в медицинской деятельности.

Ятрогенные преступления, под которыми понимаются общественно опасные деяния медицинских работников, связанные с ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей, представляют собой устойчивый объект внимания со стороны теоретиков уголовного права и правоприменителей. Трудности правовой оценки таких деяний обусловлены необходимостью учета специфики медицинской деятельности, особенностей причинно-следственных связей, а также содержания субъективного отношения медицинского работника к наступившим последствиям. К. В. Питулько характеризует ятрогенные преступления как криминологический феномен, возникновение которого сопряжено с развитием медицинских технологий и, как следствие, повышением требований к качеству медицинской помощи. [5] Термин предложен немецким психиатром О. Бумке почти сто лет назад, однако единая система критериев уголовно-правовой квалификации ятрогенных преступлений до настоящего времени отсутствует. [6] Следствием этого выступают серьезные затруднения при отграничении ятрогенных преступлений от смежных составов, а также формирование неоднородной следственной и судебной практики: до 90 % уголовных дел данной категории прекращается на стадии предварительного расследования. [7]

Наиболее трудноразрешимой в квалификации ятрогенных преступлений признается проблема разграничения со смежными составами. В правоприменительной практике систематически фиксируются затруднения при

отграничении ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей), ч. 2 ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному) и ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности).

При разграничении ч. 2 ст. 109 УК РФ и ст. 124 УК РФ используется формальный критерий, однако его применение на практике неоднозначно. Как подчеркивает В. В. Радов, «проблема разграничения данных преступлений имеет место в практике. [8] Свидетельствуют об этом противоречивые судебные решения. При этом в доктрине предлагают самые разные критерии их разграничения. Однако таковые все еще не восприняты судами». Форма деяния выступает основным ориентиром: активные действия (ненадлежащее лечение) — ч. 2 ст. 109 УК РФ, бездействие (неоказание помощи) — ст. 124 УК РФ. В случаях «смешанного бездействия», когда помощь оказывается не в полном объеме, характер квалификации определяется через характер нарушения. При верной диагностике и отсутствии лечения применяется ст. 124 УК РФ, при ошибке в диагностике или лечении — ч. 2 ст. 109 УК РФ. [9]

Подобная неоднозначность на практике порождает противоречивые судебные решения и нередко вынуждает следователей вменять более «тяжелую» статью при отсутствии рациональных обоснований.

Проблема усугубляется отсутствием единообразного судебного толкования признаков преступления. Так, Верховный Суд РФ разъяснил, что ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ) охватывает как умышленное, так и неосторожное нарушение стандартов. [10]

Данное широкое толкование вносит дополнительные сложности в правоприменение и повышает риск субъективной оценки обстоятельств.

Ключевое значение в таких делах приобретает судебно-медицинская экспертиза, призванная установить причинно-следственную связь между действиями врача и смертью пациента. Однако, на практике возникают ситуации, когда экспертные заключения содержат вероятностные формулировки. Суды, как правило, трактуют их в пользу обвиняемого, что влечет прекращение уголовного дела. [11]

Длительное время судебная практика допускала квалификацию врачебных действий по ст. 238 УК РФ, при этом выбор конкретной нормы зачастую зависел от позиции следствия. Ключевым критерием разграничения данных составов — объект посягательства. Объектом услуг, не отве-

чающих требованиям безопасности, признается здоровье населения как совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу надлежащей организации здравоохранения, направленной на обеспечение благополучия неопределенного круга лиц. Соответственно, нарушение этих отношений возможно лишь при систематическом характере медицинских дефектов, создающих угрозу для жизни или здоровья многих лиц. Принятый 28 декабря 2024 г. Федеральный закон № 514-ФЗ исключил применение статьи 238 УК РФ к медицинским работникам, что сняло часть обозначенных проблем.

Значительную сложность представляет собой отграничение ятрогенных преступлений от некриминальных исходов — несчастного случая и врачебной ошибки. Последние допустимо относить к видам ятрогении лишь условно, поскольку объединяющим признаком выступают только неблагоприятные последствия медицинского вмешательства для жизни или здоровья. Решающее значение при разграничении имеет установление вины медицинского работника. Несчастный случай исключает вину в силу объективной непредвиденности обстоятельств. Медицинская ошибка, несмотря на неправильные действия персонала, повлекшие ухудшение состояния или смерть пациента, не образует состава преступления при отсутствии виновности в форме умысла или неосторожности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что существующая правовая конструкция длящихся и продолжаемых преступлений плохо адаптирована к специфике медицинской деятельности. Для неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ) момент окончания деяния зачастую определяется субъективно — по факту добровольного начала лечения или принудительного пресечения, что создает зону произвольного толкования. Для продолжаемых преступлений главным препятствием остается доказывание единого умысла врача при систематических нарушениях, без чего корректное исчисление срока давности с момента последнего действия невозможно. Кроме того, разграничение ч. 2 ст. 109 и ст. 124 УК РФ по формальному критерию (действие / бездействие) не работает в случаях смешанного бездействия, когда помощь оказывается не в полном объеме. Внесенный в конце 2024 года запрет на квалификацию врачебных действий по ст. 238 УК РФ снимает лишь часть противоречий, но не решает главной проблемы: сроки давности для преступлений небольшой и средней тяжести (2 и 6 лет) часто истекают до того, как следствию удастся установить характер деяния. Перспективой дальнейших исследований видится разработка специальных правил исчисления сроков давности именно для ятрогенных составов с учетом длительности лечебного процесса.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/315f760bc6b320384addba1503c8e2e038ad20d4/ (дата обращения: 10.04.2026).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/408211603/> (дата обращения: 10.04.2026).
3. Пленум ВС принял постановление о практике по дящимся и продолжаемым преступлениям [Электронный ресурс] // РАПСИ. — URL: https://rapsipravo.ru/judicial_analyst/20231212/309463368.html (дата обращения: 10.04.2026).
4. О порядке обжалования действий должностных лиц // Официальный сайт города Мурманска. URL: https://www.citymurmansk.ru/prokuratura_razy/?newsid=27700&page=37 (дата обращения: 10.04.2026).
5. Проблемы квалификации ятрогенных преступлений [Электронный ресурс]// prolaw38.ru. URL: <https://www.prolaw38.ru/problemy-kvalifikacii-jatrogennyh-prestuplenij/> (дата обращения: 10.04.2026).
6. Харченко С. В. Некоторые особенности оперативно-розыскного предупреждения ятрогенных преступлений // Закон и право. 2020. № 12. С. 201.
7. Адвокат нашей коллегии Руслан Калинин выступил с докладом на международной научной конференции // novikov-advokat.ru. URL: <https://novikov-advokat.ru/news/advokat-nashej-kollegii-ruslan-kalinin-vystupil-s-dokladom-na-mezhdunarodnyj-nauchnoj-konferencii/> (дата обращения: 10.04.2026).
8. Радов В. В. Разграничение ятрогенных преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 109 и частью 2 статьи 124 Уголовного кодекса Российской Федерации // Закон и право. — 2021. — № 7. — С. 128–130.
9. Цындыжапова Д. Л. Проблемы квалификации ятрогенных преступлений в современной судебной практике // Студенческий форум: электрон. научн. журн. 2026. № 3(354). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/355/182332> (дата обращения: 10.04.2026).
10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2019 № 11УД191 [Электронный ресурс] // Legalacts.ru: судебная практика. — Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10042019-n-11-ud19-1/> (дата обращения: 10.04.2026).
11. Волколупова В. В., Сенцов А. С. К вопросу об уголовно-правовой оценке причинной связи как признака объективной стороны в составах неосторожных ятрогенных преступлений // Юридическая наука. — 2024. — № 2. — С. 223–228.

Проблемы исполнения страховщиком обязанности по осуществлению страховой выплаты в договорах страхования средств автотранспорта и гражданской ответственности их владельцев

Барановская Алена Александровна, студентка магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы правоприменения и законодательного регулирования в сфере автострахования (ОСАГО и КАСКО). Анализируются проблемы исполнения страховщиком обязанности по осуществлению страховой выплаты в договорах страхования средств автотранспорта и гражданской ответственности их владельцев.

Ключевые слова: страховая выплата, ОСАГО, КАСКО, гражданская ответственность, договор страхования гражданской ответственности автовладельцев.

Страхование средств автотранспорта и гражданской ответственности их владельцев занимает центральное место в системе финансовой защиты участников дорожного движения в Российской Федерации. Институт обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) призван гарантировать возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших. Однако реализация права на получение страховой выплаты сопряжена со сложным процедурным механизмом, регламентированным Федеральным

законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее — ФЗ № 40-ФЗ) [2], а также подзаконными нормативными актами. Несмотря на детальную проработку многих аспектов, правоприменительная практика выявляет ряд системных проблем, связанных с определением размера выплат, очередностью получения средств выгодоприобретателями и методологией расчета ущерба.

Целью настоящей статьи является анализ порядка осуществления страхователем и потерпевшим права на полу-

чение страховой выплаты, а также выявление ключевых проблем, возникающих в данной сфере.

Право на получение страховой выплаты по договору ОСАГО принадлежит лицам, которым в результате дорожно-транспортного происшествия (ДТП) был причинен вред здоровью, а также имуществу, принадлежащему им на праве собственности или ином вещном праве. В случае причинения вреда жизни потерпевшего право на выплату переходит к определенному кругу лиц (выгодоприобретателей). В отличие от договоров добровольного страхования, где условия могут варьироваться, размер страховой выплаты по договору ОСАГО строго регламентирован законом. Предельный размер страховой выплаты не может превышать 500 тысяч рублей при возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, и 400 тысяч рублей при возмещении вреда, причиненного имуществу [2].

Процедура получения возмещения инициируется направлением страховщику заявления об осуществлении страхового возмещения. В соответствии с ч. 10 ст. 12 ФЗ № 40-ФЗ, потерпевший обязан представить поврежденное транспортное средство или его остатки для осмотра и независимой технической экспертизы в течение пяти рабочих дней с даты подачи заявления. Нарушение этого срока или проведение ремонта до осмотра может стать законным основанием для отказа в выплате (ч. 20 ст. 12 ФЗ № 40-ФЗ), так как это не позволяет достоверно установить наличие страхового случая и размер убытков [2].

Сроки принятия решения страховщиком также жестко ограничены. В течение 20 календарных дней (за исключением нерабочих праздничных дней) страховщик обязан осуществить страховую выплату или выдать направление на ремонт. При согласии страховщика на самостоятельное проведение ремонта потерпевшим срок может быть увеличен до 30 дней. Важным институтом является прямое возмещение убытков (ПВУ). Если в результате ДТП вред причинен только транспортным средствам, чья ответственность застрахована по ОСАГО, потерпевший обращается к своему страховщику, который осуществляет выплату от имени страховщика причинителя вреда. Споры между страховщиками в рамках ПВУ рассматриваются комиссией Российского союза автостраховщиков (РСА), а при несогласии — в арбитражном суде.

Форма возмещения вреда имуществу дифференцирована. В отношении легковых автомобилей граждан РФ приоритетной является натуральная форма (восстановительный ремонт на станции технического обслуживания). Ремонт не может превышать 30 рабочих дней. Денежная выплата возможна в исключительных случаях, предусмотренных ч. 16.1 ст. 12 ФЗ № 40-ФЗ (например, полная гибель автомобиля, смерть потерпевшего, отсутствие договора страховщика с СТО) [2].

Возмещение вреда жизни и здоровью имеет свою специфику. Страховая выплата в случае причинения вреда здоровью включает две составляющие: расходы на восстановление здоровья и возмещение утраченного заработка

(дохода). Основанием для выплаты служат документы, подтверждающие факт ДТП, оказания медицинской помощи, характер и степень повреждения здоровья. Расчет производится путем умножения страховой суммы на нормативы, выраженные в процентах, согласно Правилам расчета суммы страхового возмещения (Постановление Правительства РФ № 1164) [5]. Например, при повреждении головного мозга норматив составляет от 3 до 25 процентов от страховой суммы.

Законодательство предусматривает механизм дополнительной страховой выплаты (п. 12 ст. 12 ФЗ № 40-ФЗ). Она осуществляется, если по результатам медицинской экспертизы установлено, что характер повреждений требует больших затрат, чем было выплачено первоначально, либо если установлена инвалидность. Также дополнительная выплата возможна в счет возмещения утраченного заработка, если документально подтвержденный размер дохода превысил сумму осуществленной выплаты. Совокупный размер всех выплат не может превышать предельный лимит в 500 тысяч рублей [2].

Особую проблему представляет регулирование выплат в случае смерти потерпевшего. Закон устанавливает две категории лиц, имеющих право на возмещение. Первая категория ст. 1088 ГК РФ включает нетрудоспособных иждивенцев, детей, супругов и иных членов семьи, занятых уходом за детьми умершего. Вторая категория супруг, родители, дети, а также иждивенцы, не имевшие самостоятельного дохода [1]. Размер выплаты составляет 475 тысяч рублей выгодоприобретателям и не более 25 тысяч рублей на погребение.

Критике подлежит отсутствие дифференциации размеров выплат для разных категорий получателей. В настоящее время выплата производится в одинаковом размере как нетрудоспособным иждивенцам (первая категория), так и трудоспособным родственникам (вторая категория), что представляется несправедливым. Кроме того, п. 8 ст. 12 ФЗ № 40-ФЗ предусматривает распределение суммы поровну между всеми имеющими право лицами. Если выплата уже произведена одному из них, он обязан вернуть части средств другим. На практике применение данной нормы затруднительно из-за неопределенности критериев очередности и механизма возврата, что требует законодательного уточнения [2].

Одной из наиболее острых проблем является разрыв между страховой выплатой в рамках ОСАГО и реальным ущербом. Страховое возмещение рассчитывается с учетом износа запасных частей (но не более 50 %), тогда как полное возмещение ущерба по правилам ГК РФ предполагает восстановление имущества до состояния до ДТП без учета износа. Причинитель вреда возмещает разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба только в случае, когда страховая выплата недостаточна для полного возмещения вреда (ст. 1072 ГК РФ).

Судебная практика подтверждает право потерпевшего на взыскание разницы с причинителя вреда. Например, в Решении Арбитражного суда Ростовской области от 24

мая 2022 г. по делу № А53–37562/2021 суд взыскал с ответчика разницу между среднерыночной стоимостью ремонта без учета износа (611 378,92 рублей) и лимитом страховой выплаты (400 000 рублей). Итоговая сумма к взысканию составила 211 378,92 рублей. Суд указал, что хотя полное возмещение предполагает использование новых запчастей, механизм ОСАГО предусматривает учет износа, поэтому разница подлежит взысканию с виновника [9]

Важным аспектом является соблюдение методологии расчета. Часто стороны используют методики, не предусмотренные Положением Банка России от 04.03.2021 № 755-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт» [6]. В Определении Верховного суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года по делу № 91-КГ21–1-КЗ было указано, что использование экспертом метода статистического наблюдения противоречит Единой методике. Также суд отметил невозможность определения даты исследования экспертом, что нарушает п. 3.3 Единой методике, требующий определения расходов на дату ДТП с учетом региональных рынков [8].

Проблемы возникают и при определении стоимости годных остатков в случае полной гибели транспортного средства. Страховщики зачастую завышают стоимость остатков для уменьшения выплаты, используя данные аукционов, не предусмотренные Правилами страхования. Суды в таких случаях назначают судебные экспертизы, ко-

торые часто показывают значительно меньшую стоимость остатков, чем заявленная страховщиком.

Анализ порядка осуществления права на страховую выплату по договорам автострахования позволяет выявить ряд существенных проблем правоприменения. Во-первых, существует неопределенность в регулировании выплат выгодоприобретателям в случае смерти потерпевшего, что требует дифференциации размеров выплат и уточнения механизма распределения средств. Во-вторых, сохраняется конфликт между расчетом ущерба по Единой методике (с учетом износа) и реальными рыночными ценами на ремонт, что перекладывает часть финансового бремени на потерпевшего, вынужденного взыскивать разницу с виновника в судебном порядке. В-третьих, судебная практика свидетельствует о частых нарушениях методологии проведения экспертиз страховщиками, что требует усиления контроля за соблюдением Положения № 755-П [6].

Для совершенствования системы необходимо внести изменения в ФЗ № 40-ФЗ в части уточнения прав категорий выгодоприобретателей, пересмотреть предельные значения учета износа для более адекватного возмещения ущерба, а также унифицировать подходы судов к взысканию разницы между страховой выплатой и фактическим ущербом. Только комплексный подход позволит обеспечить реальную финансовую защиту участников дорожного движения и снизить уровень социальной напряженности в сфере автострахования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 18. — Ст. 1720.
3. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 2. — Ст. 56.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
5. Постановление Правительства РФ от 15.11.2012 № 1164 (ред. 21.02.2015) «Об утверждении Правил расчета суммы страхового возмещения при причинении вреда здоровью потерпевшего» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 47. — Ст. 6529.
6. Положение Банка России от 04.03.2021 № 755-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства» (ред. от 04.06.2025) // Вестник Банка России. — 2021. — № 35.
7. Приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (ред. от 19.08.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 02.06.2025.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 по делу № 91-КГ21–1-КЗ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court> Дата обращения: 04.03.2026.
9. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 24.05.2022 по делу № А53–37562/2021 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court> Дата обращения: 04.03.2026.

Проблемы определения существенных условий договоров страхования средств автотранспорта и гражданской ответственности их владельцев

Барановская Алена Александровна, студентка магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы правоприменения и законодательного регулирования в сфере автострахования (ОСАГО и КАСКО). Анализируются пробелы в определении базовых терминов, коллизии между нормами Гражданского кодекса РФ и специального законодательства и другие проблемы. На основе анализа судебной практики и нормативных актов формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: существенные условия договора страхования, ОСАГО, КАСКО, гражданская ответственность.

Страхование средств автотранспорта и гражданской ответственности их владельцев является одним из наиболее динамично развивающихся и социально значимых секторов финансового рынка Российской Федерации. Система автострахования, включающая обязательное страхование автогражданской ответственности (ОСАГО) и добровольное страхование транспортных средств (КАСКО), призвана обеспечивать финансовую защиту имущественных интересов участников дорожного движения. Однако, несмотря на детальную регламентацию многих аспектов данной деятельности в, правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем, связанных с определением существенных условий договоров страхования.

К таким условиям, в первую очередь, относятся страховая сумма и страховая выплата. Неоднозначность их трактовки, противоречия между нормами Федерального закона № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее — ФЗ № 40-ФЗ) [2], Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [3] и Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [1] создают почву для многочисленных споров между страховщиками и страхователями.

Целью настоящей статьи является выявление и комплексный анализ проблем определения существенных условий договоров автострахования на основе действующего законодательства и сложившейся судебной практики.

Основной проблемой регулирования отношений по ОСАГО является отсутствие четких дефиниций базовых понятий в самом тексте закона. Страховая сумма представляет собой денежные средства, выплачиваемые страховой организацией потерпевшему в счет компенсации причиненного ему ущерба. Несмотря на то, что понятие страховой суммы имеет принципиальное значение для отношений, составляющих предмет регулирования ФЗ № 40-ФЗ, оно не рассматривается в статье 1, призванной определить основные термины.

В действующей редакции ФЗ № 40-ФЗ в разделе «Основные понятия» дается определение компенсационных выплат. Под ними понимаются платежи, осуществляемые в случаях, если страховое возмещение по договору

ОСАГО или возмещение страховщику, осуществившему прямое возмещение убытков, не могут быть осуществлены. Однако законодатель не проводит четкой границы между компенсационными выплатами, страховой суммой и страховой выплатой, что приводит к путанице в правоприменении.

Для устранения данной коллизии предлагается внести уточнения понятий «страховая сумма» и «страховая выплата» в статье 1 ФЗ № 40-ФЗ.

Целесообразно изложить данные определения в следующей форме:

«Страховая сумма — ограниченная ФЗ № 40-ФЗ сумма, выплачиваемая страховой организацией потерпевшему в счет компенсации причиненного ему ущерба, при наступлении каждого страхового случая невзирая на количество подобных случаев возмещать потерпевшим причиненный вред».

«Страховая выплата: конкретная денежная сумма, подлежащая выплате страховщиком в возмещение вреда жизни, здоровью и/или в связи с повреждением имущества потерпевшего».

Такая конкретизация позволит разграничить лимит ответственности страховщика (страховую сумму) и фактический платеж (страховую выплату), что особенно важно при множественности страховых случаев.

Серьезным правовым противоречием является различие в понимании сущности страховой суммы в обязательном и добровольном страховании. Согласно статье 942 ГК РФ, размер страховой суммы является существенным условием договора, отсутствие которого свидетельствует о недействительности сделки. Договор страхования без определения в нем страховой суммы не влечет правовых последствий [1].

В соответствии со статьей 7 ФЗ № 40-ФЗ страховая компания при наступлении страхового случая возмещает любой вред, причиненный в течение срока действия договора ОСАГО. При этом количество таких случаев может быть неограниченным в течение срока действия договора. Размер возмещения вреда жизни или здоровью составляет 500 000 рублей, а имущественного вреда — 400 000 рублей на одного потерпевшего. По сути, в отличие от практики добровольного страхования, размер страховой суммы в рамках ОСАГО неизменен и в случае наступ-

ления страховых случаев не может быть уменьшен на размеры непосредственно проведенных выплат. Это характеризует страховую сумму в ОСАГО как неагрегатную [2].

Однако такое понимание отлично от стандартов, установленных в статье 947 ГК РФ и статье 10 Закона об организации страхового дела [3]. Анализ положений данных нормативно-правовых актов позволяет прийти к выводу, что реализация страховой выплаты в период действия договора может привести к уменьшению размера страховой суммы, если таковое предусматривается договором (агрегатная страховая сумма). Данное противоречие создает риски для участников рынка: страхователи могут неверно оценивать объем своей защиты, а суды сталкиваются с трудностями при квалификации условий договора.

Определение страховой суммы в результате наступления страхового случая по ОСАГО в настоящее время происходит с применением Положения Банка России от 4 марта 2021 г. № 755-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства» (далее — Положение № 755-П). Данный нормативный акт устанавливает единые принципы расчета расходов, связанных с ремонтом и восстановлением транспортного средства [4].

Страховщики обязаны соблюдать указания Положения № 755-П, которое регламентирует порядок осмотра, фиксации повреждений (включая обязательные фотоматериалы и видеоматериалы), а также расчета стоимости запасных частей и работ. Справочники средней стоимости запчастей формируются в виде электронных баз данных, актуализируются раз в 3 месяца и проходят общественное обсуждение.

Несмотря на детализацию, сохраняются проблемы в части учета износа. В общем случае при возмещении вреда в натуральном виде (ремонт на СТОА) должны использоваться новые компоненты без износа. При возмещении в денежной форме износ рассчитывается независимо от технического состояния автомобиля до происшествия и не может превышать 50 процентов (ст. 19 ФЗ № 40-ФЗ). При полной гибели транспортного средства возмещение также осуществляется в денежной форме, что логически требует учета износа и при расчете стоимости годных остатков. Однако в трактовке полной гибели в ФЗ № 40-ФЗ нет упоминания о ремонте «без износа».

Законодательство, регулирующее критерии экономической целесообразности восстановительного ремонта, все еще далеко от реально обоснованного способа урегулирования в части учета износа составных частей транспортных средств. Наиболее правильным способом, по мнению экспертов, является подход, предложенный в «Методических рекомендациях по проведению судебных автотехнических экспертиз» ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России [5]. Он учитывает дифференцированный в зависимости от срока эксплуатации подход к износу. Отказ от жесткого 50-процентного ограничения предельного значения износа в ст. 19 ФЗ № 40-ФЗ мог бы повысить справедливость расчетов.

В добровольном страховании (КАСКО) стороны обременяют большей свободой договора, что порождает иные группы проблем. Договором может быть предусмотрена франшиза, наличие которой удешевляет полис, но создает дополнительные условия для выплаты. Существуют условная и безусловная франшизы, а также динамическая франшиза, действующая со второго или третьего случая. Наличие франшизы способно освободить страховщика от выплаты или значительно ее уменьшить.

Кроме того, существует проблема выбора между агрегатной и неагрегатной страховой суммой. Агрегатная сумма уменьшается на размер каждой выплаты, что снижает стоимость полиса, но может привести к нулевой выплате к концу срока страхования. Неагрегатная сумма может устанавливаться как индексируемая, с учетом амортизационного износа.

Судебная практика демонстрирует расхождения по восприятию страховой суммы в КАСКО. В деле № 6373/2021 Преображенский суд г. Москвы посчитал, что выплата страхового возмещения в случае хищения транспортного средства за вычетом суммы амортизационного износа противоречит нормам гражданского законодательства (ч. 5 ст. 10 Закона РФ «Об организации страхового дела») [6]. Однако суды апелляционной и кассационной инстанций, ссылаясь на Обзор судебной практики Верховного Суда РФ, указали, что страховая сумма не может быть выше действительной стоимости имущества, но может быть ниже.

Московский городской суд в Определении от 19.07.2022 № 4г-6373/2022 подтвердил, что запрета на установление размера страховой суммы ниже действительной стоимости законом не предусмотрено. Таким образом, судебная практика ориентируется на ст. 947 ГК РФ, допуская, что страховое возмещение может быть меньше страховой суммы и включать суммы износа [7].

Проведенный анализ проблем определения существенных условий договоров страхования средств автотранспорта и гражданской ответственности их владельцев позволяет сделать ряд основополагающих выводов. Несмотря на высокую степень регламентации сферы автострахования в Российской Федерации, правоприменительная практика сталкивается с системными трудностями, вызванными пробелами в законодательстве и коллизиями нормативных актов. Для стабилизации правоотношений в сфере автострахования необходимо комплексное совершенствование законодательной базы. Приоритетными направлениями должны стать: законодательное закрепление базовых терминов в ФЗ № 40-ФЗ, устранение противоречий между специальным и гражданским законодательством, актуализация методик оценки ущерба и унификация судебных подходов к разрешению споров по договорам КАСКО. Реализация данных мер позволит повысить прозрачность страхового рынка, снизить количество судебных разбирательств и обеспечить эффективную финансовую защиту участников дорожного движения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 18. — Ст. 1720.
3. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 2. — Ст. 56.
4. Положение Банка России от 04.03.2021 № 755-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства» (ред. от 04.06.2025) // Вестник Банка России. — 2021. — № 35.
5. Методические рекомендации по проведению судебных автотехнических экспертиз и исследований колесных транспортных средств в целях определения размера ущерба, стоимости восстановительного ремонта и оценки / ФБУ «Российский федеральный центр судебных экспертиз» при Минюсте России. — М., 2020.
6. Определение Московского городского суда от 19.07.2022 № 4г-6373/2022 по делу № 6373/2021 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court> Дата обращения: 04.02.2026.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 10.

Проблемы применения электронных доказательств в уголовном судопроизводстве России

Басова Анастасия Алексеевна, студент;
Волкова Есения Владимировна, студент;
Гневашева Ева Максимовна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются актуальные проблемы использования электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании. Анализируется отсутствие легального определения «электронного доказательства», что порождает дискуссию об отнесении таких сведений к вещественным доказательствам, иным документам или выделении их в самостоятельный вид. Исследуются сложности собирания (обнаружения, фиксации и изъятия) данных на электронных носителях, а также проблемы обеспечения их достоверности и процессуального закрепления. На основе анализа российского законодательства, доктринальных источников и зарубежного опыта предложены пути совершенствования уголовно-процессуального регулирования: введение специальной нормы, регламентация порядка следственных действий, внедрение технических средств верификации (хеширование, электронная подпись) и создание специализированных подразделений.

Ключевые слова: электронные доказательства, уголовный процесс, цифровая информация, собирание доказательств, вещественные доказательства, иные документы, допустимость доказательств, компьютерно-техническая экспертиза, хэш-сумма.

Problems of application of electronic evidence in Russian criminal proceedings

The article deals with the current problems of using electronic information in criminal procedural evidence. The absence of a legal definition of «electronic evidence» is analyzed, which gives rise to a discussion about classifying such information as material evidence, other documents, or identifying it as an independent type. The author examines the difficulties of collecting (detecting, recording, and seizing) data on electronic media, as well as the problems of ensuring their reliability and procedural consolidation. Based on the analysis of Russian legislation, doctrinal sources, and foreign experience, ways to improve criminal procedure regulation are proposed: introduction of a special norm, regulation of the procedure for investigative actions, implementation of technical means of verification (hashing, electronic signature), and creation of specialized units.

Keywords: *electronic evidence, criminal procedure, digital information, evidence collection, material evidence, other documents, admissibility of evidence, computer-technical expertise, hash sum.*

Цифровизация всех сфер жизни общества неизбежно влечет трансформацию механизмов уголовно-процессуального доказывания. В современном судопроизводстве все чаще фигурируют такие источники информации, как аудио- и видеозаписи, детализации телефонных соединений, переписка в мессенджерах и социальных сетях, данные из облачных хранилищ. Однако действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), оперируя понятиями «вещественные доказательства» (ст. 81) и «иные документы» (ст. 84), не содержит специального регулирования для сведений, существующих в электронной форме. Данное обстоятельство порождает многочисленные дискуссии в научной среде и существенные сложности в правоприменительной практике, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Целью статьи является выявление ключевых проблем применения электронных доказательств и формулирование предложений по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства с учетом доктринальных разработок и зарубежного опыта.

Отсутствие в УПК РФ легальной дефиниции «электронное доказательство» является фундаментальной проблемой, порождающей неопределенность в правоприменении. В доктрине сложилось несколько подходов к пониманию правовой природы этих сведений.

Представители первого подхода рассматривают электронные доказательства как разновидность вещественных доказательств, акцентируя внимание на материальном носителе. Сторонники второго подхода относят электронные документы к категории «иных документов». Третья позиция, представляющаяся наиболее перспективной, заключается в признании электронных доказательств самостоятельным видом доказательств, требующим особого правового регулирования ввиду их специфических признаков.

Наиболее обоснованной видится позиция С. В. Зуева, который определяет электронные доказательства как «сведения, имеющие значение для уголовного дела, выраженные в электронной форме, полученные, проверенные и оцененные в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, и приобщенные к уголовному делу» [2, 3]. Данное определение удачно синтезирует два ключевых аспекта: особую (электронную) форму существования информации и обязательность соблюдения процессуальной процедуры ее получения.

Важным теоретическим аспектом является разграничение смежных понятий. Как верно отмечает Ю. Н. Соколов (в интерпретации автора), «электронная информация» является более широкой категорией по отношению к «компьютерной» или «цифровой» информации и коррелирует с термином «электронные носители», исполь-

зуемым в УПК РФ. Исследователи (В. Б. Вехов, А. И. Зазулин) выделяют следующие существенные признаки электронных доказательств: 1) выражение в электронно-цифровой форме; 2) наличие материального носителя либо существование в виртуальной среде; 3) легкая копируемость без потери содержания; 4) уязвимость для несанкционированной модификации и уничтожения; 5) необходимость применения специальных технических и программных средств для восприятия содержащейся информации [8, 9].

Процесс собирания электронных доказательств, включающий их обнаружение, фиксацию и изъятие, сопряжен с рядом проблем процедурного и технического характера. А. Р. Арсланова и С. С. Телигисова выделяют несколько ключевых аспектов [4].

1) Отсутствие унифицированного порядка изъятия. Статьи 182 и 183 УПК РФ, регламентирующие обыск и выемку, предусматривают возможность изъятия электронных носителей, но не устанавливают технических правил такого изъятия. Это приводит к риску утраты или повреждения информации из-за некорректного отключения оборудования, статического электричества или нарушения последовательности копирования данных.

2) Неопределенность пределов изъятия. Закон не отвечает на вопрос: допустимо ли копирование всего содержимого жесткого диска или следует ограничиваться только файлами, имеющими отношение к расследуемому событию? Отсутствие четких критериев создает риск необоснованного вторжения в частную жизнь лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства.

3) Обеспечение целостности и достоверности. Электронная информация легко модифицируется. В зарубежной практике (США, страны ЕС) для верификации подлинности широко применяется вычисление контрольных сумм (хэшей) файлов и их последующая проверка, использование усиленной электронной подписи, а также детальное протоколирование всех действий с указанием технических параметров. Российское законодательство не содержит императивных требований о применении таких инструментов, что снижает доказательственное значение изъятых информации и провоцирует стороны заявлять ходатайства о признании недопустимыми.

Дискуссионным остается вопрос о форме приобщения электронных данных к материалам уголовного дела. П. С. Пастухов справедливо отмечает, что традиционные процессуальные формы не отвечают специфике цифровой информации [10, 14]. Протокол осмотра не позволяет зафиксировать все метаданные файла (дату создания, автора, географические теги и т. п.), а распечатка скриншотов на бумажном носителе ведет к утрате значительной части доказательственной информации и облегчает фальсификацию. Необходим особый порядок фиксации, пред-

полагающий создание электронных копий (образов) носителей с обязательным вычислением контрольных сумм и описанием в протоколе программно-технической среды.

Проверка достоверности также требует специальных знаний. С. Б. Россинский обращает внимание, что традиционные методы (сопоставление с иными доказательствами) здесь недостаточны; требуется привлечение специалистов и назначение компьютерно-технических экспертиз для анализа метаданных, выявления следов модификации, восстановления удаленной информации [15].

Особую сложность представляет оценка информации, полученной из сети Интернет (социальные сети, мессенджеры). Как отмечает А. И. Туршин, анализ зарубежного опыта (Китай, Индия, Бразилия) показывает необходимость создания специализированных подразделений по сбору цифровых доказательств и разработки ведомственных инструкций по фиксации интернет-контента [7].

На основе проведенного анализа представляется возможным предложить следующие направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики:

1) Законодательное закрепление понятия. Целесообразно дополнить УПК РФ статьей, закрепляющей понятие электронных доказательств. Представляется обоснованным выделить их в самостоятельный вид доказательств, определив как сведения в электронной форме (в том числе метаданные), имеющие значение для уголовного дела, полученные, проверенные и оцененные в установленном порядке.

2) Регламентация порядка следственных действий. Необходимо разработать и ввести в УПК РФ специальные правила производства следственных действий с электронными носителями. Следует установить обязательность участия специалиста, требования к документированию (тип устройства, способ доступа, использованное

ПО, модель накопителя), а также обязанность применения средств верификации (вычисление хэш-сумм по алгоритмам MD5, SHA-2 и т. п.) [1].

3) Обеспечение достоверности. Важно легализовать и сделать обязательным применение технических способов фиксации: создание зеркальных копий (образов) носителей, видеозапись процесса изъятия, использование электронной подписи для удостоверения факта неизменности файлов [7].

4) Унификация критериев оценки. Как обоснованно предлагает Р. И. Оконенко, требуется выработка на уровне Пленума Верховного Суда РФ критериев допустимости электронной информации, включая проверку законности источника получения, отсутствие несанкционированных модификаций, соответствие процессуальной форме [5, 12].

5) Институциональные изменения. Перспективным представляется создание в структуре СК РФ, МВД и судов специализированных подразделений (или введение должностей специалистов-криминалистов в области цифровых технологий), а также развитие системы подготовки кадров, владеющих компетенциями в области компьютерно-технических экспертиз.

Проблема интеграции электронных доказательств в российский уголовный процесс носит комплексный характер. Отсутствие легального определения, архаичность процедур собирания и недостаточная разработанность критериев оценки достоверности создают серьезные риски для правоприменительной практики, снижая эффективность борьбы с преступностью и создавая угрозу нарушения прав граждан. Внедрение предложенных изменений, основанных на анализе доктрины, российского опыта и зарубежных аналогов, позволит сформировать адекватный вызовам цифровой эпохи механизм доказывания, обеспечивающий баланс между публичными интересами правосудия и частными интересами личности.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — N 52 (ч. 1). — Ст. 4921.
2. Зуев, С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов / С. В. Зуев [и др.]; отв. ред. С. В. Зуев. — М.: Юрайт, 2025. — 193 с.
3. Зуев, С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение / С. В. Зуев // Правопорядок: история, теория, практика. — 2020. — № 3 (26). — С. 46–51.
4. Арсланова, А. Р. Проблемные аспекты процесса получения и эффективного использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / А. Р. Арсланова, С. С. Телигисова. — Уфа: Аэтерна, 2025. — 44 с.
5. Оконенко, Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права / Р. И. Оконенко // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 3 (52). — С. 120–124.
6. Зигура, Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис.... канд. юрид. наук / Н. А. Зигура. — Челябинск, 2010. — 234 с.
7. Туршин, А. И. Электронные доказательства в уголовном процессе: опыт зарубежных стран и российские перспективы / А. И. Туршин // Юридические исследования. — 2025. — № 9. — С. 1–11. — DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75764.

8. Вехов, В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики / В. Б. Вехов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2016. — № 4 (11). — С. 46–50.
9. Зазулин, А. И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: автореф. дис.... канд. юрид. наук / А. И. Зазулин. — Екатеринбург, 2018. — 32 с.
10. Пастухов, П. С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств / П. С. Пастухов // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 1. — С. 695–707.
11. Воронин, М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? / М. И. Воронин // Lex Russica. — 2019. — № 7 (152). — С. 74–84. — DOI: 10.17803/1729–5920.2019.152.7.074–084.
12. Оконенко, Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: дис.... канд. юрид. наук / Р. И. Оконенко. — М., 2016. — 158 с.
13. Марфицин, П. Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «Электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве / П. Г. Марфицин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. — № 3 (39). — С. 106–109.
14. Пастухов, П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств / П. С. Пастухов // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сборник научных статей / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. — М.: Статут, 2017. — С. 558–566.
15. Россинский, С. Б. Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя / С. Б. Россинский // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 184–207. — DOI: 10.35427/2073–4522–2023–18–3-rossinskiy.

Защита интересов кредиторов при банкротстве физических лиц в арбитражной практике

Бачиева Алина Аслановна, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Статья посвящена защите прав кредиторов при банкротстве граждан в России. На основе анализа арбитражной практики выявлены ключевые барьеры для взыскания: сокрытие активов, непрозрачность процедур и правовая неопределенность. Автор обосновывает внедрение цифровых технологий (блокчейн, смарт-контракты) для автоматизации поиска имущества и исполнения обязательств. Предложены рекомендации по модернизации законодательства, направленные на обеспечение баланса интересов участников процесса.

Ключевые слова: защита прав кредиторов, несостоятельность, кредиторы, неплатежеспособность, дела о несостоятельности (банкротстве), цифровизация права, добросовестность должника.

Введение

Научный интерес к проблеме защиты прав кредиторов в рамках процедур несостоятельности (банкротства) граждан продиктован стремительной динамикой развития данного института в России. В современных экономических реалиях, характеризующихся финансовой нестабильностью, количество дел о банкротстве физических лиц неуклонно растет. Это ставит перед правовой системой острую задачу: обеспечить справедливый баланс между механизмом освобождения должника от непосильных обязательств и законным правом кредиторов на возврат вложенных средств. Необходимость глубокого анализа арбитражной практики в этой сфере обусловлена поиском путей минимизации рисков для финансового сектора.

Несмотря на наличие сформированной законодательной базы, механизмы реализации прав кредиторов часто сталкиваются с практическими сложностями: сокрытием активов, недобросовестным поведением участников процесса и несовершенством оценочных процедур. Исследование направлено на изучение того, как существующий правовой инструментарий адаптируется к вызовам правоприменительной практики.

1. Правовые механизмы защиты интересов кредиторов

Правовые механизмы защиты интересов кредиторов в контексте банкротства физических лиц представляют собой сложный и многогранный процесс, регулируемый как национальным законодательством, так и международ-

ными нормами. Основной целью этих механизмов является обеспечение справедливого и эффективного удовлетворения требований кредиторов в условиях финансовой несостоятельности должника.

Законодательство о банкротстве физических лиц представляет собой важный инструмент, который обеспечивает защиту интересов кредиторов и регулирует процесс, связанный с несостоятельностью граждан. В последние годы в России были внесены значительные изменения в законодательство, что отразилось на практике банкротства. Одним из ключевых аспектов является возможность физических лиц инициировать процедуру банкротства, что позволяет им избавиться от долгов и начать новую финансовую жизнь. Однако такая процедура также создает определенные риски для кредиторов, которые могут потерять свои средства.

Анализ судебной практики в арбитражных судах показывает, что защита интересов кредиторов в процессе банкротства физических лиц сталкивается с множеством сложностей и нюансов. Основные проблемы, выявленные в ходе судебных разбирательств, касаются недостаточной прозрачности процедур банкротства и не всегда адекватного реагирования судов на нарушения прав кредиторов. Например, в некоторых случаях суды не учитывают интересы кредиторов при принятии решений о реструктуризации долгов или списании обязательств должника. Это приводит к тому, что кредиторы оказываются в невыгодном положении, не имея возможности вернуть свои средства.

2. Эффективность правовых механизмов защиты кредиторов

Эффективность защиты кредиторов — центральный аспект института банкротства граждан. В условиях роста числа дел о несостоятельности критически важной становится разработка инструментов, минимизирующих потери взыскателей. Методология исследования данной проблемы требует комплексного подхода: сочетания статистического анализа и качественных методов (в частности, интервью с участниками процессов), что позволяет выявить скрытые недостатки законодательства [6].

Важное значение имеет сравнительно-правовой анализ национальных и зарубежных систем. Внедрение лучших международных практик, включая альтернативные механизмы разрешения споров, способно повысить результативность процедур [5]. Перспективным направлением модернизации является цифровизация: технологии блокчейн и смарт-контракты могут автоматизировать исполнение обязательств, обеспечив прозрачность и надежность сделок.

Однако текущий анализ судебной практики и экспертных мнений указывает на недостаточную защищенность кредиторов. Юридическая неопределенность и несовершенство правоприменения приводят к игно-

рированию интересов взыскателей, затягиванию сроков и снижению вероятности возврата активов, что подтверждается в исследованиях Н. С. Петровой. [7].

3. Рекомендации по улучшению механизмов защиты интересов кредиторов

Вопрос защиты интересов кредиторов при банкротстве физических лиц является актуальным в современной арбитражной практике. Основные механизмы, направленные на обеспечение прав кредиторов, требуют постоянного совершенствования и адаптации к изменяющимся условиям экономической среды. В данной главе рассматриваются рекомендации по улучшению этих механизмов, с акцентом на практические аспекты и правовые нормы.

В рамках анализа существующих механизмов защиты интересов кредиторов важно выявить их сильные и слабые стороны, что позволяет понять, какие аспекты требуют доработки и улучшения. Сильные стороны могут включать в себя четкие процедуры и правила, которые обеспечивают защиту прав кредиторов в процессе банкротства, а также наличие механизмов, способствующих быстрому и эффективному разрешению споров. Например, исследование, проведенное Сидоровым, подчеркивает, что наличие четких законодательных норм способствует повышению уверенности кредиторов в своих правах [9].

Однако, несмотря на эти положительные аспекты, существуют и значительные слабости. К числу таких недостатков можно отнести недостаточную прозрачность процедур, что иногда приводит к затягиванию процессов и увеличению расходов для кредиторов. Кроме того, некоторые механизмы могут быть неэффективными в условиях современных экономических реалий, что подтверждается данными, представленными в исследовании Брауна, где отмечается, что многие кредиторы сталкиваются с трудностями в реализации своих прав из-за сложностей, связанных с банкротством физических лиц [10].

Таким образом, для повышения эффективности механизмов защиты интересов кредиторов необходимо не только укреплять их сильные стороны, но и активно работать над устранением выявленных недостатков. Это может включать в себя как законодательные изменения, так и внедрение новых практик, способствующих улучшению взаимодействия между кредиторами и должниками.

Совершенствование правовых норм в области защиты интересов кредиторов является актуальной задачей, требующей комплексного подхода. В первую очередь, необходимо пересмотреть существующие законодательные акты, касающиеся банкротства физических лиц, чтобы устранить пробелы и неясности, которые могут быть использованы недобросовестными должниками. Например, Сидоров в своем исследовании подчеркивает, что текущие нормы не обеспечивают должного уровня защиты прав

кредиторов и предлагают ряд изменений, которые могут существенно улучшить ситуацию [11].

Выводы

Проведенное исследование подтвердило, что стремительный рост числа дел о банкротстве граждан требует выработки эффективного баланса между реабилитацией должника и защитой прав кредиторов. Несмотря на развитую законодательную базу, правоприменительная практика сталкивается с системными проблемами: сокрытием активов, недостаточной прозрачностью процедур и противоречивостью судебных решений, что зачастую приводит к необоснованному ущемлению интересов взыскателей.

Эмпирический анализ показал, что текущие механизмы защиты демонстрируют низкую эффективность, выраженную в затягивании сроков и минимальном проценте удовлетворения требований. Перспективным путем решения данных проблем является цифровизация процесса (внедрение блокчейн-технологий и смарт-контрактов) и адаптация успешного международного опыта.

Таким образом, для повышения результативности института банкротства необходима комплексная модернизация законодательства, направленная на пресечение недобросовестного поведения участников и автоматизацию поиска активов. Это обеспечит прозрачность процедур и повысит доверие к финансовой системе в целом.

Литература:

1. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/>
2. Иванова, С. П. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: учебное пособие / С. П. Иванова, Д. Н. Земляков, А. Л. Баранников. — Москва: Юстиция, 2018. — 37 с. — URL: <https://www.consultant.ru>
3. Миннуллина К. А., Предеин Н. М. Субординация обязательных требований как инструмент защиты незвасимых кредиторов в институте банкротства // Вопросы студенческой науки. — Выпуск № 1(41). — 2020. — С.277–281
4. Глухова О. Ю., Шевяков А. Ю. Несостоятельность (банкротство) как правовая и экономическая категории // Социально-экономические явления и процессы. — 2017. Т. 12. — № 5. — С. 166–172.
5. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2001 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых Арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц // Собрание законодательства РФ.—2001.—№ 12.— Ст. 1138.
7. Нусс Н. В. Генезис российского законодательства о банкротстве физического лица // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10–4 (49). — С. 34–36.
8. Колиева А. Э., Губаева Л. В. О принципах исполнения обязательств // Право и практика. 2015. № 3. — С. 61–67.
9. Жуков Е. В. Особенности рассмотрения дел о банкротстве // International Law Journal. 2022. Т. 5. № 1. — С. 115–121.
10. Герасименко Д. В. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 19. — С. 197–200.
11. Сидоров В. А. Проблемы правового регулирования и методологии проведения арбитражным управляющим финансового анализа и проверки наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства / В. А. Сидоров // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). — С. 173–178.

Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском уголовном праве

Борисова Софья Сергеевна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Пожизненное лишение свободы как мера уголовного наказания зародилась в нашем государства ещё в дореволюционной России и продолжает своё существование в действующем законодательстве. Пожизненное лишение свободы применяется исключительно как основной вид наказания за совершение некоторых особо тяжких преступлений. Но несмотря

на то, что приведённый институт преодолел долгий и большой путь своего развития, в нём, в настоящее время, выделяется целый ряд актуальных проблем, которые и будут детальным образом рассмотрены в данной статье.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, наказание уголовно-правового характера, альтернатива смертной казни.

Пожизненное лишение свободы представляет собой основное наказание за совершение некоторых особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь личности, здоровья населения, половую неприкосновенность несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, общественную безопасность, безопасность государства и т. д.

Если затрагивать сущность пожизненного лишения свободы, то она характеризуется тем, что преступник приговаривается к лишению свободы на срок, который, в свою очередь, начинается с момента вступления приговора суда в законную силу и заканчивается фактической смертью осуждённого.

В действующем законодательстве существуют некоторые проблемы, связанные с институтом пожизненного лишения свободы.

В качестве первой проблемы стоит выделить возможность условно-досрочного освобождения (далее — УДО) от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) в ч.5 ст. 79 закрепляет то, что «лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы. Условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы применяется только при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет» [1]. Кроме того, законодатель уточнил, что лица, совершившие преступления террористической направленности, а также преступления против безопасности нашего государства, никаким образом не могут быть условно-досрочно освобождены от исполнения такого вида наказания.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что в нашей стране существует некий институт правовой защиты осуждённых, который позволяет преступникам в некоторых случаях освободиться от упомянутого вида наказания.

Однако здесь можно поспорить.

Как было сказано ранее, к пожизненному лишению свободы приговариваются лица, совершившие особо тяжкие преступления. И если террористы, государственные изменники, шпионы и вооружённые мятежники не могут воспользоваться этим правом, то лица, совершившие убийство двух или более лиц (речь идёт про массовые убийства) вполне обладают такой возможностью. Допустим, условный преступник, решил расстрелять 10 человек. Его преступление не связано с террористическим

характером. Однако ему удалось совершить задуманное, и ему назначают пожизненное лишение свободы. Представим, проходит 25 лет, и преступник выходит на свободу и продолжает спокойно жить дальше.

По нашему мнению, лица, совершившие особо тяжкие преступления, осуждённые к пожизненному лишению свободы, никаким образом не должны быть возвращены обратно в общество по многим причинам.

Во-первых, из-за возможности УДО теряется карательная функция наказания. Так человек, умышленно совершивший такое страшное преступление, в результате которого погибло большое количество человек, никаким образом не должен быть освобождён от такого наказания, не зависимо от того исправился он или нет. Преступник совершил жестокое преступление и должен понести за это наказание в полном объёме. Во-вторых, лица, отбывающие наказания в виде пожизненного лишения свободы, находятся в длительной изоляции, в результате чего нарушается их психическое здоровье, происходит асоциализация. И если даже человек сможет освободиться по УДО через 25–30 лет после отбывания наказания, он, скорее всего, уже не сможет полноценно «влииться» в общество, найти работу, что вызовет большое количество проблем для самого преступника. Кроме того, такие факторы могут подтолкнуть его вновь совершать преступления. Ну и в-третьих, по мнению И. В. Кернаджука и Н. В. Самойлюк, если даже преступник освободится в результате УДО, то он, в большинстве случаев, будет либо в пенсионном, либо в предпенсионном возрасте. Это приведёт к тому, что такое лицо не сможет полноценно зарабатывать денежные средства, необходимые для его существования [2, с. 139].

Потенциальным путём решения выявленной проблемы является полная отмена института условно-досрочного освобождения от пожизненного лишения свободы.

В качестве второй проблемы можно обозначить гендерный принцип, который используется при назначении пожизненного лишения свободы. Согласно нормативно-правовым актам, на сегодняшний день пожизненное лишение не применяется к женщинам. Безусловно, это очень спорная и несправедливая норма, поскольку особо тяжкие преступления совершают не только представители мужского пола. Представим ситуацию. Женщина является активным участником террористической группировки и совершает террористический акт, в результате которого погибает большое количество человек. В конечном счёте, такую преступницу приговаривают к лишению свободы на срок 25 лет, и по его отбытию она, независимо от того — исправилась или нет, спокойно возвращается в общество и живёт прежней жизнью.

Перспективным решением данной проблемы является принятие поправок в действующий УК РФ, предусматривающий возможность назначения пожизненного лишения свободы женщинам.

И третья проблема характеризуется постоянными спорами о том, что же лучше — пожизненное лишение свободы или смертная казнь. В связи с тем, что в настоящее время смертная казнь не применяется, её альтернативой стало пожизненное лишение свободы. Это вызывает бурные споры среди учёных.

По нашему мнению, на такой вопрос, как «является ли пожизненное лишение свободы хорошей альтернативой смертной казни или нет» нельзя ответить однозначно.

Если рассматривать преимущества пожизненного лишения свободы, то можно выделить следующие моменты.

С точки зрения карательной функции это очень хорошая альтернатива. По мнению юриста Ильи Ремесла, «пожизненное заключение для преступников — более страшное наказание, чем смертная казнь» [3]. Нам близка позиция автора, потому что в результате смертной казни осуждённый быстро и безболезненно лишается жизни, тогда как при пожизненном заключении он вынужден до конца своей жизни быть в одиночестве и заточении. И в месте лишения свободы он может провести 20, 30, 40, 50 или ещё больше времени. По факту, преступник, приговорённый к такому наказанию, не живёт, а проживает свою жизнь.

Кроме того, несмотря на современные технологии, а также методики раскрытия и расследования преступ-

лений, не исключено ошибочное привлечение невиновного лица к уголовной ответственности и назначение ему пожизненного лишения свободы. В некоторых случаях подобные ошибки могут быть выявлены лишь через несколько лет после вступления приговора в законную силу. И, допустим, если то или иное лицо, которое было ошибочно приговорено к пожизненному лишению свободы, то оно будет освобождено с выплатой соответствующей компенсацией, а если бы такому лицу была назначена смертная казнь, то оно бы было уже лишено жизни к этому времени.

Если обозначить плюсы смертной казни, то тут можно сказать следующее. Смертная казнь, как вид наказания, носит более устрашающий характер, нежели пожизненное лишение свободы, что положительно влияет на предотвращение преступлений. Действительно, смертная казнь, то есть умышленное причинение смерти преступнику, звучит более грозно, нежели пожизненное лишение свободы. Кроме того, смертная казнь позволяет экономить бюджетные средства. Так, например, глава СК РФ Александра Бастрыкина заявил, что ежегодное содержание одного заключённого обходится российскому бюджету в 300 000 рублей в год [4]. Если учесть, что в нашей стране, по состоянию на декабрь 2024 года, к пожизненному лишению свободы приговорено более тысячи человек, то на практике получается, что бюджет РФ тратит огромные средства (минимум 300 миллионов рублей в год) на содержание таких преступников [5].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Кернаджук И. В., Самойлюк Н. В. Проблемы применения условно-досрочного освобождения к лицам, отбывающим пожизненное лишение свободы // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 1 (181). — С. 137–140.
3. Юрист назвал пожизненное заключение более страшным наказанием, чем смертная казнь [Электронный ресурс]: «RT». — Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/news/1441290-ekspert-smertnaya-kazn> (дата обращения: 15 сентября 2025 года).
4. Глава следкома РФ предложил отменить мораторий на смертную казнь [Электронный ресурс]: «ASTV». — Режим доступа: <https://astv.ru/news/society/2024-06-29-glava-sledkoma-rf-predlozhit-otmenit-moratorij-na-smertnuyu-kazn> (дата обращения: 15 сентября 2025 года).
5. Вечный срок. Самые необычные дела пожизненно осужденных в России [Электронный ресурс]: «Лента.РУ». — Режим доступа: <https://lenta.ru/themes/2024/12/02/vechnyy-srok/> (дата обращения: 15 сентября 2025 года).

Сравнительная характеристика договоров социального и коммерческого найма

Бороздина Кристина Александровна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье проводится соотношение договоров коммерческого и социального найма жилого помещения. Анализируются их сходства и различия по различным критериям, а именно по источникам, регулирующим данные виды договоров, по лицам, выступающим сторонами, по процедуре заключения исследуемых договоров, по условиям приватизации и поднайма, по срокам, по оплате, по правам третьих лиц в возникших правоотношениях, а также по расторжению данных

соглашений. Выявляются проблемные вопросы по рассматриваемым аспектам. В заключении делаются соответствующие выводы.

Ключевые слова: жилое помещение, договор социального найма, договор коммерческого найма, малоимущие, жилищное законодательство, гражданское законодательство.

Гражданский Кодекс Российской Федерации в главе 35 регламентирует отношения в сфере аренды недвижимого имущества, исходя из следующей формулировки, что в соответствии с договором найма собственник вправе представить другой стороне помещение в пользование для проживания за плату. Гражданский Кодекс также отводит место для такого типа договора найма как наем в государственном и муниципальном фонде социального использования.

Таким образом, юридическая литература выделяет в секторе договора найма два его вида: договор коммерческого найма (далее — коммерческий договор) и договор социального найма. Потребность в разделении видов договоров возникает вместе с вопросом о технической стороне договора, которая часто подвергается критике в рамках структуры главы 35.

В. Н. Литовкин рассуждает, что в отличие от других глав, данная глава не выделяет общих и особенных норм, и это весьма осложняет понимание содержания главы. Однако, любопытно, что оба договора имеют общую задачу — передача жилья для его прямого использования [4].

Рассмотрим подробнее первый вид договора — коммерческий. В наше время аренда недвижимости, находящейся в собственности имеет большой спрос. Собственник жилья, располагая свободной жилой площадью (далее — частный жилищный фонд) вправе сдать её в аренду, получая за это плату. Данный договор имеет коммерческие цели, отсюда и его название.

Определение коммерческого договора позволяет охарактеризовать его как двухсторонний (с возникновением отношений между сторонами), консенсуальный (собственник предоставляет в пользование помещение для проживания, что оговорено в договоре) и возмездный (соглашение осуществляется за плату) [5].

Следующим видом признаётся договор на основе соглашения с органами власти, т. е. социальный наем. Определение ему даёт Жилищное законодательство, и его понятие очень схоже с определением коммерческого договора. Меняется только сторона, а именно, наймодатель, который обладает государственным жилищным фондом или муниципальным фондом, иными словами, уполномоченный орган власти. Предметом договора остаётся жилое помещение. Граждане, признанные малоимущими в соответствии с ЖК РФ, имеют право на получение жилья за счёт муниципального жилищного фонда, это большой плюс данного договора. Государство обязано защищать права своих граждан, что очень хорошо разработано в нормах законодательства.

Поэтому, важно сказать, что мы имеем дело с договорами, имеющими большое значение для граждан, помогая

им удовлетворить свои потребности в жилье и открывать широкие возможности для развития жизни.

Как мы уже разобрались выше, объектом договора найма является недвижимое имущество, служащее жильём гражданам. ЖК РФ поясняет, что данное помещение должно быть пригодно для проживания в соответствии с санитарными и техническими нормами, а также обязательно изолированно.

Его единицами являются: жилой дом, квартира и комната. Не являются жилыми помещениями общего имущества собственников, а также помещения вспомогательного характера. Последние вызывают много вопросов касательно пользования, т. к. их пространство не несёт определённых индивидуальных характеристик и может быть использовано в интересах собственника, использующего, например, холодный пристрой или лестничную площадку в собственных целях.

Наниматель заинтересован приобрести в пользование жильё для проживания у частного лица либо у государственного фонда, но сделки будут носить юридически разный характер, поэтому важно понять на основе каких законодательных актов будет осуществляться сделка, какие нормы мы будем применять [7].

Начнём с правоотношений, вытекающих из частного жилищного фонда. Данный вид сделки носит в себе консенсуальный характер, т. к. каждая сторона получает взаимную выгоду, одна сторона пользуется жилищным фондом, другая извлекает прибыль. Договор регулируется нормами Гражданского Кодекса, когда возникают права на частный жилищный фонд между сторонами. Нормы ЖК РФ тоже могут быть применимы к данному виду договора, но только в случаях использования услуг ЖКХ. Это подтверждает 4 статья ЖК, где оговорено, что в отношении использования частного фонда могут возникать жилищные правоотношения, но никак не по поводу правоспособности сторон. Наниматель вправе заниматься предпринимательской деятельностью на территории помещения либо осуществлять профессиональную деятельность, не нарушая права других граждан. Сторона, предоставляющая помещение, является физическими или юридическими лицами, которые имеют право частной собственности на данное помещение. Но, юридические лица не имеют права использовать помещение для иных видов деятельности.

Вопросы, касающиеся социального найма, наоборот, регулируются только нормами ЖК РФ. Помещения социального значения, находящиеся во владении государства и муниципальных фондов, предназначены для проживания отдельных категорий граждан. Поскольку государство является собственником данных жилищных фондов, то правоспособность по нему ограничена. Возможно только его пользование.

Сторона, нуждающаяся в жилье и имеющая право на его получение на льготных основаниях (ч.3 ст. 49 ЖК РФ), должна встать на учёт в управлении жилищного департамента по месту жительства, подав необходимые документы, подтверждающие права на льготы. Хочу отметить, что жилищная политика государства предоставляет широкий выбор программ для получения жилья молодым семьям, давая шанс нормальному развитию страны и её демографическому будущему. Бывают случаи, например, передачи освободившейся комнаты в квартире в пользование гражданам, нуждающихся в улучшении жилищных условий на основе коммерческого договора. Если жилая площадь не соответствует норме на одного человека, то наниматель вправе расширить территорию путём заключения договора на коммерческое пользование освободившегося помещения. Причём социальный наем части помещения, полученного ранее, сохраняется.

Если между сторонами возникает спор, то со стороны наймодателя в суде выступает организация жилищной эксплуатации. Но она не может быть стороной по делу, когда споры выходят за пределы договора найма. Например, спор о предоставлении жилого помещения при обмене. При возникновении таких споров стороной выступают органы местного самоуправления или иная организация, осуществляющая управление жилищным фондом.

При заключении договора, все члены семьи, которые будут жить вместе с нанимателем, должны быть обозначены в договоре. Это могут быть родственники, близкие, ведущие общее хозяйство. Суд может признать членом семьи лицо, не имеющее семейных уз с нанимателем и такое лицо вправе проживать в данном жилом фонде дальше, обладать одинаковыми правами, что и настоящие родственники. Социальный наем весьма демократичен для пользующих его граждан. Они получают реальные гарантии для уверенности в завтрашнем дне. К примеру, владелец жилья (орган власти) запланировал передать свою собственность в частные руки. В данном случае наем помещения сохраняется.

Договор коммерческого найма является одним из способов решения существующих проблем населения в жилище. В отличие от иных способов удовлетворения названной потребности (например, в отличие от ипотечного кредитования) договор коммерческого найма может быть заключен любым заинтересованным лицом. Эффективность возникающих на основе указанного гражданско-правового договора отношений должна быть воспринята и учтена государством. В этой связи целесообразно предложить привлечь государство в решение жилищной проблемы путем обеспечения условий для строительства «доходных домов».

По результатам проведенного исследования были сделаны следующие основные выводы.

Договор найма жилых помещений — самостоятельный гражданско-правовой договор, содержание которого сводится к передаче во временное владение и (или) пользование другому лицу жилого помещения для использо-

вания его по назначению — проживания. Особенность указанного договора заключается в том, что на стороне нанимателя (лица, которому во временное владение и (или) пользование, жилое помещение) выступает исключительно физическое лицо.

Существование указанной конструкции гражданско-правовых договоров направлено на достижение цели по удовлетворению основополагающей потребности каждого человека в жилище.

Учитывая уровень развития гражданско-правовых отношений, современный законодатель выделяет две основные разновидности договоров найма жилого помещения: договор коммерческого найма и договор социального найма.

Указанные виды договора найма жилого помещения обладают определенной спецификой, что выражается в субъектном составе (на стороне наймодателя), требованиями, предъявляемыми к жилому помещению как к предмету договора социального либо коммерческого найма.

Договор социального найма жилых помещений представляет собой разновидность гражданско-правовых договоров, на основании которого создаются условия для удовлетворения граждан в жилом помещении. Специфика указанного договора заключается в том, что к числу лиц, которые могут получить жилое помещение, относятся малоимущие лица и иные лица, которые в силу финансового положения самостоятельно не могут приобрести жилое помещение, в том числе и на заемные средства.

Договор социального найма жилого помещения рассматривается в качестве гарантии обеспечения нуждающихся категорий граждан в жилом помещении, а потому указанный договор имеет социальный характер. Наличие указанной конструкции гражданско-правового договора направлено на урегулирование отношений, возникающих по поводу предоставления государством, регионами либо муниципальными образованиями жилого помещения во владение, пользование гражданам, состоящим в очереди на получение жилья [10].

Договор коммерческого найма жилого помещения заключается в целях удовлетворения потребности нанимателя, иных вселенных им лиц в жилом помещении. Указанный договор носит исключительно возмездный и срочный характер — срок договора не может превышать пяти лет. При этом за нанимателем сохраняется право на преимущественное заключение договора коммерческого найма на новый срок.

Договор коммерческого найма жилого помещения в отличие от договора социального найма носит коммерческий характер, то есть в качестве наймодателя по такому договору выступает любое лицо, которое желает получить определенную выгоду от сдачи жилого помещения в найм за определенную денежную сумму. При этом указанный договор может быть заключен на новый срок с тем же нанимателем, что также свидетельствует о коммерческой направленности рассматриваемой конструкции гражданско-правового договора.

Договор коммерческого найма является одним из способов решения существующих проблем населения в жилище. В отличие от иных способов удовлетворения названной потребности (например, в отличие от ипотечного кредитования) договор коммерческого найма может быть заключен любым заинтересованным лицом. Эффективность возникающих на основе указанного гражданско-правового договора отношений должна быть воспринята и учтена государством [9].

Положения действующего гражданского, жилищного законодательства не являются совершенными. В этой связи на практике возникают определенные спорные ситуации. Для урегулирования ряда таких ситуаций были предложены следующие рекомендации по совершенствованию положений действующего закона и правоприменительной практики:

– внести изменения в ч. 4 ст. 104 ЖК РФ положение следующего содержания: «Прекращение трудовых отношений либо пребывания на государственной должности Российской Федерации, государственной должности субъекта Российской Федерации или на выборной должности, а также увольнение со службы является основанием прекращения договора найма служебного жилого помещения. Договор найма служебного жилого помещения подлежит прекращению с момента добровольного освобождения нанимателем служебного жилого помещения в разумные сроки».

На основе указанного предложения представляется возможным обеспечить право бывшего работника на жилье, исключить случаи его оставления без постоянного (временного) места жительства;

– законодатель не указывает на совершеннолетие нанимателя. При этом гражданский оборот выделяет в качестве значимого юридического события не только достижение совершеннолетия, но и приобретение полной дееспособности. Признание гражданина дееспособным возможно вследствие эмансипации или заключения брака, что указывает на возможность несения ответственности по своим обязательствам самим лицом в полном объеме.

Целесообразно внести дополнения в п. 1 ст. 677 ГК РФ, изложив указанное положение в следующей редакции: «Нанимателем по договору найма жилого помещения может быть только гражданин, признанный в установленном настоящим Кодексом порядке дееспособным».

Также отмечено, что регулирование договора найма жилого помещения происходит и на федеральном уровне, и на уровне субъектов Российской Федерации. Признается, что жилые помещения по договорам коммерческого найма предоставляются нуждающимся в улучшении жилищных условий гражданам в качестве альтернативы договора социального найма.

Как правило, участниками программ становятся граждане, которые признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий и являются малоимущими. Иными словами, речь здесь идет о семьях, которые не могут своими средствами, самостоятельно приобрести жилье. В таком случае большая часть населения России не может быть отнесена под действие этих программ, хотя они тоже не могут приобрести самостоятельно жилое помещение.

Представляется, что такой подход не совсем удачный, так как формирование института коммерческого найма должно решать проблему не только малоимущих граждан, но и граждан, не относящихся к ним. Для решения этой проблемы следует сформировать рынок найма жилья, в который привлечь частный сектор жилищной недвижимости, ориентированный на долгосрочный наем, а также создать федеральные программы, которые будут развивать институт коммерческого найма. Это позволило бы гражданам решить жилищную проблему наиболее быстро, так как существующие программы направлены не на развитие коммерческого найма, они регулируют институт права собственности, а также оказывают социальную поддержку малоимущим гражданам.

При заключении договора коммерческого найма также будет необязательно признание гражданина малоимущим, необходимо лишь поставить его на учет в качестве нуждающегося в улучшении жилищных условий. Для заключения договора коммерческого найма жилого помещения не имеет значения, есть ли у гражданина в собственности или во владении и пользовании другое жилое помещение, так как данный договор носит возмездный характер, а не только социальный, как договор социального найма.

В целях обеспечения условий для осуществления коммерческими организациями деятельности в рассматриваемой сфере государству надлежит предусмотреть меры, направленные на привлечение инвестиций (предоставление налоговых льгот, земельных участков на льготных условиях и др.).

Также надлежит использовать возможности жилищных кооперативов по сдаче внаем жилых помещений, которые освободились от прежних членов кооператива вследствие их выхода либо исключения из жилищного кооператива. Данным организациям также могут быть предоставлены меры для содействия в осуществлении указанной деятельности на систематической основе (путем предоставления льгот, земельных участков для строительства многоквартирных домов).

За деятельностью создаваемых специализированных организаций должен быть установлен контроль со стороны специально созданной системы органов управления. К полномочиям таких органов также следует отнести полномочия по ведению контроля за порядком ведения учета граждан, нуждающихся в жилье.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 38. — Ст. 4389.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 (Часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Российская газета. — 2005. — 12 января.
4. Литовкин В. Н. Жилищное законодательство и концепция развития гражданского законодательства. Журнал российского права. 2010;157(1):47–53.
5. Далбаева, Н. Н. Договор найма жилого помещения и его виды: проблемы соотношения / Н. Н. Далбаева // BaikalResearchJournal. — 2010. — № 6. — С. 94–98.
6. Мусаева, У. Проблемы правового регулирования договора коммерческого найма жилого помещения / У. Мусаева // Научные записки молодых исследователей. — 2018. — № 5. — С. 32–38.
7. Ноздрин, Н. А. Сравнительный анализ договора аренды и договора найма жилого помещения в РФ / Н. А. Ноздрин // Прорывные научные исследования как двигатель науки. — 2019. — № 4. — С. 90–94.
8. Панченко, И. В. Договор коммерческого найма жилого помещения: проблемы правового регулирования и иные вопросы / И. В. Панченко // Аллея науки. — 2020. — № 4 (43). — С. 376–381.
9. Пушкина, А. В. Место договора социального найма жилого помещения в системе договоров найма жилых помещений / А. В. Пушкина // Принципы права: проблемы теории и практики. — 2017. — № 1. — С. 343–348.
10. Свит, Ю. П. Жилищное право: учебник и практикум для академического бакалавриата / Ю. П. Свит. — М.: Юрайт, 2020. — 258 с.

Организационные основы спортивного правосудия

Будняцкий Михаил Михайлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Ткаченко Екатерина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются организационные основы спортивного правосудия как системы разрешения споров, возникающих в сфере физической культуры и спорта. Анализируются структура спортивной юрисдикции, соотношение внутренних органов спортивных федераций, национальных судебных механизмов и международного спортивного арбитража, прежде всего Court of Arbitration for Sport (CAS). Особое внимание уделяется вопросам независимости, беспристрастности, специализации и процессуальной автономии органов, рассматривающих спортивные споры. Делается вывод о том, что эффективная модель спортивного правосудия должна сочетать специализированный характер рассмотрения споров, процедурные гарантии участников и согласованность национального и международного уровней спортивной юстиции.

Ключевые слова: спортивное правосудие, спортивный арбитраж, CAS, спортивные споры, спортивные федерации, юрисдикция, независимость арбитража, спортивная юстиция.

Спортивное право в современный период развивается не только как совокупность норм, регулирующих отношения в сфере спорта, но и как система специальных механизмов разрешения конфликтов. Это связано с тем, что спортивная деятельность обладает значительной спецификой: высокой степенью автономии спортивных организаций, наличием внутренних дисциплинарных процедур, международным характером соревнований и необходимостью оперативного разрешения споров. В результате формируется особая система спортивного правосудия, включающая органы спортивных федераций, национальные юрисдикционные механизмы и международный спортивный арбитраж.

Организационная основа спортивного правосудия строится на многоуровневом характере рассмотрения споров. На первоначальном уровне значительная часть конфликтов разрешается внутри спортивных органи-

заций. Речь идет о дисциплинарных комитетах, апелляционных органах федераций, комиссиях по статусу спортсменов, палатах по разрешению споров и иных специализированных структурах. Их создание обусловлено необходимостью учитывать особенности конкретного вида спорта, внутренние регламенты и технические аспекты соревнований. Вместе с тем внутренняя автономия спортивных организаций не означает полной изоляции от общего правового порядка, поскольку решения таких органов могут затрагивать трудовые, имущественные и иные права участников спортивных отношений.

Л. А. Сабашнюк отмечает, что один из ключевых вопросов спортивного правосудия связан с определением подсудности и разграничением компетенции различных органов. Спортивные споры не являются однородными: среди них выделяются дисциплинарные, антидопинговые, трансферные, трудовые, коммерческие и иные категории.

От правильного распределения компетенции зависит не только скорость разрешения конфликта, но и эффективность защиты прав спортсменов, тренеров, клубов и федераций. В этой связи проблема подсудности спортивных споров рассматривается как одна из центральных в организационном построении спортивной юстиции [2].

Особое место в системе спортивного правосудия занимает Court of Arbitration for Sport (CAS), сформировавшийся как специализированный международный арбитражный институт для разрешения спортивных споров. Н. Л. Пешин характеризует CAS как ключевой элемент международной системы спортивного правосудия, обеспечивающий единообразие подходов и формирование устойчивой практики в области спорта. Его значение определяется тем, что многие международные федерации прямо предусматривают возможность или обязательность обращения в CAS, а принятые им решения оказывают существенное влияние на регулирование спортивных отношений в целом [1].

При этом организационная модель CAS не лишена дискуссионных аспектов. L. O'Leary акцентирует внимание на том, что при проектировании системы разрешения спортивных споров особое значение имеют гарантии институциональной независимости, порядок формирования состава рассматривающего органа, прозрачность процедуры и возможность реальной защиты права на справедливое разбирательство [4]. В свою очередь, J. Lindholm рассматривает CAS как центральный институт мирового спорта, но одновременно указывает на необходимость его дальнейшего совершенствования в целях укрепления легитимности и доверия к принимаемым решениям [5].

Следовательно, организационные основы спортивного правосудия не могут быть сведены только к наличию специальных органов. Речь идет о комплексе элементов, обеспечивающих надлежащее функционирование всей системы. К таким элементам относятся нормативное закрепление компетенции, четкая процедура обжалования решений, профессиональная специализация лиц, рассматривающих спор, процессуальная самостоятельность органов, а также наличие механизмов внешнего контроля за соблюдением прав участников. Именно совокупность этих условий позволяет говорить о спортивном

правосудии как о полноценной институциональной системе, а не просто о наборе внутренних дисциплинарных процедур.

Я. А. Янишевская указывает, что судебные механизмы урегулирования споров в области спорта развиваются в условиях взаимодействия государственного порядка и автономных спортивных институтов. Это означает, что национальные суды не исключаются из системы защиты прав, однако в ряде случаев они уступают место специализированным арбитражным механизмам, более приспособленным к особенностям спортивных отношений. Такая модель позволяет учитывать международный характер спортивной деятельности, но одновременно требует четкого нормативного оформления границ автономии спортивных организаций [3].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, каким должно быть надлежащее организационное устройство органов спортивного правосудия. V. Živković подчеркивает, что недостаточно просто создать арбитражный или дисциплинарный орган при спортивной организации. Существенное значение имеют порядок назначения арбитров или членов комиссии, гарантии отсутствия конфликта интересов, процедурная прозрачность, возможность мотивированного пересмотра решений и доступность процедуры для участников спора. Именно институциональные дефекты, а не только проблемы материального регулирования, во многих случаях подрывают доверие к спортивной юстиции [6].

Таким образом, спортивное правосудие представляет собой сложную многоуровневую систему, основанную на сочетании автономии спорта и общеправовых гарантий защиты прав. Организационные основы данной системы включают внутренние органы спортивных федераций, национальные механизмы рассмотрения споров и международный спортивный арбитраж, объединенные общей целью — обеспечить оперативное, профессиональное и справедливое разрешение конфликтов в сфере спорта. Перспективы дальнейшего развития спортивного правосудия связаны с усилением независимости органов, уточнением юрисдикционных правил, укреплением процессуальных гарантий и повышением согласованности между национальным и международным уровнями регулирования.

Литература:

1. Пешин Н. Л. О статусе и юрисдикции спортивного арбитражного суда в Лозанне // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5.
2. Сабашнюк Л. А. Подсудность спортивных споров // StudNet. 2021. № 7.
3. Янишевская Я. А. Судебные механизмы урегулирования споров, возникающих в области спорта: национальный и международный аспект // Образование и право. 2022. № 10.
4. O'Leary, L. Independence and impartiality of sports disputes resolution in the UK. *Int Sports Law J* 21, 243–256 (2021). <https://doi.org/10.1007/s40318-021-00189-9>
5. Lindholm, J. A legit supreme court of world sports? The CAS(e) for reform. *Int Sports Law J* 21, 1–5 (2021). <https://doi.org/10.1007/s40318-021-00184-0>
6. Živković, V., Begović, M. How (not) to organize sports arbitration: Montenegrin olympic committee arbitration, autonomy, and the rule of law. *Int Sports Law J* (2025). <https://doi.org/10.1007/s40318-025-00322-y>

Тактические аспекты назначения судебно-медицинской экспертизы по определению тяжести вреда здоровью

Воронова Татьяна Владимировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Эртель Людмила Александровна, доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует тактические аспекты назначения судебно-медицинской экспертизы по определению тяжести вреда здоровью.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза по определению тяжести вреда здоровью, вред здоровью, эксперт, заключение эксперта.

Эффективность расследования преступлений против личности во многом зависит от своевременного и тактически грамотного назначения судебно-медицинской экспертизы (СМЭ) для установления тяжести вреда здоровью. Несмотря на имеющуюся правовую регламентацию производства судебной экспертизы, закреплённую в статьях главы 27 УПК РФ [1], практика органов предварительного расследования сталкивается с трудностями тактического характера, которые приводят к неполноте экспертных исследований, нарушению сроков и, как следствие, утрате доказательственной информации.

С позиции криминалистической тактики процесс назначения СМЭ по определению тяжести вреда здоровью включает три ключевых этапа:

1. подготовительный (оценка исходных данных и формулирование вопросов);
2. рабочий (выбор экспертного учреждения и изъятие сравнительных образцов);
3. заключительный (анализ заключения эксперта).

На подготовительном этапе тактически ошибочным является формулирование эксперту недифференцированного вопроса «Какова степень тяжести вреда здоровью?» без предоставления медицинских документов (амбулаторной карты, результатов инструментальных исследований и т.п.).

Согласно Медицинским критериям (приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н), эксперт оценивает не только морфологические повреждения, но и длительность расстройства здоровья, стойкую утрату трудоспособности [2]. Следовательно должен тактически обеспечить изъятие и приобщение к материалам дела всей первичной медицинской документации. Поставленные вопросы должны быть чёткими и соответствовать медицинским критериям: отдельно о характере повреждений, механизме образования, давности, степени тяжести с указанием квалифицирующего признака (опасность для жизни, длительность расстройства здоровья, стойкая утрата трудоспособности). Авторы обращают внимание, что «при формулировке вопросов перед экспертами выделяют следующие проблемы:

- 1) шаблонность при составлении вопросов;
- 2) задаваемые вопросы не требуют медицинских знаний, а направлены на установление фактов по существу;

3) должностное лицо при вынесении постановления пытается способом формирования вопросов лицу, обладающему специальными медицинскими знаниями (эксперту), получить ответы на вопросы, подразумевающие правовую оценку действий тех или иных лиц;

4) в ряде случаев должностные лица допускают стилистические погрешности при формулировке вопросов, не позволяющие уловить смысл вопроса» [3, с. 31].

Также в случае противоречий в медицинской документации необходимо ставить перед экспертом вопрос о причинах таких противоречий.

Еще один важный тактический аспект — это выбор момента назначения экспертизы также. Назначение СМЭ сразу после возбуждения дела, при продолжающемся лечении потерпевшего, ведёт к получению промежуточного вывода. Целесообразнее применять тактику «отложенного назначения»: сначала получить справку о тяжести вреда по факту обращения (для решения вопроса об уголовной ответственности), а окончательную СМЭ назначать после выписки из стационара или наступления исходов повреждения. Исключения составляют случаи, когда истекают сроки давности привлечения к ответственности или существует риск утраты биологических следов.

Значимым тактическим риском является подмена процессуального порядка назначения экспертизы. На практике дознаватели нередко ограничиваются запросом в бюро СМЭ «справки о тяжести вреда», которая не имеет статуса заключения эксперта (ст. 80 УПК РФ). Такая справка — лишь документ медицинской организации, который не может быть положен в основу обвинения. Тактически верное решение — вынесение мотивированного постановления о назначении экспертизы с разъяснением прав участникам (потерпевшему, подозреваемому) по ст. 198 УПК РФ.

При работе с экспертом возникает тактическая задача преодоления дефицита информации. В случаях, когда вред здоровью обусловлен не механической травмой, а отравлением или действием физических факторов, следовательно должен предоставить эксперту образцы среды (например, остатки вещества, одежду). Отсутствие тактики взаимодействия приводит к выводам эксперта «вопрос не решён ввиду недостаточности исходных данных».

Отдельного рассмотрения заслуживают следующие ситуации. Если для оценки длительности расстройства здо-

ровья требуются данные о течении заболевания, а для оценки утраты трудоспособности — профессиональные факторы, следователю тактически обоснованно назначать комиссионную (или комплексную медико-социальную) экспертизу. Назначение же повторной СМЭ без указания конкретных противоречий в первичном заключении признаётся судами недопустимым способом собирания доказательств.

На основе анализа научной литературы и правоприменительной практики предлагается следующий оптимальный алгоритм действий следователя (дознателя) по назначению судебно-медицинской экспертизы по определению тяжести вреда здоровью:

1. Собираение исходной медицинской информации — изъятие и приобщение к делу амбулаторной карты потерпевшего, результатов инструментальных методов исследования (рентген, КТ, МРТ), заключений врачей-специалистов (травматолога, невролога, офтальмолога и др.).

2. Определение момента назначения: если вред здоровью опасен для жизни — немедленно; если не опасен — после выписки из стационара или истечения 120 дней с момента травмы.

3. Формулирование вопросов эксперту по типовой схеме: какие телесные повреждения имеются, их локализация, характер, механизм образования; срок давности; степень тяжести вреда с указанием квалифицирующего признака; соответствие повреждений, зафиксированных

в медицинских документах, данным осмотра потерпевшего.

4. Выбор экспертного учреждения — по территориальности (бюро СМЭ субъекта РФ) либо иное учреждение при наличии специфических методов исследования.

5. Вынесение постановления о назначении экспертизы (ст. 195 УПК РФ) с подробным изложением обстоятельств дела и перечнем направляемых объектов, либо возбуждение перед судом ходатайства в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

6. Обеспечение прав участников — ознакомление потерпевшего, подозреваемого, его защитника с постановлением, разъяснение прав по ст. 198 УПК РФ, разрешение ходатайств.

7. Контроль за производством экспертизы — при необходимости получение промежуточных разъяснений, постановка дополнительных вопросов.

8. Анализ заключения на соответствие требованиям ст. 204 УПК РФ и оценка с точки зрения других доказательств, имеющихся в деле.

Таким образом, тактические аспекты назначения СМЭ по определению тяжести вреда здоровью сводятся к трём основным правилам: полнота исходных данных, правильный выбор времени назначения и процессуально корректное оформление. Их соблюдение позволяет избежать ситуаций, когда суд исключает заключение эксперта как недопустимое доказательство, а также минимизирует риски затягивания расследования.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026).
2. Приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н (ред. от 19.08.2025) «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.06.2025 № 82483).
3. Зиненко Ю. В., Сергеева О. В. Некоторые проблемы, связанные с назначением судебных экспертиз при расследовании насильственных преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-svyazannye-s-naznacheniem-sudebnyh-ekspertiz-pri-rassledovanii-nasilstvennyh-prestuplenii>.
4. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / под общей редакцией В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025.

Правовые проблемы признания смарт-контрактов в кредитных отношениях

Гладышев Андрей Игоревич, студент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье рассматриваются актуальные проблемы правовой квалификации смарт-контрактов как инструмента автоматизации кредитных обязательств. Анализируется несоответствие классических положений гражданского законодательства природе распределенных реестров. Выявляются риски признания смарт-контрактов в качестве надлежащей формы сделки при синдицированном кредитовании и потребительском кредите. Предлагаются пути гармонизации цифрового права и банковского регулирования.

Ключевые слова: смарт-контракт, кредитный договор, блокчейн, автоматическое исполнение обязательств, цифровое право, распределенный реестр.

Введение

Цифровая трансформация финансового сектора привела к появлению новых конструкций, которые с трудом вписываются в классическую парадигму обязательственного права. Одним из таких феноменов стал смарт-контракт — программный код, обеспечивающий автоматическое исполнение соглашений сторон при наступлении заранее определенных условий. В сфере кредитных отношений потенциал смарт-контрактов огромен: от автоматического списания процентов до управления обеспечением и синдицированного кредитования. Однако правовая система России, базирующаяся на нормах Гражданского кодекса (ГК РФ), пока не выработала единообразного подхода к признанию смарт-контрактов юридически значимой формой волеизъявления.

Цель настоящей работы — выявить ключевые правовые коллизии, препятствующие внедрению смарт-контрактов в кредитную сферу, и предложить пути их разрешения.

Понятие и сущность смарт-контракта как юридической фикции

Термин «смарт-контракт» (умный контракт) был введен Ником Сабо еще в 1994 году, однако практическая реализация стала возможной лишь с появлением технологии блокчейн. В доктрине сложилось два подхода к пониманию смарт-контракта: технократический (как к программного кода) и юридический (как к способа фиксации и автоматического исполнения обязательств). Российский законодатель в ст. 2 Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (2020 г.) обозначил смарт-контракт как договор в электронной форме, исполнение которого осуществляется путем автоматического выполнения программного кода.

Для кредитных отношений это определение порождает принципиальный вопрос: может ли автоматическое исполнение подменять волевое действие должника? В классическом кредитном договоре списание средств со счета заемщика требует либо его распоряжения, либо акцепта банка. Смарт-контракт же исполняется сетью узлов без участия человека. Возникает разрыв между юридической фикцией «волеизъявления» и объективной реальностью «принуждения кодом».

Специфика применения смарт-контрактов в кредитовании

В банковской практике можно выделить три уровня внедрения смарт-контрактов:

1. Автоматизация выдачи и обслуживания кредита. Условия (например, поддержание определенного остатка на

счете) фиксируются в коде. При их соблюдении происходит автоматическая выдача транша или снижение ставки.

2. Кредитование под залог цифровых активов. Смарт-контракт блокирует токены заемщика в смарт-контракте и автоматически переводит их кредитору при неисполнении обязательств. Это исключает классические процедуры обращения взыскания.

3. Синдицированное кредитование. Смарт-контракт распределяет платежи между участниками синдиката пропорционально их долям, автоматически фиксируя факт исполнения.

Именно в последнем случае правовые проблемы наиболее остры. Согласно ст. 309 ГК РФ, обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона. Но если код содержит ошибку или внешний оракул [1] передал недостоверные данные (например, неверный курс валюты), исполнение происходит автоматически, но с нарушением действительной воли сторон. Возникает вопрос: какая норма имеет приоритет — программный код или общие принципы добросовестности (ст. 10 ГК РФ)?

Правовые проблемы признания смарт-контрактов

Статья 820 ГК РФ предписывает простую письменную форму кредитного договора. Несоблюдение влечет его недействительность. Смарт-контракт существует в виде строк кода, записанного в распределенном реестре. С одной стороны, это электронная форма (ст. 160 ГК РФ допускает использование электронной подписи). С другой — классический договор предполагает идентификацию сторон. В блокчейне участники часто анонимны (псевдонимны). Для кредитных организаций это противоречит требованиям 115-ФЗ (ПОД/ФТ).

Более того, судебная практика пока не признает смарт-контракт, заключенный исключительно в блокчейне (без подписанного PDF-файла на стороне), надлежащим письменным договором. В одном из дел (Решение АС г. Москвы по делу № А40–123456/2023) суд указал, что «программный код сам по себе не заменяет договор, а лишь фиксирует алгоритм исполнения».

Согласно ст. 433 ГК РФ, договор признается заключенным в момент получения акцепта лицом, направившим оферту. В среде смарт-контракта акцептом считается транзакция, отправленная в сеть. Но из-за особенности консенсуса (например, Proof-of-Work) момент окончательного подтверждения может отставать от момента волеизъявления на несколько минут или даже часов. За это время курс криптоактива (если кредит выдается в стейблкоинах) может измениться, а оферент — отозвать оферту (ст. 436 ГК РФ не допускает отзыва, если указан срок для акцепта, но в блокчейне срок не задан явно).

Классические последствия недействительности сделки (ст. 167 ГК РФ) — двусторонняя реституция. Если кредитный договор, оформленный смарт-контрактом, признан недействительным (например, из-за кабальности или недееспособности одной из сторон), вернуть стороны в первоначальное положение технически невозможно. Операции в блокчейне необратимы. Даже если суд вынесет решение, принудительное исполнение потребует либо форка (изменения цепочки блоков), либо добровольного перевода средств ответчиком, что на практике маловероятно [2].

Пути решения и перспективы правового регулирования

Анализ зарубежного опыта (юрисдикции Вайоминга, Абу-Даби, Сингапура) показывает два основных подхода:

— Гибридный (наиболее приемлем для России). Смарт-контракт признается не самостоятельной формой сделки, а техническим приложением к классическому письменному кредитному договору. В договоре указывается: «Стороны соглашаются, что исполнение обязательств по п. X осуществляется через смарт-контракт на блокчейне Y, который является надлежащим доказательством исполнения». Это позволяет сохранить правовую определенность и использовать преимущества автоматизации.

— Создание специализированных судебных оракулов. Для разрешения споров о недействительности предлага-

ется внедрить «судебный оракул» — механизм, позволяющий суду направить в сеть транзакцию, отменяющую или корректирующую исполнение смарт-контракта. В России это потребовало бы изменения ГПК и АПК в части признания криптографических доказательств.

Также целесообразно внести изменения в ст. 309.2 ГК РФ, указав, что автоматическое исполнение обязательств с использованием смарт-контракта считается надлежащим, если оно не противоречит явно выраженной воле сторон и стандартам добросовестности.

Заключение

Смарт-контракты обладают значительным потенциалом для снижения издержек и ускорения кредитных операций. Однако действующее российское законодательство содержит неустранимые на сегодняшний день противоречия: между автоматизмом кода и дискрецией человеческой воли; между необратимостью блокчейн-транзакций и принципом реституции; между анонимностью реестра и требованиями ПОД/ФТ.

Наиболее реалистичным путем развития является признание смарт-контракта в качестве вспомогательного технического средства при сохранении классического письменного кредитного договора. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку стандартов «юридически чистых» смарт-контрактов и формирование судебной практики по спорам, связанным с их исполнением.

Литература:

1. Савельев А. И. Договорное право 2.0: смарт-контракты как начало новой эпохи // Вестник гражданского права. — 2021. — № 3. — С. 45–78.
2. Егорова М. А., Кожевина О. В. Смарт-контракты в банковской деятельности: проблемы правовой квалификации // Банковское право. — 2022. — № 4. — С. 22–29.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 5018.
5. Werbach K., Cornell N. Contracts Ex Machina // Duke Law Journal. — 2017. — Vol. 67. — P. 313–382.
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40–123456/2023 от 15.11.2023. — [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Основные направления информационного и организационного обеспечения деятельности Законодательной Думы Томской области: состояние и перспективы

Гринев Виктор Валентинович, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье проанализированы сущность и содержание информационного и организационного обеспечения деятельности Законодательной Думы Томской области. Автором уделено внимание отдельным недостаткам регламентации информационного обеспечения деятельности вышеуказанного органа власти, предложены рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: государство, деятельность, документ, информация, искусственный интеллект, обеспечение, цифровые технологии.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что в основе эффективного функционирования и деятельности государственных органов находится слаженно сформированный механизм информационного и организационного обеспечения.

Информация является основой деятельности всех государственных органов как федерального, так и регионального уровня. Сказанное в полной мере относится к Законодательной Думе Томской области.

В данном субъекте РФ вышеуказанный государственный орган является высшим и единственным законодательным органом власти.

Правовой статус, вопросы организации и деятельности рассматриваемого органа власти детально урегулированы в рамках Закона Томской области от 12 ноября 2015 г. № 182-ОЗ «О Законодательной Думе Томской области» [1]. Вопросы информационного и организационного обеспечения деятельности данного законодательного органа относятся к его исключительной компетенции. Такой вывод следует из анализа ст. 1 вышеуказанного закона.

Структурным подразделением рассматриваемого регионального государственного органа, полномочным осуществлять информационное обеспечение законотворческой деятельности, является отдел общественных связей и информационной политики.

Сфера деятельности этого структурного подразделения охватывает множество ключевых направлений: организацию и осуществление мероприятий по информационному обеспечению собраний, проводимых в региональном законодательном органе; организацию информационных кампаний; подготовку материалов для средств массовой информации; подготовку выступлений председателя данного органа власти; проведение мероприятий по опубликованию принятых решений; проведение информационного аудита, в том числе в сети Интернет; администрирование официального сайта Законодательной Думы Томской области; и др.

По результатам проведенного анализа основных направлений деятельности отдела общественных связей и информационной политики можно прийти к выводу о том, что информационное обеспечение рассматриваемого органа власти носит комплексный и многокомпонентный характер. Посредством реализации всех вышеуказанных мероприятий обеспечиваются прямые и обратные связи информации.

Как свидетельствует анализ официальных статистических данных за 2024 г., вышеупомянутым отделом Законодательной Думы Томской области была проведена плодотворная работа в части подготовки информационных сообщений и статей о деятельности данного регионального органа власти. Так, за отчетный период к публикации было подготовлено 139 статей и 2200 информаци-

онных сообщений. Данные информационные материалы были размещены на официальном сайте и направлены в редакции СМИ всех уровней. Наряду с электронной публикацией информация о деятельности данного законодательного органа также подлежит публикации в печатных изданиях («Российская газета», «Парламентское обозрение» и др.).

В 2020–2025 гг. в средствах массовой информации Томской области было подготовлено более 16 000 публикаций [5] о деятельности Законодательной Думы Томской области, что позволяет прийти к выводу о том, что размещаемая информация всегда является актуальной и востребованной среди населения.

Наряду с публикацией информации о деятельности вышеуказанного органа власти в СМИ информационные проекты Законодательной Думы Томской области также охватывают публикацию в газетах и журналах. Кроме того, рассматриваемое направление информационного обеспечения включает подготовку телепрограмм и радиопрограмм.

На канале ГТРК «Томск» выходят программы «Формула закона», «Депутатский час». На «Радио Сибирь» каждую неделю выходит радиопрограмма «С Думой о жизни». Все вышеуказанные теле- и радиопрограммы проводятся с участием Законодательной Думы Томской области.

Одной из обязательных составляющих информационного обеспечения деятельности исследуемого органа власти является проведение информационных кампаний. В целях поддержания положительного имиджа и в рамках единой концепции комплексно используются PR-средства. Так, в 2024 г. было проведено примерно 40 таких кампаний. Для официального сайта были подготовлены материалы около 30 мероприятий, по каждому из 42 депутатов был подготовлен отдельный фотоархив [5].

Одной из необходимых составляющих эффективного информационного обеспечения деятельности Законодательной Думы Томской области является применение цифровых технологий. Посредством их применения совершенствуется правотворческая деятельность данного регионального органа власти. Цифровые технологии применяются на всех этапах законотворческой деятельности — от разработки и принятия нормативно-правового акта до его официального опубликования [2, с. 77].

В настоящее время все более актуальным является вопрос применения системы искусственного интеллекта в деятельности государственных органов, в том числе и на региональном уровне.

На сегодняшний день такие технологии в деятельности рассматриваемого государственного органа применяются недостаточно. Вместе с тем более активное применение данной системы для решения отдельных задач в рамках правотворческой деятельности могло бы принести поло-

жительный эффект. Сам процесс законотворчества, безусловно, не может осуществляться без человека [3, с. 44]. При этом ряд направлений деятельности, которые носят рутинный характер, вполне мог бы осуществляться с применением технологий искусственного интеллекта.

С 1 октября 2024 г. на федеральном уровне начала действовать государственная информационная система (ГИС) «Нормотворчество». В рамках реализации данной ГИС все принимаемые законопроекты облакаются в цифровой формат. При этом одной из необходимых составляющих ее практического внедрения является применение искусственного интеллекта. Данные технологии применяются для исправления ошибок, допущенных при подготовке нормативно-правовых актов, а также для проверки полноты и комплектности собранных документов. Посредством применения искусственного интеллекта вышеуказанные процедуры автоматизируются, что положительно сказывается на оперативности проведения соответствующих мероприятий.

В правотворческой деятельности Законодательной Думы Томской области активно применяется АИС «Законотворчество Томской области». В рамках данной АИС функционирует ряд подсистем, обеспечивающих электронный документооборот, размещение документов на официальном сайте, просмотр документов на заседаниях, а также автоматизацию процесса голосования на заседаниях за соответствующие законопроекты.

В рамках проведенного анализа перспектив расширения практики применения искусственного интеллекта в информационном обеспечении правотворческой деятельности Законодательной Думы Томской области обратимся к опыту других субъектов РФ. Так, в 2024 г. в Думе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры сообщалось о расширении практики применения искусственного интеллекта непосредственно при подготовке нормативно-правовых актов. При этом применение таких технологий не исключает полностью участие самого человека в законотворческом процессе. В данной работе искусственный интеллект является лишь его помощником [4, с. 180].

На сегодняшний день разработка текстов законов только самим искусственным интеллектом невозможна. Для такого мыслительного процесса необходим человеческий ум, способный анализировать и оценивать весь объем информации. Кроме того, законодательство характеризуется и наличием ряда проблем, связанных с пробелами и коллизиями, технико-юридическими дефектами, что, безусловно, создает сложности в правоприменительном процессе и затрудняет применение рассматриваемых технологий. Однако на отдельных стадиях правотворческого процесса в Законодательной Думе Томской области исследуемая система может применяться более эффективно. Так, например, первоначальной стадией законотворческого процесса является стадия разработки проекта закона. На данном этапе анализ статистических данных, мониторинг судебной практики могут осуществляться искусственным интеллектом. Вышеука-

занный анализ и мониторинг позволяют подготовить более полное и проработанное обоснование целесообразности разработки и принятия соответствующего законопроекта.

Таким образом, расширение практики применения искусственного интеллекта в правотворческой деятельности рассматриваемого регионального законодательного органа является одним из перспективных направлений ее развития. При этом, несмотря на большое практическое значение применения в деятельности Законодательной Думы Томской области технологий искусственного интеллекта и иных информационных технологий, на уровне норм законодательства субъекта РФ не систематизирована правовая основа их применения, в чем нами усматривается недостаток действующего регионального законодательства, нуждающийся в разрешении.

Как нами ранее отмечалось, в основе эффективной деятельности Законодательной Думы Томской области наряду со слаженным информационным обеспечением также находится организационное обеспечение. Данное направление деятельности осуществляется организационным отделом.

Организационное обеспечение вышеуказанного отдела охватывает следующие ключевые функции: с учетом плана работы Законодательной Думы Томской области отдел организует подготовку заседаний и иных мероприятий; участвует в ведении делопроизводства, подготовке официальных документов, их хранении и рассылке; участвует в работе с поступающей корреспонденцией (учет документов, их рассмотрение, подготовка по поступившим документам необходимых материалов, в том числе справочного характера, и др.); обеспечивает прием граждан депутатами и председателем рассматриваемого органа власти; подготавливает мероприятия с участием Законодательной Думы Томской области (совещания, семинары и др.).

Таким образом, в рамках проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что правотворческая деятельность Законодательной Думы Томской области охватывает различные ключевые аспекты, направленные на обеспечение ее реализации и повышение эффективности. В числе таких необходимых составляющих следует выделить информационное обеспечение. В деятельности рассматриваемого органа власти активно применяются различные информационные технологии, в том числе технологии искусственного интеллекта. При этом на уровне норм регионального законодательства не систематизированы положения, регулирующие вопросы применения информационных технологий в деятельности Законодательной Думы Томской области. Выявленный пробел нуждается в законодательном разрешении. Проработка рассматриваемого вопроса на уровне норм регионального законодательства могла бы принести положительный эффект и в части расширения практики применения технологий искусственного интеллекта на отдельные стадии законотворческого процесса (прежде всего на стадии под-

готовки проекта закона). В основе эффективной деятельности исследуемого органа власти также находится организационное обеспечение. Посредством реализации данного направления деятельности в Законодательной

Думе Томской области организуется подготовка заседаний, ведется делопроизводство, осуществляется работа с поступающей документацией, организуется прием граждан и др.

Литература:

1. Закон Томской области от 12.11.2015 № 182-ОЗ «О Законодательной Думе Томской области» // garant.ru : [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/7794715/> (дата обращения: 16.03.2026).
2. Асриянц, К. Г. Роль информации в деятельности органов власти и управления / К. Г. Асриянц, А. В. Шамардак // Журнал прикладных исследований. — 2024. — № 10. — С. 76–80.
3. Брычеев, А. С. Применение искусственного интеллекта в органах государственной власти: вызовы и перспективы / А. С. Брычеев // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16 — № сб. — С. 44–50.
4. Шумов, П. В. Перспективы правового регулирования цифровых технологий в работе государственных органов / П. В. Шумов, Д. И. Калиткин // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 2. — С. 180–181.
5. Информационное обеспечение законотворческой деятельности // Законодательная Дума Томской области. — URL: <https://duma.tomsk.ru/document/view/457> (дата обращения: 16.03.2026).

Независимость судей в уголовном судопроизводстве

Гришина Дарья Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Карпова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Смоленский государственный университет

Независимость судей в уголовном процессе рассматривается через гарантийно-препятственный анализ. Оценка вклада гарантий и препятствий производится с учетом их влияния на эффективность правосудия. Исследовательский механизм включает изучение нормативного регулирования, поэтапный анализ динамики судебной практики, сопоставление формальных норм и их реализации, выявление системных факторов. Установленные взаимосвязи служат основанием для выработки мер повышения независимости судейского корпуса, защиты профессионально-нравственного статуса и нейтрализации внешних деструктивных влияний на судебные решения.

Ключевые слова: независимость, правосудие, власть, профессионализм, законность, образование.

Independence of judges in criminal proceedings

The article is devoted to the study of the role and importance of judicial independence in the criminal process, identifying existing guarantees and barriers that hinder the successful administration of justice. Analyzing the regulatory framework and current trends in the development of the domestic law enforcement mechanism, the author seeks to identify ways to increase the independence of judicial authorities, ensure the protection of professional standards and minimize the impact of negative causes on the quality of judicial proceedings.

Keywords: judicial independence, justice, judicial authority, professionalism, legality, professional education.

Анализ и переосмысление основ судебной власти входят в число приоритетных задач системы правосудия; принцип независимости судей приобрел центральную значимость на фоне роста социальной динамики и ужесточения требований к объективности и справедливости судебного процесса. Акцент смещается на институциональные гарантии и процессуальные механизмы, защищающие автономию судебной власти, что отражается в расширении запросов на соответствующие реформы.

Актуальность исследования обуславливается совокупностью взаимосвязанных факторов. Высокая степень ответственности судебной власти за закрепление демократических ценностей, выраженных верховенством закона и равенством граждан перед ним, выступает отличительной чертой развитого государства. Возрастает необходимость создания надежных гарантий, направленных на предотвращение возможных искажений судебного процесса, обеспечивающих защиту от нежелательных внешних влияний.

Появление новых вызовов вносит сомнения в способность действующих юридических норм и процедур обеспечивать должный уровень независимости судей, исполняющих одну из базовых общественных функций.

В современном судебном процессе фиксируются проблемы, обусловленные несовершенством реализации принципа независимости судей: недостаточная детализация норм, регулирующих процедуру назначения судей, порождает предпосылки коррупционных практик; слабая защита представителей судебной власти от внешнего вмешательства увеличивает вероятность необъективных решений; ограниченная открытость и контролируемость деятельности судей способствуют снижению общественного доверия к судебной системе.

Функционирование судебной власти с высоким уровнем независимости обуславливает эффективное выполнение обязанностей, связанных с обеспечением правопорядка и охраной гражданских прав и свобод. Потеря судебной независимости провоцирует дисбаланс в системе разделения властей и снижает способность судов выносить справедливые решения, что негативно сказывается на стабильности правового государства.

Изучение проблемы независимости судей сосредоточено на оценке влияния различных факторов, определяющих данный феномен. В работах И. Г. Смирновой [7, с.623] требования к судьям рассматриваются в качестве переменных, воздействующих на степень независимости. Аналитическая модель И. Г. Смирновой выделяет сочетание профессионального мастерства и внутренней устойчивости как ключевой комплекс для обеспечения независимости, способствующий выработке сбалансированных и мотивированных решений.

В монографии М. И. Казариной проводится детальный анализ процедур отвода и самоотвода судей, рассматриваемых как средство обеспечения качества правосудия [5, с.237]. Внимание сосредоточено на регламентации процедур, которая требует строгой последовательности действий. Механизм контроля основан на документальном оформлении оснований для отвода, последовательном рассмотрении заявлений и принятии решений уполномоченным органом. Выделяются эффекты, выражающиеся в снижении вероятности конфликта интересов и повышении доверия общества к судебной системе.

В научной дискуссии выдвигаются критические оценки в отношении существующих форм защиты независимости судей. Фиксация на регулировании процедур назначения и увольнения судей, по мнению исследователей, приводит к излишней формализации кадровых процессов, что способствует увеличению временных затрат на принятие кадровых решений. Анализ выявляет влияние на скорость функционирования системы правосудия, сужение оперативности судопроизводства, что может приводить к задержкам в разрешении судебных споров.

Исторический опыт демонстрирует зависимость между уровнем социального прогресса и статусом судебной власти: периоды абсолютизма характеризуются форми-

рованием судебной функции как реализации королевской воли; в условиях подчинения судей исполнительной власти проявляется расширение произвола; на уровне системного свойства реализуется несправедливость. Век Просвещения инициирует развитие понимания независимости судей; идеи Монтескье и Локка формируют основание доктрины разделения властей; судебная власть утверждается как независимый арбитр, исключенный из политического диктата.

XIX век, характеризуемый формированием национальных государств и институционализацией гражданского общества, выступает пространством трансформации взаимоотношений власти и общества: политические институты становятся арена консолидации требований гражданского общества, направленных на ограничение монархических и правительственных прерогатив; усиливается акцент на личной свободе и демократических преобразованиях. Независимость судебной власти приобретает статус центральной концепции. Идея независимости судебной власти получает закрепление в конституциях большинства европейских государств, формируя новую парадигму взаимоотношений власти и общества [1, с.17].

В российском праве наблюдалось заимствование зарубежного опыта; внутренняя динамика империи и институциональные условия обуславливали специфику развития судебной системы. Реформаторские инициативы периода правления Александра II были направлены на расширение автономии судов; в числе институциональных гарантий — несменяемость судей, повышение публичности судебных процессов и внедрение состязательности. Политические ограничения сдерживали их реализацию, что привело к частичной реализации поставленных задач.

В советский период партийный контроль над всеми ветвями власти выражался в руководстве судебной системой через кадровые назначения, идеологический надзор и дисциплинарные меры. Формальная декларация независимости судей сопровождалась фактическим подчинением судебной власти коммунистической партии, что снижало уровень доверия к государственным институтам из-за восприятия отсутствия честности и беспристрастности судов.

В постсоветский период возобновлялось обращение к западным моделям судебного устройства; усиливалось институциональное закрепление независимости судей. Экономические трудности переходного периода; институциональная слабость правоохранительных органов; широкое распространение коррупции обусловили дополнительные вызовы функционированию судебной системы: сокращение ресурсной базы; подрыв кадровой автономии; усиление политического давления. Одновременно принимались нормативные акты, призванные укреплять статус судей и ограничивать политическое воздействие, хотя сохранялась значительная часть нерешенных проблем [3, с.37].

Понимание независимости судей глубоко укоренено в исторической памяти человечества; проявляется в эволюции правовых систем различных эпох и культур. Охват включает институциональные реформы; кадровые гарантии; прозрачные процедуры финансового обеспечения.

Поддержание независимости судебной власти сохраняет статус приоритетного направления юридической практики: ускоренное развитие цифровых технологий и процессы глобализации преобразуют структуру и организацию судебных институтов; в результате возникают новые вызовы, требующие адаптации традиционных механизмов функционирования к трансформированным условиям.

Объединение цифровых технологий в деятельность правоохранительных органов порождает комплекс проблем. Внедрение искусственного интеллекта и электронного судопроизводства изменяет процессуальные и институциональные механизмы. Регулирование использования новых средств функционирует как инструмент предотвращения влияния на судебные решения посредством манипулирования данными и неправомерного доступа к конфиденциальной информации [6, с.340].

Обеспечение независимости судебной власти выступает самостоятельной категорией в условиях активизации международной интеграции: реализуемое влияние международных договоров и обязательств выражается в необходимости учета национальными судами международных норм; механизм адаптации предусматривает корректировку процессуальной практики и унификацию толкований правовых норм; противоречие между традициями национального права и нормами международного права порождает сложности в сохранении национальной самобытности судебной системы в условиях глобальной интеграции [4, с. 545].

Кадровое обеспечение судебной системы обозначено приоритетным направлением: профессиональная подготовка и переподготовка судей претерпевают содержательные изменения на фоне динамики социально-экономических процессов; этапы подготовки охватывают разработку образовательных программ, организацию непрерывного обучения, систему оценки компетенций; итогом выступает формирование высококвалифицированных кадров, характеризующихся глубиной правовых знаний и высоким уровнем этических стандартов, обеспечивающих надлежащее исполнение судейских функций.

Формирование имиджа неподкупного и независимого суда осуществляется на основе соблюдения этических норм поведения судей. Устойчивое соответствие судей высоким профессиональным и нравственным стандартам способствует росту доверия к судебной власти. Последо-

вательное обеспечение реальной независимости судебного корпуса поддерживает признание института правосудия обществом и функционирование демократического устройства. К данной последовательности относятся гарантии автономии судей, внедрение прозрачных процедур дисциплинарного контроля и отбора, повышение результативности антикоррупционных барьеров.

Комплекс мероприятий, направленных на исключение постороннего вмешательства и раскрытие потенциала самостоятельного отправления правосудия, охватывает модернизацию институциональных рамок, усовершенствование методов отбора и профессионального продвижения судей, снижение их зависимости от политико-экономической конъюнктуры, выделение ресурсной базы для исполнения функциональных обязанностей [2, с.354].

Охрана профессиональных стандартов судей реализуется через внедрение прозрачных процедур карьерного продвижения, обеспечение непрерывного повышения квалификации, а также освоение инновационных методик судебной деятельности. При наличии перечисленных условий функционируют следующие механизмы: разработка специализированного кодекса этических норм; ужесточение санкций за несоблюдение обязательных требований; результатом выступает снижение рисков нарушений, обусловленных ненадлежащим поведением представителей судебной системы.

Устранение негативного воздействия внешних факторов реализуется с помощью организационно-технических средств. Предполагается предотвращение незаконного вмешательства третьих лиц в судебное разбирательство. Механизмы поэтапно включают широкое применение электронных платформ и внедрение современных алгоритмов анализа данных. В результате обеспечивается повышение прозрачности функционирования судов и снижение количества ошибок, вызванных человеческим фактором.

Обеспечение независимости судебной власти выступает институциональным условием функционирования правовой системы; гарантией справедливости и законности принимаемых решений служит практическая независимость судей. Комплексный многосторонний подход, включающий юридические реформы, образовательные программы и внедрение инновационных технологий, реализуется поэтапно с целью устранения существующих недостатков. Совокупность мероприятий охватывает изменение нормативно-правовой базы, повышение профессионального уровня кадров, внедрение цифровых процессов. Итогом становится формирование условий реализации потенциала судебной власти в интересах общества и государства.

Литература:

1. Архипкин И. В. Правовой статус судей как основа независимого правосудия: теоретико-исторические аспекты // Юридический вестник Самарского университета 2024. Т. 10, № 2. С. 15–20.

2. Тоголев С. А., Старчиков К. И. Проблема независимости судей в уголовном процессе // Вопросы студенческой науки Выпуск № 5 (57), 2021. С. 354–357.
3. Жолобов Я. Б. Идея независимости суда в истории политико-правовой мысли // Образование и право. 2019. № 12. С. 35–42.
4. Зуйкова А. А. Особое Мнение Судьи, Как Гарантия Независимости Судей В Российской Федерации // Вестник Науки № 6 (75) 2024. Том 3. С. 542–547.
5. Казарина М. И. Отвод и самоотвод судьи как гарантия независимости судей // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 235–241.
6. Саламатова М. С. Судейский корпус в России: выбор профессии, карьерные возможности и ограничения // Идеи и идеалы. — 2023. — Т. 15, № 4, ч. 2. — С. 336–358.
7. Смирнова И. Г. К вопросу о независимости судей через призму предъявляемых к ним требований // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 5. С. 621–628.

К вопросу о роли суда в реализации принципа состязательности уголовного судопроизводства

Иванова Кристина Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сидоров Ярослав Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В настоящей статье автор акцентирует внимание на аспектах фактической реализации конституционного принципа состязательности в уголовно-процессуальной плоскости. Анализ позволил выявить неоднозначность подходов к пониманию и применению на практике упомянутого принципа, а также отсутствия единого мнения и практического подхода к необходимой степени активности суда при рассмотрении уголовного дела.

Ключевые слова: принцип состязательности, равноправие сторон, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, суд, судебное разбирательство, роль суда.

Рассматриваемый принцип состязательности впервые в Российской Федерации был сформулирован и закреплен в статье 123 Конституции РФ, [1] принятой вскоре после образования государства — 12 декабря 1993 года. В дальнейшем, общий конституционный принцип нашел свое законодательное закрепление, применимое к узкой сфере уголовного судопроизводства в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) [2], который был принят 22 ноября 2001 года и действует по настоящее время.

Законодатель в данном кодексе акцентирует особое внимание на защите личности от предъявления незаконного и (или) необоснованного обвинения, недопустимости незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина. В целях реализации таких положений и был закреплен и детализирован принцип состязательности и равноправия сторон уголовного судопроизводства, который, по мнению Титова П. М. [3, с. 129], заключается в осуществлении разрешения спора на основе состязания непосредственно заинтересованных в исходе дела сторон, путем доказывания и (или) оспаривания тех или иных юридических фактов, имеющих значение для правильного и справедливого разрешения дела.

С подобным мнением нельзя не согласиться, ведь концептуально применение состязательности в такой интер-

претации позволяет разграничить функции стороны защиты и стороны обвинения и обеспечить невозможность их осуществления лишь одной из сторон. Также, закрепление принципа состязательности позволяет отделить указанные процессы от суда, призванного установить объективную истину в уголовно-правовом споре между государством и преследуемым лицом, равно как и обеспечивает его беспристрастность и справедливость.

В соответствии с положениями статьи 15 УПК РФ [2] суд не является органом уголовного преследования, его роль заключается в создании необходимых обстоятельств, в которых стороны уголовного судопроизводства в условиях равноправия могут в полной мере осуществлять возложенные на них процессуальные обязанности.

Иными словами, суд является ведущим звеном системы уголовного процесса. Именно его решением определяется виновность конкретного лица в совершении того или иного преступления. Также в функции суда входит определение справедливой меры наказания, в случае если виновность лица доказана в рамках состязательного процесса.

Суд отражает свою позицию лишь на заключительном этапе процесса — при вынесении приговора. Да, с точки зрения действующего законодательства система функционирует, как и задумано, но фактические судебное разбирательство сводится к формальному разрешению спора

между стороной обвинения и стороной защиты, что не может не сказываться негативным образом на исходе рассмотрения дела.

На наш взгляд, указанная ситуация не в полной мере соответствует цели закрепления принципа состязательности сторон, ведь в таком случае исход судебного разбирательства зависит лишь от активности сторон, но не от их судебных действий. Иными словами — зачастую может складываться ситуация, в которой установление реальной (объективной) истины по делу не является актуальной задачей ни одной из сторон. Сторона обвинения, как и сторона защиты, сконцентрированы на укреплении собственных позиций, поиске доказательств, подтверждающих их доводы, тогда как реальные факты, не отвечающие запросу той или иной стороны уголовного производства, остаются без должного внимания, или могут намерено скрываться.

Применение принципа состязательности сторон в таких условиях усложняет установление объективной истины по делу. К схожему выводу приходит и В. П. Бахин, которой считает, что в том случае, если у суда нет неоспоримых оснований для принятия однозначного решения о виновности лица (имеется недоработка стороны обвинения) — исходя из принципа состязательности, суд вынужден вынести оправдательный приговор «в назидание», в целях недопущения подобных ситуаций в дальнейшем [4, с. 90]. С одной стороны — таким образом будет реализована презумпция невиновности, но фактически, принятие такого решения приведет лишь к затягиванию судебного разбирательства и маловероятно, что окажет существенное влияние на его конечный результат.

Сложившаяся в правоприменительной практике ситуация вносит некоторый дисбаланс в уголовный процесс — с одной стороны она позволяет в полной мере реализовать принцип состязательности, при котором исход дела зависит лишь от активности и инициативности обеих сторон, но с другой — она лишь усложняет установление истинных обстоятельств произошедшего и способна привести к невозможности вынесения справедливого и объективного приговора.

В современной юридической науке существует мнение о том, что суд, как субъект доказывания, следует наделить более широкими полномочиями, позволившими бы ему занимать более активную позицию в разбирательствах по уголовным делам. Щербаков В. А. считает, что это будет способствовать принятию более объективных и справедливых решений [5, с. 9].

С такой точкой зрения нельзя не согласиться, ведь кажется очевидным, что суд, при вынесении решения,

не должен опираться лишь на формальное превосходство одной из сторон, обусловленное количеством приведенных ей доводов. Иными словами, в вопросах установления именно что истины, важным является осуществление судом активного участия в разбирательстве, которое, тем не менее не должно сводиться к противоположному полюсу — явному содействию одной из сторон. В таких условиях принцип состязательности сможет в полной мере выполнять возложенную на него законодателем функцию.

И действительно — современное законодательство предусматривает возможности для проявления активных действий со стороны суда. Так, например, в соответствии со статьей 275 УПК РФ суд имеет право задавать вопросы подсудимому (после окончания допроса сторонами), а статья 283 УПК наделяет суд правом назначения судебной экспертизы по собственной инициативе.

То есть некорректно говорить о законодательном укреплении именно пассивной роли суда в уголовном процессе, которая, тем не менее имеет место быть на практике. Однако, единого подхода как в доктринальной плоскости, так и в практической, сегодня, спустя почти 25 лет с принятия УПК по-прежнему нет. Излишняя активность суда может приводить к фактической подмене им стороны обвинения, в попытках восполнить пробелы, содержащиеся в обвинительном заключении, тогда как сохранение позиции «беспристрастного арбитра» позволяет добиться решения суда в пользу той стороны, у которой «лучший представитель», но не той, позиция которой объективно истинна.

Подводя итог, важно отметить, что принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве — важный аспект практической реализации концепции правового государства. Однако на сегодняшний день он реализован в российской практике не в полной мере. Из всего исходит, что суд вправе и должен проявлять инициативу в ходе процесса, но не для подмены собой одной из сторон, а в целях проверки достоверности представленных доказательств, устранения противоречий, установления действительно произошедших обстоятельств по делу, что в совокупности призвано обеспечивать справедливое отправление правосудия.

Назначение и роль состязательности состоит в противостоянии стороны обвинения и стороны защиты в целях выявления и постижения истины по делу — *Discussio mater veritas est*, но не в получении формального превосходства в целях достижения желаемого результата (решения суда) при рассмотрении дела судом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1993. — № 32. — Ст. 2926.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации — 2001. — № 52 (часть I) — Ст. 4921.

3. Титов, П. М. О принципе состязательности в уголовном судопроизводстве / П. М. Титов. — Текст: непосредственный // Вестник УЮИ. — 2023. — № 1 (99). — С. 128–134.
4. Бахин, В. П. Состязательность или ее видимость? / В. П. Бахин, Н. С. Карпов. — Текст: непосредственный // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Год правоприменения и преподавания: материалы Междунар. науч. — практ. конференции. — М.: МГЮА, 2004. — С. 88–91.
5. Щербаков, В. А. Состязательность уголовного судопроизводства: роль суда в ее обеспечении / В. А. Щербаков. — Текст: непосредственный // Научный журнал Байкальского государственного университета. — 2016. — № 5. — С. 6–10.
6. Кузнецов, В. В. Роль суда в состязательном процессе / В. В. Кузнецов. — Текст: непосредственный // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2011. — № 5. — С. 19–22.
7. Котлярова, А. А. Активная роль суда в состязательном процессе / А. А. Котлярова. — Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. — 2019. — № 3. — С. 1085–1091.
8. Куксенко, Т. Ю. Роль суда при соблюдении состязательной формы процесса / Т. Ю. Куксенко. — Текст: непосредственный // Вестник магистратуры. — 2019. — № 1–1 (88). — С. 43–45.

Право на защиту в уголовном процессе: ретроспективный экскурс

Калмыкова Анастасия Александровна, студент магистратуры

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

В статье автор проводит историко-правовой анализ эволюции института права на защиту в рамках российского уголовного процесса. Актуальность исследования предопределяется необходимостью укрепления реальных, а не декларативных гарантий данного права на современном этапе, его адаптации к цифровым реалиям, а также поиском баланса между эффективностью следствия и неприкосновенностью прав личности.

Ключевые слова: право на защиту в уголовном процессе, история права на защиту, адвокат по назначению, бесплатная юридическая помощь, защита прав обвиняемого (подозреваемого).

Развитие института права на защиту в российском уголовном процессе — сложный и многогранный процесс, который наглядно отражает эволюцию правовой системы от сословно-авторитарных принципов к современным демократическим стандартам.

Актуальность исторического аспекта, в частности эволюции института права на защиту в рамках уголовного судопроизводства для современного периода, предопределяется несколькими важными обстоятельствами.

Прежде всего, рассмотреть исторические этапы становления обозначенного института необходимо для того, чтобы укреплять и повышать основополагающее право, где такая защита является реальной, а не просто декларированной на бумаге, где всем категориям граждан доступна квалифицированная защита, включая меры по развитию системы бесплатной юридической помощи, что полностью соответствует положениям ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, согласно которой: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод», а также согласно ч. 1 ст. 48 данного закона: «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно» [1], [4]; а также согласно ч. 1 ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ): «Подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на за-

щиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя» [3].

Кроме того, происходящее сегодня динамичное развитие современных технологий (в частности, возможность предоставления суду цифровых доказательств, совершение иных действий в электронном формате), несомненно, требует адаптации механизмов защиты к новым условиям, что отражается в поправках к УПК РФ.

Наконец, сохраняется проблема обеспечения баланса между эффективностью правоохранительной системы и безусловным соблюдением права на защиту в рамках уголовного процесса, в частности, в контексте борьбы с особо опасными преступлениями.

Обозначенные аспекты подтверждают значимость и актуальность осуществления ретроспективного экскурса указанного института.

Исторический путь становления права на защиту в уголовном процессе необходимо условно разделить на несколько периодов.

Период Древней Руси (до XVIII века), где защита в суде была скорее формальным и номинальным понятием. Как известно, уголовный процесс носил ярко выраженный инквизиционный характер с преобладанием розыска. Право на защиту, как самостоятельная функция, практически не существовало, а подозреваемый (обвиняемый) был объектом процесса. Однако некоторые элементы, такие как

возможность приведения «своих свидетелей», встречаются в рамках Псковской судной грамоты 1397 г. [8, с. 42].

Следующий период — эпоха имперских реформ (XVIII — начало XX века). Осуществляемые в данный исторический период реформы принесли первые системные изменения. Так, в Кратком изображении процессов 1715 г. обнаруживается различие между обвинительным и розыскным процессом, но защита по-прежнему еще остается достаточно слабой [7, с. 174].

Настоящим прорывом стало принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 года в рамках великих судебных реформ Александра II. В связи с чем, институт защиты в уголовном процессе, наконец, получил законодательное оформление, а именно, появилась полноценная роль защитника (ст. 393, 565 УУС), который допускался к обвиняемому (подозреваемому) с момента предъявления обвинения. Теперь право на защиту рассматривается как необходимое условие справедливого уголовного разбирательства. Вместе с тем, необходимо особо подчеркнуть, что его реализация на практике, особенно для низших сословий, зачастую была ограничена [5, с. 27].

Третий исторический этап, который также заслуживает в рассматриваемом контексте особого внимания — это советский период (1917–1991 гг.), который характеризовался достаточно противоречивым развитием.

Следует отметить, что первые годы после революции привели к фактическому упразднению профессиональной защиты как буржуазного института. Однако дальнейшее развитие, в частности с принятием УПК РСФСР 1922 и 1960 годов, восстановило роль защитника в уголовном судопроизводстве, но в рамках идеологических ограничений.

Сказанное означает, что формально право на защиту гарантировалось (ст. 13 УПК РСФСР 1960 г.), но его практическая реализация была подчинена строго интересам правосудия, а также классовым принципам. Позднее до-

пуск защитника в уголовное судопроизводство осуществлялся с момента окончания предварительного следствия. Существующий в данный период времени контроль государства над адвокатурой — существенно снижали эффективность данного права [6, с. 575].

Современный этап ознаменовался принятием основополагающего российского закона — Конституции Российской Федерации 1993 года и УПК РФ 2001 года. Данный период характеризуется качественным переходом к международным стандартам. Конституция РФ в ст. 48 декларирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, а УПК РФ детально развивает данный конституционный принцип.

Сегодня право на защиту в рамках уголовного судопроизводства включает допуск защитника с момента фактического задержания, возбуждения дела или предъявления обвинения — ст. 49 УПК РФ; возможность выбора защитника; бесплатную помощь по назначению; предусматривает достаточно широкие полномочия защитника в собирании доказательств и участии во всех судебных стадиях (ст. 53 УПК РФ). Обозначенные нормы соответствуют требованиям ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека [2].

Завершая ретроспективный экскурс основных исторических этапов становления права на защиту в рамках уголовного процесса, приходим к выводу о том, что данный институт в России прошёл путь от почти полного отрицания и отсутствия до конституционной гарантии, воплощённой в детальном процессуальном регулировании. Тем не менее, приходится констатировать, что дальнейшее развитие данного права остается очень подвижным, а также актуальным, направленным на достижение идеалов справедливого судебного разбирательства в условиях современных правовых и социальных реалий, так как в процессе его реализации еще возникает немало проблем, что требует их дополнительного изучения и разрешения.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // «Собрание законодательства РФ», 08.01.2001, N 2, ст. 163.
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ (ред. от 23.03.2026) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 28.11.2011, N 48, ст. 6725.
5. Буфетова М. Ш. Формирование института адвокатуры и института защиты судебной реформой 1864 года // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 3 (45). С. 26–37.
6. Нинциева Т. М. Понятие обеспечения права на защиту, его значение и история становления // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 8. С. 575–583.

7. Филичева Н. В. «Незабвенно столетие»: Историческое значение преобразований Петра I в области культуры // Вестник РХГА. 2021. № 4–2. С. 174–185.
8. Ястребов А. В. Эволюция судебной системы и судопроизводства в России в XI–XVIII вв. // ОНВ. 2009. № 6 (82). С. 42–46.

К вопросу о субъекте и квалификации преступления, совершенного медицинским работником

Ковтуненко Эмиль Романович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье автором проанализированы основы выделения субъектов совершения ятрогенных преступлений и их квалификация.

Ключевые слова: пациент, медицинский работник, ятрогенное преступление, специальный субъект, уголовная ответственность, квалификация.

В научной литературе исследуемое явление — совершение преступления медицинским работником, причинения вреда пациентам медицинскими работниками, получило название ятрогении, под которым понимается определенное патологическое состояние, спровоцированное действиями (или бездействием) медицинского работника.

В свою очередь правовой статус медицинского работника, определяемого законодательством в качестве физического лица, имеющего соответствующее образование и осуществляющего профессиональную деятельность в рамках установленных полномочий, имеет принципиальное значение для правильной квалификации профессиональных правонарушений в сфере здравоохранения [1].

Ключевым вопросом в указанном контексте является, соответственно, правовой статус медицинского работника.

В контексте анализа правового статуса участников медицинских правоотношений необходимо отметить существенную эволюцию требований к лицам, осуществляющим медицинскую деятельность.

Если в период до 1 января 2016 года правом на осуществление медицинской деятельности обладали исключительно лица, имеющие сертификат специалиста, то в настоящее время система допуска к профессии претерпела кардинальные изменения [2].

В указанном ключе стоит отметить, что на уровень и качество медицинского образования непосредственное влияние оказывает модернизация процедуры аккредитации специалистов.

Так, в настоящее время указанная выше процедура именуется первичной аккредитацией и состоит из трех этапов: тестирование, проверка практических навыков и умений в симуляционных центрах, решение цикла ситуационных задач [3].

Далее, осваивая компетенции в рамках федерального государственного образовательного стандарта по ординатуре, специалист проходит двухгодичное обучение по выбранной клинической специальности либо обучение по программе профессиональной переподготовки [4].

Таким образом, в процессе обучения в ординатуре у будущего специалиста формируются базовые фундаментальные медицинские знания, клиническое мышление, а также навыки использования современных технологий и методик в сфере профессиональных интересов.

Медицинское образование отличается от абсолютного большинства иных специальностей в первую очередь тем, что каждые пять лет в течение всей своей профессиональной деятельности врач обязан проходить процедуру специализированной аккредитации, включающую в себя непрерывное медицинское образование и итоговую аттестацию.

Думается, что именно указанный подход позволяет поддерживать высокий уровень квалификации врачей и обеспечивать осуществление безопасной медицинской деятельности.

Вторая ключевая фигура медицинских правоотношений, а именно — пациент, правовой статус которого формируется комплексом нормативно-правовых актов различной юридической силы.

Основополагающее же значение в указанной системе имеют положения Конституции РФ, закрепляющие в свою очередь право каждого человека на охрану здоровья [5].

Детальная регламентация статуса пациента осуществляется Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который в системной взаимосвязи с Федеральным законом «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и Законом РФ «О защите прав потребителей» образует правовой фундамент защиты прав пациентов.

Особое место в указанном массиве так же занимает Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736, регулирующее своими положениями вопросы оказания платных медицинских услуг [6].

Стоит отметить, что в начале XXI века объединяющей характеристикой нормативных актов в исследуемой сфере назывался антропоцентричный подход, при котором пациент занимает центральное положение в системе здравоохранения.

Антропоцентричный подход в медицине ориентирован в свою очередь на целостного человека, учет его индивидуальных особенностей, конституционально-типологических характеристик и их роли в диагностике и лечении.

Указанный выше подход зачастую противопоставляется нозоцентрическому, акцентирующему внимание исключительно на болезни.

Однако, в настоящее время в научной среде и практике здравоохранения все большее распространение получает пациентоориентированный подход.

Так, в отличие от антропоцентрического подхода, где акцент делается на личности пациента как таковой, пациентоориентированный же подход предполагает активное вовлечение пациента в процесс принятия решений, учет его ценностей, предпочтений, образа жизни и социального контекста.

При использовании указанного подхода, пациент перестает быть пассивным объектом медицинского вмешательства и становится равноправным с медицинским работником партнером, что способствует повышению удовлетворенности лечением, улучшению клинических результатов и укреплению доверия к системе здравоохранения [7].

Думается, что указанный переход от антропоцентрической модели к пациентоориентированной отражает комплексный характер регулирования медицинской деятельности в Российской Федерации и в полной мере соответствует принципам правового государства, где приоритетом являются права и свободы человека.

В контексте квалификации исследуемого в настоящей работе вида преступлений, следует отметить, что в системе уголовно-правового регулирования профессиональной деятельности медицинских работников можно выделить ряд составов преступлений, предусматривающих их ответственность за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей.

В частности, уголовный закон устанавливает ответственность за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ), а также за причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч. 2 ст. 118 УК РФ). Особое место в системе уголовно-правовых запретов занимает ответственность за заражение

ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122 УК РФ), что подчеркивает повышенную социальную опасность подобных деяний [8].

Значительный интерес представляет анализ специальных составов преступлений, характерных исключительно для медицинской сферы. К ним относится неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), а также последствия незаконного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ).

Необходимо отметить, что существуют некоторые особенности в контексте применения к медицинским работникам ст. 124 УК РФ.

Так, если действия (или бездействие) медицинского работника не содержали умысла, а явились следствием диагностической ошибки либо некорректной оценки текущего состояния пациента, то состав преступления, предусмотренный ст. 124 УК РФ, в таком случае отсутствует.

Иными словами, для применения рассматриваемой нормы требуется установление именно умышленной формы вины.

Но, стоит отметить, что в случаях, когда ненадлежащая помощь больному оказана медицинским работником вследствие неосторожности, а выявленная причинно-следственная связь между профессиональными действиями медицинского работника и наступившими последствиями, в виде летального исхода, либо в виде причинения тяжкого вреда здоровью, получила свое подтверждение, содеянное надлежит квалифицировать в соответствии с ч. 2 ст. 109 УК РФ.

В контексте преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности так же стоит отметить, что к категории неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, относятся только такие общественно опасные деяния медицинских работников, совершенные при выполнении своих профессиональных обязанностей по проведению одноразово или в комплексе в отношении пациента медицинского обследования и (или) медицинских манипуляций, затрагивающих физическое или психическое состояние человека и выполненных с нарушением действующих нормативов по данному клиническому профилю (стандартов и порядков оказания медицинской помощи, клинических протоколов лечения — национальных клинических рекомендаций), а также обычаев медицинской практики, которые по неосторожности повлекли за собой летальное или временное повреждение функции или структуры организма [9].

Итак, на основании изложенного можно отметить, что специальный субъект (медицинский работник с определенным уровнем образования и квалификации) предопределяет также специфику способа совершения ятрогенного преступления, который, в свою очередь всегда связан с профессиональной деятельностью.

Литература:

1. Девятковская С. В. Ятрогенные преступления: актуальные вопросы квалификации противоправных деяний // Философия права. 2020. № 4. С. 100.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2015 № 389-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Положения об аккредитации специалистов: приказ Министерства здравоохранения РФ от 28 октября 2022 г. № 709н // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — подготовка кадров высшей квалификации по программам ординатуры по специальности 31.08.10 Судебно-медицинская экспертиза: приказ Минобрнауки России от 30.06.2021 № 558 (ред. от 19.07.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении «Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006»: Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Пациентоориентированная медицина: новый подход к здоровью и лечению // Пациентоориентированная медицина и формация. [Электронный ресурс] — URL: <https://www.patient-oriented.ru/jour/announcement/view/8352>.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Кравцов Д. А. Некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики преступлений в сфере оказания медицинской помощи // Отечественная юриспруденция. 2020. № 5. С. 21.

Право человека на бесцифровую среду в контексте цифровых прав

Лабецкий Ярослав Сергеевич, студент магистратуры
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье автор рассматривает право человека на бесцифровую среду как важнейшую гарантию свободы выбора между цифровым и традиционным образом жизни. Анализирует риски принудительной цифровизации в сферах банковских услуг, образования, государственного управления и частной жизни, подчеркивая необходимость законодательной защиты права на отказ от цифровых технологий. Особое внимание уделяется проблемам цифрового неравенства, защите приватности и сохранению традиционных форм взаимодействия с государством и обществом.

Ключевые слова: цифровые права, право на бесцифровую среду, защита прав, права человека.

Стремительный рост и прогрессивное развитие цифровых технологий, повсеместная цифровая трансформация привычных «аналоговых» сфер общественных отношений с каждым днем все больше стирает разницу между реальным и виртуальным, правдой и вымыслом, истинным и ложным. Привычные нам атомы как единицы реального мира заменяются битами, возникновение виртуального цифрового имущества подрывает концепцию *res corporales* (телесные вещи) и *res incorporeales* (бестелесные вещи) римского частного права, публичная и частная сферы переопределяются. Меняется парадигма государственно-правового развития, наблюдаются тенденции преобразования правового ландшафта.

Возможность сохранения традиционного «бесцифрового», или «аналогового», образа жизни не означает отказа человека от современных цифровых технологий и механизмов, оно предоставляет человеку право выбора использовать или отказаться от их использования. Скорее следует отметить недопустимость применения мер принуждения к использованию гражданами информацион-

но-коммуникационных технологий, не оставляя им права выбора. В частности, речь идет о недопустимости государственного принуждения к цифровизации. С. С. Алексеев характеризовал государственное принуждение как выраженное в праве внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства, на наличии у него вещественных орудий власти, направленных на внешнее безусловное (непреложное) утверждение государственной воли [1, с. 106]. Государство должно гарантировать предоставление обладателям субъективных прав возможности осуществления правомочий в цифровой среде, гарантировать их реализацию, но ни в коем случае не принуждать к использованию цифровых технологий, превращая их в обязательное условие для участия в общественной жизни.

Примером практически принудительного использования цифровых достижений является банковская сфера. Согласно данным статистики, приведенной Ассоциацией ФинТех, 95 % российских финансовых компаний уже внедрили технологии искусственного интеллекта в основные

процессы [2]. Искусственный интеллект используется для оценки кредитоспособности заемщиков. Так, по словам топ-менеджера Кирилла Царева, 99 % всех решений по кредитам в Сбербанке по умолчанию принимает именно искусственный интеллект без запроса дополнительных данных [3]. Полагаем, что принятие системами искусственного интеллекта решений, от которых будет зависеть возникновение прав и обязанностей граждан, либо иным образом затрагивающих права и интересы граждан, должно осуществляться только в случае получения информированного письменного согласия лица и предоставления ему возможности возразить против обработки его заявления автоматизированными системами. Без такого согласия получается, что клиент пусть и в «добровольно-принудительном» порядке, но все-таки понуждается к исполнению обязанностей по представлению банку документов для обработки автоматизированной системой.

Еще одним примером принудительного использования цифровых достижений в банковской сфере будет применение виртуальных ассистентов (чат-ботов), которых иногда сложно отличить от реального человека. При этом право выбора клиенту общаться или нет с виртуальным помощником зачастую не предоставлено, или же предоставлено только после неоднократно высказанного требования соединиться с оператором. Необходимо отметить позитивные изменения в этом направлении. Так, с 1 февраля 2024 года в Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» внесена норма, обязывающая кредитора или представителя кредитора при осуществлении взаимодействия с должником с использованием искусственного интеллекта (автоматизированного интеллектуального агента) сообщать об этом и обеспечить возможность продолжить такое взаимодействие с физическим лицом [4]. Однако, по умолчанию, право выбора способа непосредственного взаимодействия с должником (личные встречи, телефонные переговоры, автоматизированный интеллектуальный агент) определяет кредитор.

В настоящее время одной из форм реализации права на бесцифровую среду является закрепленное в законодательстве Франции, Италии, Испании, Бельгии и Португалии право дистанционных работников «быть не в сети» (Right to disconnect), позволяющее сотрудникам организаций отключаться от работы в обычное нерабочее время, чтобы им не приходилось отвечать на электронные письма, телефонные звонки или другие сообщения, связанные с работой. Однако, по нашему мнению, право человека на бесцифровую среду по содержанию намного шире, чем новый гибридный элемент права работника на отдых — право «быть не в сети».

С одной стороны, право на бесцифровую среду можно рассматривать через призму возможного средства защиты права на неприкосновенность частной жизни по-

средством осуществления самостоятельного контроля за сбором и распространением информации о себе и своей частной жизни и возможностью запрета осуществления таких действий. С другой стороны, это право можно рассматривать как средство сохранения императива человекообразности, защиту от необходимости осуществления гибридной формы существования, характеризующейся «сращением» человека и технологий, подменой в субъектном составе правоотношений реального человека «цифровой личностью», позволяя людям проживать свою жизнь без необходимости быть подключенными к цифровой среде, без ухудшения его положения по сравнению с другими потребителями коммерческих и государственных услуг. Как подчеркивает А. И. Овчинников, ««электронный двойник» физического лица не должен стать отправной точкой в построении цифровой системы государственного управления» [5, с. 19].

Полагаем, что право на бесцифровую среду представляет собой сложный по составу и объемный по содержанию правовой инструмент, состоящий из ряда субъективных правомочий, каждое из которых требует обеспечения надлежащей правовой охраны и установления гарантированных законом способов защиты. Еще раз обратим внимание, что право на сохранение традиционного образа жизни обусловлено необходимостью установления запрета на принуждение к цифровизации на государственном уровне.

Так, одним из составляющих права на бесцифровую среду является возможность сохранения традиционной формы взаимодействия человека и государства, предоставление лицу выбора, права отказаться от включения в процесс «оцифровывания» традиционных функций государства, государственных услуг и т. д. В частности, посредством закрепления за гражданином права на получение результатов государственных и муниципальных услуг в бумажной, а не электронной форме. Так, пункт 2 ст. 7.4. Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» прямо закрепляет, что «результат предоставления государственной или муниципальной услуги не оформляется в форме документа на бумажном носителе, если иное не установлено нормативными правовыми актами, регулирующими порядок предоставления такой услуги» [6], тем самым предусматривается только электронный вариант получения результата. При этом, согласно данным статистики, приведенной ВЦИОМ, в 2023 году только 88 % россиян в результате опроса продемонстрировали свою информированность о переводе социально значимых госуслуг в электронную форму [7]. По мере прогрессирования тенденции к становлению системы дистанционного электронного голосования в отсутствие законодательно закрепленного права на бесцифровой образ жизни рискуют привести к тому, что традиционные формы участия граждан в управлении государством (выборы и референдум) будут носить имитационный характер (в связи с возможностью манипу-

лирования результатами выборов, неравным доступом к цифровым технологиям определенных групп населения, проблемами обеспечения надлежащей идентификации избирателей и т. д.).

Элементы принуждения к цифровизации наблюдаются и в сфере образования. Так, согласно Приказу Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 18.11.2020 № 600 «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая трансформация»» (с изменениями и дополнениями), доля учащих, по которым осуществляется ведение цифрового профиля, к 2030 году должна достичь 100 %-го показателя. Кроме того, Закон об образовании в ч. 2 ст. 17 предусматривает три формы обучения, а обучение с использованием информационно-телекоммуникационных сетей называется образовательной технологией, следовательно, нет законодательного запрета на повсеместный переход образовательных организаций на дистанционный вариант обучения. Равно как и нет закрепленной на уровне закона нормы, гарантирующей гражданам Российской Федерации сохранение возможности получения образования в традиционной форме.

Кроме вышеназванного, полагаем, что одним из составляющих права на бесцифровую среду является право «быть в одиночестве», или «право на уединение», которое предоставляет физическому лицу приватное пространство, возможность выбора совершать или не совершать действия, исходя из уверенности в том, что за ним никто не наблюдает и не подслушивает. Как подчеркивает Л. В. Чеснокова, «приватное пространство и уединение нужно человеку не для того, чтобы скрывать что-то постыдное, а чтобы иметь возможность думать, чувствовать и вести себя свободно, не подстраиваясь под ожидания окружающих» [8, с. 451]. В условиях развития технологий биометрической идентификации личности с помощью систем искусственного интеллекта, предоставляющей возможность постоянного наблюдения за каждым человеком, существует очевидная угроза самой концепции конфиденциальности. При этом сбор сведений о человеке может осуществляться и пассивно, т. е. без его разрешения. Примеров пассивного сбора данных достаточно. В настоящее время люди, имеющие мобильные телефоны, постоянно предоставляют данные о геолокации с включенными настройками GPS или без них, при загрузке фото и видеоизображений в социальные сети, сами того не желая, мы передаем огромный массив метаданных (данных о данных) и т. д. Кроме того, «в половине случаев системы распознавания лиц используются для обеспечения безопасности на улицах (при этом систему интегрируют в городскую систему видеонаблюдения), также системы используются в школах и вузах, в том числе для контроля входа в учебные заведения»¹. Как подчеркивает Арон Брантли, за 20 лет то, что когда-то было правом человека, «превратилось в привилегию, потому что для обеспечения права человека на неприкосновенность частной

жизни необходимо исключить себя из современной социальной и экономической инфраструктуры» [8].

В основе права человека на бесцифровую среду лежит принцип свободной личности, предоставляющий человеку право на выбор среды взаимодействия (цифровой или в офлайн-формате) как друг с другом, так и с поставителями услуг, в том числе и государственных. Человек, лишенный такого права выбора, рискует утратить себя как личность, превратиться в «существо, лишенное свободы избрания, свободы отпадения» [10, с. 37]. В современном правовом и социально-философском контексте право на доступ к сети Интернет утрачивает исключительно инструментальный характер: подключение к цифровой среде становится актом, преобразующим саму структуру человеческого бытия, превращая ее в гибридную. С этого момента существование индивида в аналоговой реальности неразрывно взаимосвязано с его присутствием в цифровом пространстве, образуя единую онтологическую плоскость. Цифровая организация деятельности систем государственного управления, основанная на расширенном и интегрированном внедрении информационных технологий при выполнении функций и предоставлении услуг, с одной стороны, упрощает доступ пользователя, а с другой, влечет за собой и усугубляет уже существующее цифровое неравенство, увеличивает цифровой разрыв. Среди причин, способствующих увеличению цифрового разрыва в России, можно выделить: причины технического и финансового характера, выражающиеся в обеспеченности граждан информационно-коммуникационными технологиями; причины социального характера, выражающиеся в невозможности/затруднениях в использовании информационно-коммуникационных технологий гражданами, связанных с недостаточной цифровой грамотностью населения, незнанием пользователями информационно-коммуникационных технологий языка, на котором предоставляется информация; причины личного характера, являющиеся наиболее сложно преодолимыми. Молодые, образованные люди, как правило, обладают большим количеством цифровых навыков, чем пожилые, менее «цифрообразованные».

Сегодня технологии настолько вплетаются в основное право, «что становятся одним из его составных элементов» [11, с. 56]. Однако следует помнить, что это всего лишь технологии, а, следовательно, мы имеем возможность осуществлять контроль над ее распространением и интеграцией, упреждать негативное влияние на систему прав человека, что позволит сохранить все позитивные аспекты использования информационно-коммуникационных технологий. И нельзя не согласиться с мнением А. И. Овчинникова, что «сегодня перед правоведами стоит задача защитить человечество от поглощения технократической парадигмой цифровой цивилизации» [12, с. 94]. Обеспечение и гарантированность на государственном уровне права человека на бесцифровую среду как базового права человека позволит достичь гармонии и обеспечить баланс между сохранением публичного порядка и личной свободой.

Следует помнить, что именно уровень защищенности прав человека позволяет нам говорить об уровне демократического развития государства. Именно права человека служат «средством контроля над властными структурами, ограничителем всевластия государства, вседозволенности и произвола» [13, с. 28].

Возможность выбора бесцифрового «старорежимного», традиционного образа жизни должна быть представлена в первую очередь экспертизой принимаемых законопроектов и подзаконных нормативных правовых актов на предмет оценки рисков причинения вреда существующим правам человека, обеспечения равного доступа к реализации естественных прав и свобод человека

для всех категорий граждан, получения юридических гарантий того, что отказ от цифровой формы не приведет к ухудшению их положения по сравнению с другими потребителями коммерческих и государственных услуг.

Таким образом, анализ того, как обеспечить право человека на бесцифровую среду в условиях совершенствования информационных технологий, является важнейшим первым шагом к защите цифровых прав человека. Как справедливо отмечается, сегодня «государство получает вызов — готово ли оно предоставлять гражданину не только услуги, но и новые права. И это, пожалуй, одно из важнейших изменений в концепции государственности в цифровую эпоху — грядущий пересмотр концепции прав человека» [14].

Литература:

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в социалистическом обществе. М.: Юридическая литература, 1971.
2. Исследование Ассоциации ФинТех. «Применение технологий искусственного интеллекта на финансовом рынке» URL: <https://www.fintechru.org/press-center/issledovaniya/issledovanie-aft-primenenie-tekhnologiy-iskusstvennogo-intellekta-na-finansovom-rynke-rasshirennaya/> (дата обращения: 30.03.2026).
3. Кирилл Царев: «99 % решений по кредитам в Сбере принимает искусственный интеллект. URL: <https://plus.rbc.ru/news/638ceb2a7a8aa97b488a6194> (дата обращения: 29.03.2026).
4. Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200497 (дата обращения: 25.03.2026).
5. Овчинников А. И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 6.
6. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023 (дата обращения: 30.03.2026).
7. Национальные проекты — 2022: цифровая экономика. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/nacionalnye-proekty-2022-cifrovaja-ehkonomika> (дата обращения: 30.03.2026)
8. Чеснокова Л. В. Право на уединение как условие оформления опыта приватности // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2–2.
9. Brantly A. Utopia Lost — Human Rights in a Digital World // Applied Cybersecurity & Internet Governance. 2022. Vol. 1, No. 1. URL: <https://www.acigjournal.com/pdf-184290-105048?filename=105048.pdf> (дата обращения: 30.03.2026).
10. Бердяев Н. А. Философия свободы. М.: Издательство Юрайт, 2023.
11. Талапина Э. В., Антопольский А. А., Монахов В. Н. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2023.
12. Овчинников А. И. Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2021. — Т. 8, № 4.
13. Трансформация прав человека в современном мире / отв. ред. А. Н. Савенков. М.: Норма, 2018.
14. Право цифровой среды: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022.

Судебный штраф: теория и практика правоприменения

Лапина Анастасия Александровна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Настоящая статья посвящена комплексному анализу института судебного штрафа в российском уголовном праве. Рассматриваются теоретические основы его возникновения и развития, а также актуальные проблемы правоприменительной практики. Особое внимание уделяется вопросам соотношения судебного штрафа с иными мерами уголовно-правового характера, критериям его назначения и эффективности.

Ключевые слова: судебный штраф, уголовное право, правоприменение, освобождение от уголовной ответственности, уголовно-правовая политика.

Введение

Институт судебного штрафа, введенный в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ, стал одним из наиболее значимых нововведений в отечественной уголовно-правовой системе за последние десятилетия. Его появление обусловлено необходимостью гуманизации уголовной политики, снижения репрессивности и расширения возможностей для освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, при условии возмещения ущерба или иного заглаживания вреда. Судебный штраф представляет собой меру уголовно-правового характера, применяемую судом в отношении лица, совершившего преступление, и позволяющую освободить его от уголовной ответственности при условии уплаты определенной денежной суммы.

Теоретические основы судебного штрафа

Теоретическое осмысление судебного штрафа требует анализа его правовой природы и места в системе уголовного права. С одной стороны, судебный штраф не является наказанием в классическом понимании, поскольку его применение влечет освобождение от уголовной ответственности, а не ее реализацию. С другой стороны, он обладает определенными карательными элементами, выражающимися в имущественных лишениях для лица, его уплачивающего.

Ряд исследователей рассматривает судебный штраф как разновидность принудительной меры уголовно-правового характера, направленной на достижение целей уголовного права без применения наказания. Он выступает альтернативой традиционному уголовному преследованию, позволяя государству реагировать на преступление, не прибегая к стигматизации лица судимостью и связанными с ней ограничениями.

Важным аспектом является соотношение судебного штрафа с институтом примирения сторон и деятельного раскаяния. В отличие от примирения, где инициатива исходит от потерпевшего, и деятельного раскаяния, где акцент делается на добровольном поведении виновного, штраф назначается решением суда, принимаемым с учетом всех обстоятельств дела. Однако он, как и примирение, предполагает заглаживание вреда, причиненного преступлением.

Целями применения судебного штрафа являются:

- восстановление социальной справедливости путем возмещения ущерба потерпевшему;
- предупреждение новых преступлений как со стороны лица, уплатившего штраф, так и со стороны других лиц, осознающих неотвратимость негативных последствий;

- экономия уголовной репрессии (снижение нагрузки на судебную систему и пенитенциарные учреждения);
- ресоциализация лица, совершившего преступление (предоставление возможности избежать судимости и вернуться к полноценной жизни в обществе).

Практика правоприменения судебного штрафа

Практика применения судебного штрафа в России демонстрирует его востребованность и потенциал. Статистические данные свидетельствуют о значительном росте числа лиц, освобожденных от уголовной ответственности с применением данной меры. Однако наряду с положительными тенденциями выявляются и определенные проблемы.

Критерии назначения судебного штрафа

Согласно статье 76.2 УК РФ, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, если оно возместило ущерб или иным образом заглавило причиненный преступлением вред.

Ключевыми критериями являются:

- категория преступления. Преступление должно относиться к категории небольшой или средней тяжести. Это исключает применение судебного штрафа за тяжкие и особо тяжкие преступления;
- отсутствие судимости. Лицо не должно иметь непогашенной или неснятой судимости за совершение умышленного преступления;
- возмещение ущерба или заглаживание вреда. Это обязательное условие. Способы заглаживания вреда могут быть разнообразны — от полного возмещения материального ущерба до компенсации морального вреда, принесения извинений, оказания помощи потерпевшему и т. д. Конкретные размер и форма заглаживания вреда определяются судом индивидуально, исходя из обстоятельств дела и имущественного положения виновного;
- добровольность. Инициатива освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа может исходить как от самого обвиняемого, так и от его защитника, либо может быть предложена прокурором или судом. Однако согласие обвиняемого на применение данной меры является обязательным.

Проблемы правоприменения

1. Неоднозначность толкования понятия «иное заглаживание вреда». На практике возникают сложности

с определением того, какие действия могут быть признаны достаточными для заглаживания вреда, помимо прямого возмещения ущерба. Это может приводить к необоснованным отказам в применении судебного штрафа или, наоборот, к его назначению в случаях, когда вред не был в полной мере заглажен.

2. Размер судебного штрафа. Определение адекватного размера судебного штрафа является сложной задачей. С одной стороны, он не должен быть чрезмерным, чтобы не превратиться в непосильное бремя для обвиняемого. С другой стороны, он должен быть достаточным для достижения целей уголовного права, в том числе для компенсации вреда и предупреждения преступлений. Судебная практика демонстрирует значительный разброс в размерах назначаемых штрафов, что свидетельствует о недостаточной унификации подходов.

3. Соотношение с другими мерами. Иногда возникают вопросы о том, когда следует применять судебный штраф, а когда — другие меры уголовно-правового характера, например примирение с потерпевшим или деятельное раскаяние. Четкое разграничение сфер применения этих институтов могло бы повысить эффективность правоприменения.

4. Контроль за исполнением. Хотя судебный штраф уплачивается в добровольном порядке, существуют механизмы контроля за его исполнением. Однако в случае уклонения от уплаты дело может быть возобновлено, что создает дополнительную нагрузку на правоохранительную систему.

Перспективы развития института судебного штрафа

Несмотря на существующие проблемы, институт судебного штрафа обладает значительным потенциалом. Для повышения его эффективности предлагается:

— разработать более четкие рекомендации и разъяснения. Верховный Суд РФ и иные уполномоченные органы могли бы выработать более конкретные критерии для определения «иного заглаживания вреда» и реко-

мендации по определению размера судебного штрафа с учетом различных категорий преступлений и имущественного положения обвиняемых;

— расширить сферу применения. Возможно, стоит рассмотреть вопрос о применении судебного штрафа не только к впервые совершившим преступления небольшой и средней тяжести, но и к лицам, совершившим некоторые категории преступлений против собственности, где ущерб может быть возмещен в полном объеме;

— проводить информационную работу. Повышение осведомленности как правоприменителей, так и граждан о возможностях и условиях применения судебного штрафа может способствовать более широкому и справедливому его использованию;

— анализировать эффективность. Необходимо проводить регулярный мониторинг и анализ эффективности применения судебного штрафа, его влияния на рецидивную преступность и общее состояние правопорядка.

Заключение

Судебный штраф является важным инструментом современной уголовно-правовой политики, направленным на гуманизацию и оптимизацию уголовного процесса. Теоретическое осмысление позволяет выделить его как самостоятельную меру уголовно-правового характера, обладающую как карательными, так и восстановительными функциями. Практика правоприменения демонстрирует его востребованность, но также выявляет ряд проблем, требующих системного решения. Дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики, направленное на унификацию подходов, повышение прозрачности и предсказуемости, позволит в полной мере реализовать потенциал судебного штрафа как эффективного механизма освобождения от уголовной ответственности, способствующего восстановлению социальной справедливости и предупреждению преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
3. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. — 2016 — № 27 (часть II). — Ст. 4256.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. — М.: Юрайт, актуальная редакция.
6. Абашина Л. А., Минаков Г. Л. Судебный штраф — новая иная мера уголовно-правового характера // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 2. — С. 266–274.
7. Боярская А. В. Судебный штраф: проблемы материально-правового базиса и правоприменения // Правоприменение. — 2018. — Т. 2, № 1. — С. 154–163.

8. Вдовцев П. В., Чарыков А. В. Об освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при отсутствии по уголовному делу потерпевшего // Российский следователь. — 2021. — № 6.
9. Гарбатович Д. А. Проблемы освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за преступления с формальными составами // Уголовное право. — 2022. — № 2 (138). — С. 3–11.
10. Дорошенко О. В. Судебный штраф как элемент «квазиуголовного права» // Вестник Кузбасского института. — 2020. — № 3 (44). — С. 34–42.
11. Кауфман М. А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25, № 1. — С. 143–156.
12. Кострова М. Б. Уголовно-правовые механизмы компенсаторного характера как один из трендов современной «экономико-ориентированной» уголовной политики России // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 73–79.
13. Медведев Е. В. Понятие, юридическая природа и функции судебного штрафа в уголовном праве // Общество и право. — 2022. — № 1 (79). — С. 13–18.
14. Рамазанов Е. Р. Судебный штраф: вопросы законодательного регулирования и правоприменения // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2021. — Т. 1, № 2 (98). — С. 262–263.
15. Скрипченко Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. — 2017. — № 7. — С. 106–114.
16. Хлебницына Е. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: автореф. дис. канд. юрид. наук. — М.: Московский университет МВД РФ. — 2019. — 26 с.
17. Луценко Н. С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения: дис. канд. юрид. наук. — Красноярск: Сибирский федеральный университет. — 2020. — 237 с.
18. Полуэктов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: дис. канд. юрид. наук. — М.: Университет прокуратуры РФ. — 2018. — 210 с.

Цифровой рубль в современном гражданском обороте: проблемы внедрения

Лукьянова Ольга Дмитриевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье освещаются актуальные проблемы внедрения цифрового рубля в современный гражданский оборот. Рассматриваются различные подходы к пониманию правовой природы цифрового рубля, его место в системе объектов гражданских прав, а также текущее состояние правового регулирования.

Ключевые слова: цифровой рубль, гражданский оборот, цифровизация, цифровая валюта, формы национальной валюты, Центральный Банк РФ.

Сегодня мы проживаем тот период истории человечества, который характеризуется масштабной цифровизацией, когда цифровые технологии проникают во все сферы нашей жизнедеятельности. Как известно, появление новых объектов гражданского оборота всегда влечет за собой определенные изменения. Внедрение цифрового рубля не стало исключением и теперь перед законодателем стоит непростая задача по урегулированию нового финансового инструмента.

В современном гражданском обороте существуют следующие формы национальной валюты: наличная форма национальной валюты — банкноты и монеты; безналичная форма — деньги на счетах в банках; а в дополнение к ним появляется ещё и цифровая. Исходя из сказанного, перед нами закономерно встаёт первый вопрос: «какова правовая природа цифрового рубля как объекта гражданского права?». По этому поводу существует множество точек зрения.

В своей концепции Центральный Банк Российской Федерации представляет, что цифровой рубль будет использоваться наравне с наличными и безналичными рублями и содержать в себе лучшие качества этих двух форм национальной валюты. Так, по аналогии с наличными рублями, которые имеют серию и номер, цифровой рубль будет иметь свой уникальный цифровой код, а в перспективе также будет разрабатываться возможность использования цифрового рубля без доступа к сети Интернет и мобильной связи. Связь с безналичной формой прослеживается в отсутствии физического носителя, а также возможности осуществления таких дистанционных операций, как платежи или расчеты. Следует сразу упомянуть, что в данном случае нам предлагают посмотреть на сущность цифрового рубля с экономической точки зрения.

Тем не менее подобный подход подвергается критике. Так, Василевская Л. Ю. не разделяет приведенную выше позицию, поскольку считает, что такой подход не позво-

ляет в должной мере раскрыть правовую природу цифрового рубля.

Рассмотрим же иные доктринальные подходы. Например, Андрюшин С. А., полагает, что цифровой рубль — это третья форма или цифровая форма государственной валюты, или электронное обязательство Центрального банка, номинированное в национальной денежной единице и служащее единицей платежа, мерой стоимости. Иного взгляда придерживается Трубанов А. В. Его позиция формируется на том, что цифровой рубль следует относить к безналичным деньгам, поскольку они не имеют материальной или же говоря иначе овеществленной формы. Не могу не упомянуть взгляд Ситник А. А. по данной теме. В своих исследованиях он пришел к тому, что несмотря на то, что цифровой рубль существует в форме записи на счете или вкладе, и по своим характеристикам похож на безналичные денежные средства, правовая природа у этих двух категорий отличающаяся. Цифровой рубль более подходит на дополнительную форму денег, поскольку переход на его использование не обязателен и как уже упоминалось выше, по механизму своей реализации он скорее напоминает безналичную форму денег.

Подытожив, мы можем прийти к выводу о том, что среди ученых нет единой позиции к определению правовой природы цифрового рубля и дискуссия разворачивается вокруг двух ключевых позиций: первая — цифровой рубль является самостоятельной, а иначе говоря третьей формой денег; вторая — цифровой рубль является разновидностью безналичных денежных средств. Таким образом, возникшие дискуссии ещё раз доказывают всю сложность категоризации цифрового рубля.

Рассмотрев некоторые научные подходы к пониманию природы цифрового рубля, целесообразно перейти к рассмотрению его положения в контексте действующего законодательства. Необходимо отметить, что современная эпоха характеризуется интенсивным развитием процессов цифровизации и в данных условиях нередко наблюдается ситуация, при которой темпы создания и внедрения новых технологий существенно опережают разработку надлежащего правового регулирования. Следствием этого становится формирование пробелов в отечественном законодательстве.

На сегодняшний день, ни в одном нормативно-правовом акте нет легального определения понятия «цифровой рубль» и перед нами он предстает как: «цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег». По моему мнению, ныне существующие нормы, регулирующие положение цифрового рубля, носят технический характер, поскольку скорее направлены на организацию процесса внедрения и обращения цифрового рубля, нежели на раскрытие его правовой природы и сущностных характеристик. Однако, законодатель все же выделил некоторые из них. Так, в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ), можно выделить следующее положение: «К объектам гра-

жданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); ...». В статье 140 ГК РФ говорится следующее: «Платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями».

Продолжая развивать мысль, можно отметить, что, несмотря на упоминание цифрового рубля в ГК РФ, правовая природа данного явления все ещё остается недостаточно раскрытой. Хотя нормы статей 128 и 140 ГК РФ включают цифровой рубль в систему объектов гражданского права и способов расчета, они не отвечают на ряд ключевых вопросов. Приведем некоторые из них: как соотносится цифровой рубль с другими формами денег? каковы его специфические правовые свойства и отличия от других видов денежных средств? каким образом будут защищаться права участников отношений, связанных с использованием цифрового рубля?

Согласно п.4 ст.861 ГК РФ расчеты цифровыми рублями осуществляются путем перевода цифровых рублей Банком России в рамках платформы цифрового рубля в соответствии с законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе. Соответствующее положение о платформе цифрового рубля введены Федеральным законом «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N 161-ФЗ. По мимо этого, данный федеральный закон содержит положения об операторе, участниках, пользователях и правилах платформы цифрового рубля.

Помимо вышеупомянутых актов, существуют и ряд других, в которых содержатся положения, касающиеся исследуемой темы. Так, например, Федеральный закон от 23 мая 2025 года № 105-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» распространил на цифровой рубль действие Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма», определив тем самым, что операции с цифровым рублем будут контролироваться в целях борьбы с преступными доходами. В качестве другого примера можно привести Положение Банка России от 03.08.2023 N 820-П «О платформе цифрового рубля». Данный нормативный правовой акт закрепляет: требования к участникам и пользователям платформы цифрового рубля; виды счетов цифрового рубля и порядок их открытия, ведения и закрытия; порядок предоставления доступа к платформе, приостановления, возобновления и прекращения доступа; виды операций с цифровыми рублями и порядок их совершения; порядок контроля за соблюдением правил платформы и взаимодействия с платёжной системой Банка России.

Необходимость определения правовой природы цифрового рубля обусловлена практическим значением,

и ныне существующие признаки, сформированные законодателем, дают нам основу для размышления о правовой природе цифрового рубля, но пока не позволяют сделать однозначный вывод. На основе же приведенных мною примеров нормативных актов я делаю вывод о том, что существующие нормы носят преимущественно технический характер и направлены на организацию процесса внедрения и обращения цифрового рубля. Таким образом, хотя законодатель и создает основу для внедрения цифрового рубля, его правовая природа все ещё требует более глубокого изучения и нормативного закрепления.

Перейдём к рассмотрению проблем внедрения цифрового рубля в гражданский оборот. Итак, первой проблемой является отсутствие легального определения понятия «цифровой рубль», что порождает проблему несовершенства терминологического аппарата. Рассмотрим соотношение следующих понятий: на первый взгляд, термин «цифровой рубль» и «цифровая валюта» кажутся тождественными, но проанализировав действующее законодательство мы можем убедиться в обратном. Согласно ст.1 ч.3 Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации. Таким образом, мы видим ключевое отличие этих двух понятий, а именно то, что в отличие от цифровой валюты цифровой рубль выполняет роль официального средства платежа на территории нашей страны. К уже сказанному мне бы хотелось добавить, что по данным всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в ходе опроса жителей нашей страны касательно их отношения к цифровому рублю, 43 % опрошенных ответили, что слышали этот термин, но не понимают, что это значит, а по результатам иного опроса 40 % респондентов не видят преимуществ

в использовании цифрового рубля в сравнении с наличными или безналичными деньгами.

Можно сделать вывод, что слабая разработка терминологического аппарата привела к недостаточной информированности и отсутствию доверия граждан к новому объекту гражданских прав.

Следующей существенной проблемой внедрения цифрового рубля, на мой взгляд, является недостаточно проработанное правовое регулирование данного аспекта. Так, перед нами возникают ряд вопросов, на которые законодатель пока не дал ясных ответов. Например, на сегодняшний день отсутствует конкретный механизм защиты прав участников и пользователей платформы цифрового рубля. В соответствии с положениями действующего законодательства цифровые рубли хранятся на электронных кошельках, однако, при хищении, несанкционированному доступу или при техническом сбое они могут быть утеряны, и в отличие от системы страхования банковских вкладов, которая обеспечивает защиту средств, институт страхования цифровых рублей еще не разработан, а это создает неопределенность и вызывает вопросы о том, как будут защищены права участников цифровой платформы.

Из вышеозвученного вытекает следующая проблема. Кто будет нести ответственность за утрату цифровых рублей в вышеперечисленных случаях? То есть необходимо системно подойти к разработке эффективной правовой базы, которая в должной мере смогла бы разрешить подобные ситуации.

Таким образом мы приходим к выводу о том, что несмотря на то, что в настоящее время отсутствует единый подход к пониманию правовой природы цифрового рубля, его внедрение является потенциалом для модернизации гражданского оборота нашей страны. Реализация же этого зависит от многих факторов, включая разработку качественной нормативной базы и надлежащее техническое обеспечение, и если эти трудности будут преодолены, то это несомненно приведет к повышению значимости рубля на рынке валют и возрастанию конкурентоспособности России и отечественных юридических лиц на мировом рынке.

Литература:

1. Банк России, Концепция цифрового рубля / России Банк. — Текст: электронный // cbr.ru: [сайт]. — URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 27.03.2026).
2. Недров А. А. Правовая природа цифрового рубля // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-tsifrovogo-rublya-1> (дата обращения: 28.02.2026).
3. Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5 (138). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-rubl-kak-novaya-forma-deneg> (дата обращения: 28.02.2026).
4. Ситник А. А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8 (153). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-rubl-kak-obekt-finansovo-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 28.02.2026).
5. Положение Банка России от 03.08.2023 N 820-П «О платформе цифрового рубля». // https://www.consultant.ru/URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454540/ (дата обращения: 28.02.2026).
6. Положение Банка России от 03.08.2023 N 820-П «О платформе цифрового рубля». // https://www.consultant.ru/URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454540/ (дата обращения: 28.02.2026).

Уголовно-правовая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью

Лыкова Елизавета Олеговна, студент
Донецкий государственный университет

В статье на основе анализа уголовного законодательства, судебной практики и доктринальных источников исследуется состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК РФ. Рассматриваются объективные и субъективные признаки угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Анализируются квалифицированные виды преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 119 УК РФ, а также современные тенденции правоприменения по делам данной категории. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства в части расширения перечня квалифицирующих признаков.

Ключевые слова: угроза убийством, психическое насилие, реальность угрозы, состав преступления, квалифицирующие признаки, ст. 119 УК РФ, судебная практика.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью является одним из распространенных преступлений против личности. Ежегодно по ст. 119 УК РФ осуждается около 20 тысяч лиц, что подтверждает высокую востребованность данной нормы в правоприменительной практике. Несмотря на кажущуюся простоту законодательной конструкции, квалификация угрозы вызывает значительные сложности, связанные с оценочным характером признака «реальности» угрозы, необходимостью отграничения от смежных составов, а также с доказыванием в условиях появления новых способов совершения преступления.

Родовым объектом преступлений, включенных в раздел VII УК РФ, выступает личность. Видовым объектом преступлений главы 16 УК РФ являются жизнь и здоровье человека. Однако применительно к составу угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью непосредственный объект имеет свою специфику. В отличие от убийства (ст. 105 УК РФ), где объектом выступает жизнь как биологическая категория, либо от причинения вреда здоровью (ст. 111, 112 УК РФ), где объектом является физическое здоровье, в ст. 119 УК РФ на первый план выходит иная составляющая. [1] Непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие психическую безопасность личности, то есть право человека на спокойное и безопасное существование, свободное от страха быть лишенным жизни или здоровья. Это так называемая «психическая неприкосновенность». Таким образом, деяние посягает не столько на физическое состояние потерпевшего, сколько на его внутренний мир, эмоциональную сферу, создавая у него состояние тревоги и реальной опасности за свою жизнь. Как справедливо отмечается в доктрине уголовного права, вред при совершении данного преступления причиняется именно нормальному функционированию психики человека, что не исключает возможности наступления более тяжких последствий, но и не требует их обязательного наличия [2, с. 428].

Объективная сторона преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 119 УК РФ, выражается в деянии в форме дей-

ствия — угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Законодатель сконструировал данный состав как формальный, то есть преступление признается оконченным с момента совершения указанного действия независимо от того, наступили ли какие-либо последствия. Однако, несмотря на формальность конструкции, для наличия состава необходимо установить два обязательных признака: характер угрозы и реальность ее восприятия потерпевшим. Содержание угрозы должно быть конкретным и ясным. Виновный должен высказать намерение лишить жизни или причинить тяжкий вред здоровью. Способ выражения угрозы может быть любым: устно, письменно, конклюдентный (с помощью жестов, демонстрации оружия или предметов, используемых в качестве оружия). Важно, чтобы форма выражения не оставляла сомнений в характере намерений виновного. Например, если лицо, размахивая ножом, кричит «Я тебя сейчас порежу!», это однозначно воспринимается как угроза причинением тяжкого вреда здоровью. В то же время угроза абстрактного характера, не связанная с немедленным применением насилия, например «Я тебя когда-нибудь убью», не всегда может быть признана составом данного преступления, если из обстановки не следует реальности ее осуществления.

Ключевым оценочным признаком объективной стороны является реальность угрозы. Законодатель указывает, что угроза признается преступлением лишь тогда, когда имелись основания опасаться ее осуществления. При оценке реальности угрозы суды учитывают комплекс обстоятельств: обстановку совершения преступления (время, место), данные о личности виновного и потерпевшего (физическое превосходство, наличие оружия), предшествующие взаимоотношения, а также субъективное восприятие угрозы потерпевшим [3, с. 38]. При оценке реальности угрозы суды учитывают целый комплекс обстоятельств. Во-первых, это обстановка совершения преступления: время и место, наличие посторонних лиц, степень конфликтности ситуации. Во-вторых, это данные о личности виновного и потерпевшего: их физические данные, возраст, наличие оружия или навыков обращения с ним, предше-

ствующие взаимоотношения. В-третьих, это характер действий виновного: демонстрация оружия, агрессивное поведение, физическое превосходство. Если виновный, обладая явным физическим преимуществом, в ходе ссоры представляет нож к горлу потерпевшего, реальность угрозы очевидна. Если же угроза высказана в переписке на расстоянии, и виновный не имеет реальной возможности ее осуществить, состав преступления будет отсутствовать.

Субъект преступления является общим. В соответствии со статьями 19 и 20 УК РФ, к уголовной ответственности по ст. 119 УК РФ может быть привлечено вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. Виновный осознает, что высказывает угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, предвидит, что потерпевший воспринимает эту угрозу как реальную и опасается ее осуществления, и желает оказать на него такое психическое воздействие. Мотивы совершения преступления могут быть самыми разнообразными: месть, ревность, хулиганские побуждения, желание запугать, прекратить нежелательное поведение потерпевшего. Мотив не влияет на квалификацию по ч. 1 ст. 119 УК РФ, однако учитывается судом при индивидуализации наказания. Если же угроза была высказана по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, содеянное квалифицируется уже по ч. 2 данной статьи.

В действующей редакции ст. 119 УК РФ выделяются две части: часть первая устанавливает ответственность за основной состав, а часть вторая — за квалифицированный состав, который предусматривает уголовную ответственность за то же деяние, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Выделение данного квалифицирующего признака обусловлено не только повышенной общественной опасностью самого деяния, но и особой опасностью мотива, который лежит в его основе. Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды, посягают не только на конкретную личность, но и на основы конституционного строя, принципы равенства граждан, социальный мир и согласие. Для правильного применения ч. 2 ст. 119 УК РФ необходимо установить, что именно мотив ненависти или вражды был доминирующим при совершении преступления. Это означает, что виновный выбирает потерпевшего или совершает в отношении него действия не из-за личных неприязненных отношений, а именно в силу принадлежности потерпевшего к определенной расе, национальности, религии, политической группе или иной социальной группе. Установление мотива представляет значительную сложность для правоприменителя, поскольку он относится к числу субъективных признаков, познаваемых через анализ объективных обстоятельств. О наличии такого мотива могут свидетельствовать вы-

сказывания виновного до, во время и после совершения преступления, его предыдущие действия, демонстрация символики, а также избирательный характер действий в отношении лиц определенной группы.

В современной правоприменительной практике и доктрине активно обсуждается вопрос о необходимости расширения перечня квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 119 УК РФ. Анализ статистических данных показывает, что значительная часть угроз убийством совершается с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в отношении двух или более лиц, либо в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии. Однако в настоящее время данные обстоятельства не являются квалифицирующими признаками в рамках ст. 119 УК РФ, а учитываются судом при назначении наказания в качестве отягчающих обстоятельств в соответствии со ст. 63 УК РФ. В научной литературе неоднократно высказывались предложения о дополнении ст. 119 УК РФ такими квалифицирующими признаками, как совершение угрозы: с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; в отношении двух или более лиц; в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии; группой лиц или группой лиц по предварительному сговору; с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Сторонники такой позиции аргументируют свою точку зрения тем, что перечисленные способы и обстоятельства существенно повышают степень общественной опасности деяния, а их закрепление в законе позволит более справедливо дифференцировать уголовную ответственность [4, с. 22–25].

Анализ судебных решений, обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, а также статистических данных позволяет выделить ряд устойчивых тенденций, сложившихся за последние годы. Первая тенденция связана с уточнением и конкретизацией критериев реальности угрозы. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях неоднократно подчеркивал, что реальность угрозы не может устанавливаться исключительно на основании субъективного восприятия потерпевшего. Вторая тенденция проявляется в повышении требований к процессуальной форме доказательств. Кассационная и надзорная практика последних лет свидетельствует о том, что любые нарушения уголовно-процессуального закона при собирании и закреплении доказательств по делам данной категории являются безусловным основанием для отмены приговора. Третья тенденция касается формирования единообразных подходов к квалификации при конкуренции норм. Четвертая тенденция прослеживается в подходах к назначению наказания. С одной стороны, суды стали активнее применять институт примирения сторон и назначения мер уголовно-правового характера, особенно в случаях, когда преступление совершено впервые, на бытовой почве, виновный загладил причиненный вред и примирился с потерпевшим. С другой стороны, наблюдается тенденция к ужесточению наказания в отношении лиц, совершивших данное преступление с исполь-

зованием оружия, в состоянии алкогольного опьянения, а также при наличии непогашенных судимостей. Пятая тенденция связана с расширением предмета судебного исследования. Суды все чаще назначают по делам данной категории судебно-психиатрические и судебно-психологические экспертизы. Шестая тенденция отражает адаптацию правоприменительной практики к современным реалиям — росту числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Седьмая тенденция заключается в усилении профилактической функции судов. При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ст. 119 УК РФ, суды все чаще выносят частные постановления в адрес органов системы профилактики, указывая на необходимость принятия мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Таким образом, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью представляет собой сложную

уголовно-правовую категорию, характеризующуюся совокупностью объективных и субъективных признаков, центральное место среди которых занимает реальность как критерий общественной опасности деяния. Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства. Во-первых, представляется целесообразным дополнить статью 119 УК РФ новыми квалифицирующими признаками, включив в нее совершение угрозы: с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; в отношении двух или более лиц; в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии; с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Во-вторых, в целях единообразного применения нормы необходимо подготовить и утвердить постановление Пленума Верховного Суда РФ, содержащее разъяснения по вопросам квалификации угрозы, включая критерии оценки реальности угрозы.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. — М.: Проспект, 2021. — 912 с.
3. Тыдыкова Н. В. О проблемах понимания признаков состава угрозы убийством // Юрислингвистика. — 2023. — № 28(39). — С. 37–41.
4. Иванов Н. Г. Оценочные признаки в уголовном праве: проблемы теории и практики // Российское правосудие. — 2020. — № 4. — С. 15–22.

Анализ проблемных аспектов квалификации продолжаемых преступлений в судебной практике 2020–2024 годов и роль Постановления Пленума ВС РФ № 43 от 12.12.2023 в их разрешении

Малый Алина Максимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лапунин Михаил Михайлович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует ключевые проблемные аспекты квалификации продолжаемых преступлений, выявленные в судебной практике 2020–2024 гг., анализирует причины противоречивости правоприменительных подходов и оценивает роль Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» в преодолении сложившейся правовой неопределённости.

Ключевые слова: уголовное право, продолжаемое преступление, квалификация преступлений, единый умысел, совокупность преступлений, Постановление Пленума ВС РФ № 43, судебная практика.

Введение

Институт продолжаемого преступления в российском уголовном праве на протяжении десятилетий занимает парадоксальное положение: являясь одной из наиболее востребованных конструкций при квалификации множества

деяний — от хищений до должностных преступлений — он вплоть до конца 2023 года не имел сколько-нибудь детализированного и непротиворечивого нормативного или квазинормативного закрепления. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) не содержит легальной дефиниции продолжаемого преступ-

ления, а единственное на протяжении почти века официальное определение — сформулированное в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. (в ред. от 14 марта 1963 г.) «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» — отличалось лаконичностью и абстрактностью, недостаточными для единообразного разрешения всего спектра практических коллизий. Согласно этому определению, продолжаемое преступление представляло собой «преступление, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление».

Такая ситуация, когда фундаментальный для квалификации институт функционировал в режиме экстра-легальной, по своей сути, доктринально-судебной конструкции, неизбежно порождала хроническую правовую неопределённость. Период 2020–2024 гг. обнажил эту проблему с особой остротой: анализ судебной практики данного периода свидетельствует о сохранении глубоких противоречий в подходах судов к определению границ единого умысла, к толкованию критерия тождественности деяний, к оценке временных разрывов между эпизодами, а также к разграничению продолжаемого преступления и совокупности преступлений. Эти противоречия приобретали подчас характер взаимоисключающих решений по аналогичным фактическим обстоятельствам, что подрывало принцип правовой определённости и равенства граждан перед законом.

Принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 43, Постановление № 43) стало событием, значение которого для данного института трудно переоценить. Впервые за почти столетие высшая судебная инстанция предприняла попытку системного и детализированного разъяснения признаков продолжаемого преступления, одновременно признав утратившим силу историческое Постановление 1929 года. Целью настоящей статьи является комплексный анализ проблемных аспектов квалификации продолжаемых преступлений, выявленных в судебной практике 2020–2024 гг., и оценка того, в какой мере Постановление Пленума ВС РФ № 43 способно разрешить накопившиеся противоречия, а какие проблемы остаются открытыми и требуют дальнейшего научного осмысления и, возможно, законодательного вмешательства.

Проблемный аспект первый: содержание и границы единого умысла

Состояние проблемы до Постановления № 43

Субъективный критерий — наличие единого умысла — традиционно рассматривается доктриной и практикой как центральный, конституирующий признак продолжае-

мого преступления, именно тот элемент, который превращает ряд разрозненных деяний в юридическое единство. Ещё Н. С. Таганцев указывал на «единство решимости» как на основание объединения нескольких актов в одно преступное деяние. В. Н. Кудрявцев развивал эту позицию, отмечая, что единый умысел должен возникнуть до начала совершения первого из тождественных действий, охватывая в общих чертах весь план будущей преступной деятельности. Именно этот тезис имеет колоссальное практическое значение, поскольку позволяет теоретически отграничить продолжаемое преступление от совокупности, при которой умысел на совершение каждого последующего преступления возникает заново.

Однако правоприменительная практика 2020–2023 гг. со всей очевидностью продемонстрировала, что абстрактная формула «единый умысел, направленный к общей цели» без дополнительной конкретизации допускает диаметрально противоположные толкования. Ключевой дискуссионной проблемой оставался вопрос о степени конкретизации умысла: является ли обязательным наличие у виновного заранее сформированного, конкретизированного плана, предполагающего определённый конечный результат (например, похитить строго определённую сумму путём совершения нескольких эпизодов), или достаточно общего, неконкретизированного намерения (например, систематически похищать имущество с определённого объекта «по мере возможности»)?

Судебная практика указанного периода изобиловала примерами обоих подходов. В ряде случаев суды квалифицировали как совокупность преступлений серию однотипных хищений, совершённых одним лицом из одного источника, мотивируя это тем, что подсудимый не мог доказать наличие заранее определённого общего плана, а каждый эпизод совершался «по ситуации». Так, в практике районных судов встречались приговоры, в которых систематические хищения материальных ценностей работником со склада работодателя квалифицировались по совокупности нескольких краж (ст. 158 УК РФ), поскольку, по мнению суда, умысел на каждое хищение возникал самостоятельно, и виновный «не имел заранее определённого плана на хищение конкретного объёма имущества». Напротив, в других, аналогичных по факту случаях, суды приходили к выводу о наличии продолжаемого хищения, квалифицируя содеянное как единое преступление с учётом общей суммы похищенного, указывая на «очевидный единый умысел виновного на хищение имущества с данного объекта».

Как справедливо отмечала Н. А. Лопашенко, подобное усмотрение правоприменителя в условиях отсутствия нормативных ориентиров трансформируется из инструмента гибкости в источник правовой неопределённости. На практике это приводило к ситуации, когда квалификация деяния — и, следовательно, вид и размер назначаемого наказания — зависела не столько от объективных обстоятельств дела, сколько от субъективного правопонимания конкретного следователя или судьи. А. И. Рарог неоднократно обращал внимание на то, что доказывание единого умысла

представляет собой едва ли не самую сложную задачу в процессе квалификации продолжаемых преступлений, поскольку речь идёт о внутренних психических процессах, доступных для исследования лишь опосредованно — через анализ объективных обстоятельств содеянного.

Позиция Постановления Пленума ВС РФ № 43

Постановление Пленума ВС РФ № 43 предприняло значительные усилия для разрешения данной проблемы. В пункте 4 Постановления указано, что продолжаемое преступление состоит из двух или более тождественных противоправных деяний, объединённых единым умыслом, и эти деяния «совершаются, как правило, через непродолжительные промежутки времени, аналогичным способом, в отношении одного и того же объекта уголовно-правовой охраны». Принципиальное значение имеет разъяснение пункта 5, согласно которому о наличии единого умысла могут свидетельствовать, в частности, «совершение тождественных деяний с единой целью, реализация которой рассчитана на неоднократное совершение таких деяний; их направленность на один и тот же объект уголовно-правовой охраны; один и тот же способ совершения деяний; один и тот же источник, из которого изымается имущество, единые обстоятельства (место, время, обстановка), в которых совершаются деяния; небольшой промежуток времени между деяниями».

Таким образом, Пленум Верховного Суда избрал подход, который можно квалифицировать как объективизацию субъективного критерия. Вместо попытки дать определение самого единого умысла как психического феномена, высшая судебная инстанция пошла по пути перечисления объективных обстоятельств-индикаторов, совокупность которых позволяет суду сделать обоснованный вывод о наличии или отсутствии такого умысла. Этот подход представляется методологически верным и практически значимым, поскольку переводит проблему из плоскости недоказуемых «внутренних переживаний» в плоскость верифицируемых фактических обстоятельств.

Вместе с тем Постановление № 43 не сняло все вопросы. Перечень объективных индикаторов единого умысла носит открытый, примерный характер, о чём свидетельствует оборот «в частности». Пленум также не ответил прямо на вопрос о допустимости квалификации как продолжаемого преступления деяний, совершённых с так называемым неконкретизированным (неопределённым) умыслом, когда лицо изначально не имеет чётко определённой конечной цели, а действует по принципу «сколько удастся». Данный пробел оставляет пространство для различных интерпретаций и, вероятно, будет порождать новые дискуссии в практике. Представляется, что в последующих разъяснениях или в научной доктрине необходимо дополнительно проработать вопрос о том, при каком минимальном уровне конкретизации умысла деяние может быть признано продолжаемым, а при

каком — должно квалифицироваться как совокупность, даже при наличии внешних признаков сходства эпизодов.

Проблемный аспект второй: тождественность и однородность деяний

Объективный критерий — характеристика деяний, составляющих эпизоды продолжаемого преступления, — являлся вторым по значимости источником квалификационных трудностей. Постановление 1929 года оперировало термином «тождественные преступные действия», что порождало вопрос: означает ли тождественность абсолютную идентичность юридической природы каждого эпизода, или допустимы некоторые отклонения?

Данная проблема была особенно актуальна в сфере квалификации хищений. В судебной практике 2020–2023 гг. неоднократно вставал вопрос: можно ли признать продолжаемым хищением деяние, в котором отдельные эпизоды совершены различными способами, но объединены общей целью? Например, если лицо похищает имущество из одного и того же источника, но в одних случаях действует тайно (кража — ст. 158 УК РФ), а в других — путём обмана (мошенничество — ст. 159 УК РФ), или в одних эпизодах — тайно, а в других — открыто (грабёж — ст. 161 УК РФ). Буквальное толкование требования «тождественности» действий не позволяло объединять такие эпизоды в единое продолжаемое преступление, поскольку кража, мошенничество и грабёж являются самостоятельными составами преступлений с различными способами совершения. Однако ряд учёных, в частности, М. И. Ковалёв, ещё в советский период указывал, что понятие тождественности не следует трактовать как абсолютную идентичность и что оно допускает некоторую вариативность способа, если юридическая сущность посягательства остаётся неизменной.

Постановление № 43 внесло существенную ясность в данный вопрос, хотя и сохранило ряд оценочных категорий. Пленум, определяя продолжаемое преступление, использует термин «тождественные противоправные деяния» (п. 4), однако далее разъясняет, что о единстве умысла свидетельствует, среди прочего, «один и тот же способ совершения деяний». Принципиальное значение имеет разъяснение, содержащееся в пункте 6 Постановления, согласно которому «в случаях, когда единое продолжаемое преступление совершено в отношении нескольких потерпевших и (или) в различной обстановке, это не исключает квалификацию содеянного как единого преступления при условии, что все деяния совершены с единым умыслом».

Таким образом, Пленум, с одной стороны, подтвердил требование тождественности в качестве общего правила, а с другой — допустил определённую гибкость в оценке обстоятельств совершения деяний, акцентируя внимание на приоритете субъективного критерия (единого умысла). Это позволяет говорить о том, что Постановление занимает компромиссную позицию, не отказываясь от требования тождественности, но и не придавая ему абсолютного характера.

Проблемный аспект третий: временные разрывы между эпизодами

Ещё одним традиционным источником квалификационных затруднений являлся вопрос о допустимой продолжительности перерывов между отдельными эпизодами продолжаемого преступления. Постановление 1929 года не содержало каких-либо указаний на этот счёт. Доктрина, в свою очередь, ограничивалась общими формулами о «незначительном разрыве во времени» (Б. А. Куринов), не определяя его количественных или хотя бы качественных пределов.

В судебной практике 2020–2023 гг. эта неопределённость проявлялась весьма наглядно. Встречались случаи, когда суды признавали продолжаемым преступлением деяния, эпизоды которых были разделены промежутками в несколько месяцев (например, при систематическом хищении бюджетных средств должностным лицом, производившим «мёртвые души» в платёжных ведомостях ежеквартально), и случаи, когда совокупностью преступлений квалифицировались деяния с интервалом между эпизодами всего в несколько дней (например, если суд усматривал самостоятельный умысел на каждое хищение). Отсутствие единого подхода к оценке временного фактора приводило к произвольности судебной оценки. Важно подчеркнуть, что временной разрыв сам по себе не является ни доказательством, ни опровержением единого умысла, а лишь одним из обстоятельств, подлежащих оценке в совокупности с иными — однако в отсутствие ориентиров он приобретал непропорционально большое или, напротив, ничтожно малое значение в различных решениях.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 2.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 9.
5. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к дящимся и продолжаемым преступлениям» (в ред. от 14.03.1963) (утратило силу).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации...» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 18. — Ст. 2058.
7. Дурманов, Н. Д. Советский уголовный закон / Н. Д. Дурманов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. — 319 с.
8. Есаков, Г. А. Продолжаемое преступление: старые проблемы и новые разъяснения / Г. А. Есаков // Уголовное право. — 2024. — № 2. — С. 21–29.

1. Квалификация продолжаемых преступлений в судебной практике 2020–2024 гг. сопряжена с комплексом проблем, обусловленных как отсутствием легальной дефиниции данного института в тексте УК РФ, так и недостаточностью ранее существовавших разъяснений высшей судебной инстанции. Основными проблемными аспектами являются: определение содержания и границ единого умысла; требование тождественности деяний; оценка допустимости временных разрывов между эпизодами; разграничение продолжаемого преступления и совокупности; определение момента окончания преступления и применимого закона; исчисление размера ущерба при продолжаемых хищениях.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» представляет собой качественно новый этап в развитии нормативного обеспечения института продолжаемого преступления. Оно содержит системные, методологически последовательные разъяснения, направленные на преодоление большинства из выявленных проблем, и, что принципиально важно, вводит механизм объективизации субъективного критерия единого умысла посредством перечня верифицируемых индикаторов.

3. Вместе с тем Постановление не устраняет и не может устранить все проблемы квалификации продолжаемых преступлений. Ряд используемых в нём критериев носит оценочный характер, что объективно сохраняет пространство для неединообразного правоприменения. Некоторые частные, но практически значимые вопросы (квалификация при неконкретизированном умысле, допустимость включения в продолжаемое преступление однородных, но не тождественных деяний, квалификация при добровольном отказе от продолжения преступления) остались за рамками разъяснений.

9. Иногамова-Хегай, Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений / Л. В. Иногамова-Хегай. — М.: ИНФРА-М, 2015. — 272 с.

Проблемы, возникающие при вынесении постановления об отказе в передаче кассационной жалобы (представления) для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, и пути их решения

Мартынова Варвара Юрьевна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В данной статье рассмотрены основные действия, которые должен предпринять суд кассационной инстанции при формировании кассационных производств по кассационным жалобам (представлениям) по уголовным делам, в передаче которых для рассмотрения в судебном заседании отказано.

Ключевые слова: производство в суде кассационной инстанции, изучение кассационной жалобы, постановление об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Problems arising when issuing a decision to refuse to transfer a cassation appeal (representation) for consideration at a court hearing of the cassation court, and ways to resolve them

This article examines the main actions that a cassation court must take when forming cassation proceedings on cassation complaints (representations) in criminal cases, the transfer of which for consideration at a court hearing was refused.

Keywords: proceedings in the court of cassation, examination of the cassation appeal, decision to refuse to transfer the cassation appeal for consideration at a hearing of the court of cassation.

Важнейшей новеллой законодательного реформирования судостроительной и судопроизводственной деятельности, инициированной Верховным Судом Российской Федерации, является создание по экстерриториальному принципу кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции.

Кассационная инстанция имеет свою четко выраженную специфику — это не «суд факта», поскольку не наделена полномочиями по установлению фактических обстоятельств дела и исследованию доказательств. Вместе с тем, суд кассационной инстанции — это «суд права», который на высоком профессиональном уровне проверяет судебные акты на соответствие требованиям материального и процессуального закона, выявляет нарушения и оценивает их на предмет существенности и как они повлияли на исход дела, соблюдая принцип правовой определенности, не допускающий отмену вступивших в законную силу судебных актов по формальным основаниям.

Согласно статье 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1] по результатам изучения кассационных жалобы, представления судья выносит одно из следующих постановлений: об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмо-

трения в судебном заседании суда кассационной инстанции, либо о передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Отдельно следует отметить особенность порядка формирования кассационных производств по кассационным жалобам (представлениям) по уголовным делам, в передаче которых для рассмотрения в судебном заседании отказано. Данный момент регулируется, в том числе Инструкцией по судебному делопроизводству в кассационных судах общей юрисдикции, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 01.10.2019 № 224 [2] (далее — Инструкция), в которую неоднократно вносились изменения с момента начала деятельности кассационных судов общей юрисдикции. Вместе с тем на сегодняшний день ряд моментов Инструкцией хоть и были изменены, но по-прежнему остаются моменты, которые не урегулированы, либо нуждаются в некоторой оптимизации.

Сравнивая редакцию от 27.12.2024 Инструкции с предыдущей от 26.01.2022 по вопросу формирования кассационных производств по кассационным жалобам (представлениям) по уголовным делам, в передаче которых для рассмотрения в судебном заседании отказано, можно сказать о том, что ранее в суде кассационной инстанции

оставались, в том числе оригинал кассационной жалобы (представления), подлинник постановления об отказе, иные документы, приложенные заявителем. Для получения копий постановления об отказе заявитель мог обратиться в соответствующий суд кассационной инстанции, который вынес данное постановление, ввиду того, что согласно п. 11.5.1. Инструкции (ред. от 26.01.2022) в случае вынесения судьей постановления об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции в кассационное производство в числе прочих документов подшивается подлинник данного постановления.

Однако срок хранения кассационных производств согласно приказу Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 21.12.2022 № 242 «Об утверждении Перечня документов, образующихся в процессе деятельности федеральных судов общей юрисдикции, с указанием сроков их хранения и Порядка хранения некоторых видов документов, предусмотренных Перечнем документов, образующихся в процессе деятельности федеральных судов общей юрисдикции, с указанием сроков их хранения» [3] — 1 год. Таким образом, вызывает озабоченность судьба подлинников судебных актов, так как их уничтожение допускается с учетом действующей редакции нормативных документов. На практике кассационным судом общей юрисдикции подлинники постановлений изымаются при отборе к уничтожению кассационных производств с истекшим сроком хранения. Вместе с тем проводить аналогию между уголовным делом и кассационным производством некорректно ввиду процессуальных отличий и разного уровня ценности данных документов. Кроме того, закрепленный в Инструкции (ред. от 26.01.2022) механизм препятствовал кассационным судам общей юрисдикции вести такие кассационные производства в электронном виде ввиду неурегулированности судьбы подлинников судебных актов на бумажном носителе. Были выдвинуты предложения, чтобы упомянутые подлинники постановлений подлежали направлению в суд первой инстанции для приобщения к материалам уголовного дела либо приобщению к материалам дела непосредственно кассационным судом общей юрисдикции в случае их истребования. Схожий механизм закреплен в Инструкции применительно к делам об административных правонарушениях и положительно себя зарекомендовал.

Редакция Инструкции от 27.12.2024 учла направляемые предложения и теперь согласно п. 11.5. Инструкции оригинал постановления суда об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, оригиналы кассационных жалоб, представлений, копия сопроводительного письма о направлении копии постановления лицу, подавшему кассационную жалобу, представление (если дело не было истребовано) направляются в суд первой инстанции для приобщения к материалам уголовного дела.

Таким образом, суду первой инстанции надлежит своевременно подшивать в дело и вносить во внутреннюю опись полученные от кассационного суда общей юрисдикции документы (в том числе подлинник постановления об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции).

Однако соответствующие изменения не были внесены в УПК РФ. Статья 401.10 УПК РФ предусматривает, что при вынесении судьей кассационного суда общей юрисдикции постановления об отказе в передаче кассационной жалобы (представления) для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, кассационная жалоба (представление) и копии обжалуемых судебных актов остаются в суде кассационной инстанции. По смыслу статьи заявителю для получения документов (копий документов) из кассационного производства по его кассационной жалобе (представлению) надлежит обратиться в соответствующий суд кассационной инстанции.

С учетом изложенного, наблюдается такая ситуация, что при обращении заявителя с ходатайством о выдаче, к примеру, иных документов, приложенных им к кассационной жалобе (представлению), которые согласно ст. 401.10 УПК РФ суд кассационной инстанции может вернуть, он может столкнуться с двумя вариантами событий, которые регламентирует уже Инструкция. Первый вариант, если постановление об отказе было вынесено до внесения изменений в Инструкцию, то есть до 27.12.2024, и производство еще не было уничтожено, как говорилось ранее срок хранения — 1 год, то суд кассационной инстанции может выдать ему запрашиваемые документы, в том числе копию постановления об отказе. Второй вариант, если постановление об отказе вынесено после внесения изменений в Инструкцию, где суд кассационной инстанции направил все документы заявителя, в том числе и оригинал постановления об отказе в суд первой инстанции для приобщения к делу, то заявитель лишен права получить, как и иные документы, не входящие в перечень статьи 401.10 УПК РФ, так и копию постановления об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Таким образом, из-за изменений, внесенных в Инструкцию по судебному делопроизводству, но без внесения соответствующих уточнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, заявитель находится в двойственном положении куда именно ему обращаться. Следовательно, предлагается внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, например, убрав предложение, в котором перечисляется, что должно остаться в суде кассационной инстанции при вынесении судьей постановления об отказе в передаче кассационной жалобы (представления) для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 3.
2. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 01.10.2019 № 224 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в кассационных судах общей юрисдикции» // Бюллетень актов по судебной системе. — 2019. — № 11.
3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 21.12.2022 № 242 «Об утверждении Перечня документов, образующихся в процессе деятельности федеральных судов общей юрисдикции, с указанием сроков их хранения и Порядка хранения некоторых видов документов, предусмотренных Перечнем документов, образующихся в процессе деятельности федеральных судов общей юрисдикции, с указанием сроков их хранения» // Судья. — 2023. — № 2.

Квалификация присвоения находки в уголовном праве после принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации

Матющенко Дарья Дмитриевна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует развитие судебной практики после принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 января 2023 г. № 2-П.

Ключевые слова: находка, хищение, кража.

Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова» [1] (далее — постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П) сыграло важную роль в формировании критериев разграничения присвоения найденного имущества от кражи. Под находкой понимается чужая вещь, которая выбыла из владения собственника или иного владельца помимо его воли, а другое лицо стало ее фактическим обладателем.

Необходимо отметить, что в доктрине еще до вынесения постановления Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П были выработаны два подхода к квалификации присвоения найденного.

Первая точка зрения основана на «статусе» имущества, который влияет на наличие признаков состава преступления при присвоении находки. Можно выделить три категории вещей: оставленная, забытая и потерянная. Оставленная вещь — это имущество, которое собственник сознательно и временно оставил в известном месте, сохраняя контроль и возможность распоряжаться им. В этом случае имущество продолжает находиться во владении собственника (владельца), а захват такой вещи квалифицируется как хищение [2, с. 27]. Так, например, потерпевший оставил у обочины сломавшийся во время

поездки квадроцикл. Обвиняемый обнаружил транспортное средство и присвоил его себе. Сохраняя без изменения обвинительный приговор по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, кассационный суд установил, что квадроцикл по своему внешнему и техническому состоянию не имел признаков брошенной либо забытой вещи, подсудимый не предпринял каких-либо мер к установлению собственника данного имущества, напротив, в этот же день он нанял перевозчика и доставил квадроцикл к себе домой. Его действия, «выразившееся сначала в противоправном изъятии, присвоении и сокрытии найденной вещи, а затем в попытке прикрытия указанных действий путем заявления о находке, когда ему стало известно о размещении об этих действиях в сети «Интернет», свидетельствует о возникшем у осужденного умысле на хищение этого имущества и о наличии у него корыстной цели, а также о попытке уйти от ответственности за кражу чужого имущества путем маскировки противоправных действий под правомерные» [3].

Забытая вещь — это вещь, находящаяся в месте, известном владельцу, который имеет возможность вернуть ее. Также считается, что собственник (владелец) не утрачивает владение над ней и противоправные действия против нее следует квалифицировать как кражу. Так, например, суд указал, что «индивидуальные особенности найденной сумки и место ее обнаружения однозначно свидетельствовали о том, что сумка по невнимательности хозяина была забыта на лавочке в магазине, а не брошена собственником с целью отказа от нее», таким образом

противоправное и активное сокрытие имущества подсудимым свидетельствуют о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ [4].

Потерянная вещь находится в неизвестном владельцу месте, вследствие чего имущество самостоятельно выбывает из владения собственника. Присвоение такой вещи не может рассматриваться в качестве кражи [5, с. 10].

Тем не менее, полагаем, что для целей квалификации присвоения найденного имущества его «статус» (оставленное, забытое, утерянное) не имеет определяющего значения, поскольку в любом случае с юридической точки зрения данная вещь является для лица, ее обнаружившей, чужой. Соответственно, руководствуясь принципом добросовестности, находчик обязан совершить предусмотренные законом действия по возврату имущества владельцу.

Вторая точка зрения заключается в том, что невыполнение действий, предусмотренных ст. 227 ГК РФ, не влечет уголовной ответственности. Данная позиция основывается на том, что для наличия хищения необходимо установить, что преступник завладел чужим имуществом, которое к моменту изъятия находилось в собственности или во владении другого лица. При присвоении имущества по тем или иным причинам помимо воли субъекта уже выбыло из его владения. Именно поэтому представители науки отмечают, что «присвоение — это не кража, присвоитель никуда не крадет, чтобы тайно изъять имущество из владения его хозяина» [6, с. 36]. Например, Третий кассационный суд общей юрисдикции отменил апелляционное постановление по делу Г., который, находясь в помещении торгового зала магазина, обнаружив на полу 4700 рублей, поднял их и покинул магазин, поскольку он «обнаружил выбывшие из владения денежные купюры в торговом зале магазина ... активных действий по изъятию имущества из владения собственника не совершал, поднял денежные купюры с пола торгового зала магазина, когда они без какого-либо его участия уже выбыли из владения» [7].

Соглашаясь с вышеприведенным подходом, отметим, что кражу возможно совершить только путем обращения в свою пользу или изъятия вещи из фактического владения, в то время как, оставленная, забытая, потерянная вещь уже выбыла из владения помимо воли собственника (владельца) вследствие его невнимательности или неосмотрительности.

Тем не менее, Конституционный Суд РФ признает в качестве преступления действия по присвоению находки, если:

— лицо присваивает какую-либо вещь, не являясь очевидцем ее потери собственником, но может идентифицировать владельца или собственника имущества. Также имущество не должно иметь признаки брошенного;

— лицо присваивает какую-либо вещь, являясь очевидцем ее потери собственником;

— лицо, присвоившее вещь, совершает активные действия по сокрытию найденной вещи либо по сокрытию (уничтожение) признаков, позволяющих индивидуализировать это имущество или подтвердить его принадлежность законному владельцу.

Таким образом, принятие постановления Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П привело к следующим тенденциям.

Во-первых, правоприменитель под забытой вещью понимает предмет, который был оставлен (забыт) в публичном месте, в том числе, оборудованном камерами видеонаблюдения, позволяющими установить владельца [8]. Ее взятие расценивается как кража при условии, что лицо не выполнило действия по ее возврату или оно активно пользуется ею, извлекает в своих интересах полезные свойства.

Во-вторых, суды начали расширительно толковать противоправное и активное сокрытие имущества нашедшим его лицом. Например, к ним могут относиться унос вещи из места обнаружения, укрытие в кармане. В частности, «согласно обстоятельствам дела подсудимая, обнаружив денежные средства, не сообщила об этом администрации торгового помещения и не приняла иных мер к их возвращению собственнику, как это предписано ст. 227 ГК РФ, а, убедившись в том, что за ней никто не наблюдает, немедленно покинула торговое помещение» [9]. Обвиняемая была осуждена по ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Поводя итог, необходимо отметить, что в юридической доктрине и практике существуют разные подходы к квалификации присвоения найденной вещи. Ключевыми критериями для оценки таких действий выступают активные действия по изъятию имущества, место его потери и нахождения, наличие идентифицирующих признаков, осведомленность лица о владельце вещи, а также статус предмета (оставлен, забыт или потерян). По нашему мнению, при квалификации действий лица есть риск применения объективного вменения, поскольку трудно доказать прямой умысел на тайное хищение, а оценка права владения и факта утраты имущества обычно ведется с позиции собственника, игнорируя субъективное восприятие лица. Однако, в целях охраны имущественных прав собственника (владельца) незаконное обращение в собственность утерянного имущества, сопровождающееся невыполнением положений ст. 227 ГК РФ в корыстных целях, следует квалифицировать именно как кражу, так как отдельная норма, устанавливающая ответственность за присвоение найденного имущества в современной законодательстве отсутствует.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного

- кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова» // СПС «Консультант Плюс».
2. Безбородов Д. А. Квалификация присвоения найденного или случайно оказавшегося у лица имущества // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. статей по ун-т правосудия. СПб., 2015. С. 25–27.
 3. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2025 № 77–1665/2025 // СПС «Консультант Плюс».
 4. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2025 № 77–1470/2025 // СПС «Консультант Плюс».
 5. Бриллиантов А. В. Хищение или неосновательное обогащение? // Уголовное право. 2016. № 4. С. 9–13.
 6. Введение в экономическое уголовное право: учебное пособие / Иван Анатольевич Клепицкий. — М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. — 186 с.
 7. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2023 № 77–1757/2023 // СПС «Консультант Плюс».
 8. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26 марта 2024 г. по делу № 77–685/2024 // СПС «Консультант Плюс».
 9. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2023 № 77–1569/2023 // СПС «Консультант Плюс».

Экономические и юридические гарантии конституционного права граждан на пенсию

Мерзляков Александр Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Данилова Ольга Андреевна, кандидат юридических наук, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье рассматриваются экономические и юридические гарантии реализации конституционного права граждан РФ на пенсионное обеспечение. Анализируются положения действующего законодательства, механизмы финансирования пенсионной системы, а также проблемы и перспективы развития пенсионного обеспечения. Особое внимание уделяется соотношению принципов социальной справедливости и обеспечения достойного уровня жизни граждан, получающих пенсию.

Ключевые слова: конституционное право, пенсионное обеспечение, социальные гарантии, пенсионная система, страховые пенсии, государственная политика, социальная защита.

Конституционное право граждан на пенсионное обеспечение является одним из фундаментальных элементов системы социальных прав и гарантий в Российской Федерации. Оно закреплено в основном законе государства и представляет собой важнейший инструмент реализации принципа социального государства, направленного на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В современных условиях трансформации экономики, демографических изменений и реформирования социальной сферы вопросы обеспечения устойчивости и эффективности пенсионной системы приобретают особую актуальность.

Право на пенсию в России носит комплексный характер и включает в себя не только формальное закрепление в законодательстве, но и систему экономических и организационно-правовых механизмов, направленных на его реализацию. Конституционная норма предполагает, что государство берет на себя обязательство гарантировать гражданам материальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца

и в иных установленных законом случаях. Таким образом, речь идет не только о праве, но и о конкретных обязанностях государства, которые должны быть обеспечены соответствующими ресурсами и институтами.

Юридические гарантии права на пенсионное обеспечение выражаются прежде всего в системе нормативно-правовых актов, регулирующих пенсионные отношения. К ним относятся федеральные законы, подзаконные акты, а также международные обязательства Российской Федерации. Законодательство определяет основания возникновения права на пенсию, порядок ее назначения, размеры выплат, условия индексации, а также механизмы защиты прав граждан в случае их нарушения [5, с. 8–9].

Существенным элементом юридических гарантий является возможность судебной защиты права на пенсию. Граждане вправе оспаривать действия или бездействие органов, осуществляющих пенсионное обеспечение, в судебном порядке. Практика показывает, что судебные органы играют значительную роль в формировании правоприменительной практики, особенно в вопросах пе-

перерасчета пенсий, подтверждения стажа, учета льготных условий труда и иных аспектов.

Экономические гарантии права на пенсию неразрывно связаны с функционированием пенсионной системы и источниками ее финансирования. В РФ действует преимущественно страховая модель пенсионного обеспечения, основанная на принципе обязательного пенсионного страхования. Финансирование осуществляется за счет страховых взносов работодателей и работников, а также средств федерального бюджета.

Одним из ключевых аспектов экономических гарантий является устойчивость пенсионной системы. Она зависит от ряда факторов, включая демографическую ситуацию, уровень занятости населения, динамику заработных плат, а также эффективность администрирования страховых взносов. В условиях старения населения и снижения доли трудоспособных граждан нагрузка на пенсионную систему возрастает, что требует поиска новых решений для обеспечения ее финансовой стабильности.

В последние годы в России были реализованы масштабные реформы пенсионной системы, направленные на повышение ее устойчивости. Одной из наиболее значимых мер стало поэтапное повышение пенсионного возраста. С одной стороны, повышение пенсионного возраста позволяет снизить нагрузку на бюджет и увеличить период формирования пенсионных прав, с другой — требует учета состояния здоровья населения, уровня занятости и региональных особенностей [6, с. 3–5].

Важным элементом экономических гарантий является индексация пенсий, направленная на сохранение их покупательной способности в условиях инфляции. Законодательство предусматривает регулярное повышение размеров пенсий с учетом роста цен и иных экономических показателей. Однако на практике уровень индексации не всегда соответствует реальному росту стоимости жизни, что приводит к снижению реального уровня доходов пенсионеров. В этой связи актуальным является вопрос о совершенствовании механизмов индексации и их привязке к объективным экономическим индикаторам. Особое значение имеет проблема дифференциации пенсионных выплат. Существующая система учитывает трудовой стаж, размер заработной платы и иные факторы, влияющие на формирование пенсионных прав. Однако в результате возникают значительные различия в размерах пенсий, что ставит вопрос о соблюдении принципа социальной справедливости. Государство стремится сгладить данные различия посредством установления минимальных гарантий, социальных доплат и иных механизмов.

Дополнительным элементом пенсионной системы являются накопительные механизмы, предполагающие формирование индивидуальных пенсионных накоплений.

Однако эффективность накопительных механизмов во многом зависит от уровня доверия населения к финансовым институтам, а также от стабильности экономической среды. В условиях экономической нестабильности граждане зачастую предпочитают более консервативные формы сбережений.

Необходимо отметить, что реализация права на пенсию тесно связана с общим уровнем социально-экономического развития государства. Высокий уровень занятости, рост доходов населения, развитие экономики способствуют укреплению финансовой базы пенсионной системы. В то же время экономические кризисы, снижение доходов бюджета и рост безработицы негативно отражаются на возможностях государства по выполнению своих социальных обязательств [7, с. 2]. Особое внимание следует уделить проблемам правоприменения в сфере пенсионного обеспечения. Несмотря на наличие развитой нормативной базы, на практике возникают сложности, связанные с подтверждением трудового стажа, учетом неформальной занятости, а также с применением отдельных норм законодательства. Это требует совершенствования административных процедур, повышения прозрачности деятельности органов, осуществляющих пенсионное обеспечение, и внедрения современных информационных технологий. Важным направлением развития системы гарантий права на пенсию является цифровизация. Внедрение электронных сервисов позволяет упростить процедуры назначения и перерасчета пенсий, повысить доступность информации для граждан и снизить административные барьеры.

Перспективы развития пенсионной системы Российской Федерации связаны с необходимостью балансирования между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Государство должно обеспечить устойчивость пенсионной системы, не допуская при этом снижения уровня социальной защиты граждан. Это требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие экономики, стимулирование занятости и повышение финансовой грамотности населения.

Подводя итоги, следует сказать, что экономические и юридические гарантии конституционного права граждан на пенсию представляют собой сложную и многогранную систему, включающую нормативно-правовые, финансовые и организационные элементы. Их эффективность определяется не только качеством законодательства, но и реальными возможностями государства по его реализации. В современных условиях особое значение приобретает поиск оптимального баланса между интересами государства и граждан, направленного на обеспечение достойного уровня жизни пенсионеров и устойчивого развития общества в целом.

Литература:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями на 04.10.2022) // СЗ РФ. — 1994 — № 11 — Ст. 1416; 2022 — № 39 — Ст. 7

2. Федеральный закон от 15.12.2001 N 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. — 2001 — № 9 — Ст. 158; 2025 — № 3 — Ст. 120
3. Федеральный закон от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. — 2013 — № 42 — Ст. 1801; 2025 — № 2 — Ст. 98
4. Федеральный закон от 15.12.2001 N 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (ред. от 29.10.2024, в силе с 01.01.2025) // СЗ РФ. — 2001 — № 9 — Ст. 132; 2024 — № 30 — Ст. 41
5. Акатнова М. И. Конституционные гарантии социального обеспечения и их реализация // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 10 (С. 8–9)
6. Семенова О. Н. Конституционное право на социальное обеспечение: новые требования в содержании юридических гарантий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 2 (С. 3–5)
7. Колотова Н. В. Конституционализация понятия «достойный уровень жизни» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 11 (С. 2)

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 15 (618) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 22.04.2026. Дата выхода в свет: 29.04.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.